

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА Минюста России)»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Материалы

VI международной научно-практической конференции

Санкт-Петербург, 25 сентября 2020 г.

Том 2

Санкт-Петербург
2020

УДК 342
ББК 67.0

Редакционная коллегия:

*Д. В. Рыбин (председатель),
Е. В. Трофимов (ответственный редактор),
Д. В. Волков, А. Н. Несмиянов, Т. И. Свиридонова,
Я. А. Сексте, А. А. Сергеева, Н. Н. Штыкова*

А 43 Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы VI международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 25 сентября 2020 г.) : в 2-х т. / редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. — Т. 2. — 194 с.

В настоящем сборнике представлены научные доклады по широкому спектру государствоведческих и публично-правовых вопросов, которые были обсуждены на VI международной научно-практической конференции, состоявшейся в Санкт-Петербурге 25 сентября 2020 г.

Издание предназначено для научно-педагогических работников, аспирантов и студентов юридических вузов, а также всех интересующихся проблемами права.

ISBN 978-5-6044512-4-3 (т. 2)

ISBN 978-5-6044512-4-3

ISBN 978-5-6044512-2-9

ISBN 978-5-6044512-2-9

© Авторы статей, 2020
© ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020
(составление, оформление)

Содержание

<i>Мушнина Л. Н.</i> Жреческие коллегии Древнего Рима и их роль в римском праве	5
<i>Лотоцкий А. С.</i> «Добровольное» задержание	11
<i>Горбатова М. А., Щупанова Н. И.</i> Квалификация действий соучастников в преступлении с двумя формами вины	14
<i>Dr. Miklós Tihanyi, Dr. Szabolcs Mátyás, Dr. Vince Vári.</i> Drug policy in Hungary: genesis of legal regulation.....	18
<i>Ефремова И. А.</i> Духовно-нравственное воздействие на осужденных в местах лишения свободы	22
<i>Сагитдинова З. И.</i> К вопросу о конкуренции нормативных предписаний статьи 78 Уголовного кодекса РФ.....	25
<i>Резюк В. И.</i> Стратегические подходы к нормативному закреплению и регулированию в корпоративном секторе антикоррупционных этических стандартов и правил поведения	29
<i>Богданова Е. В., Чумилин Г. Е.</i> Актуальные вопросы взыскания судебных издержек в гражданском процессе	34
<i>Антонов И. А.</i> Независимость и самостоятельность — основа процессуального статуса следователя	42
<i>Сердюков А. А.</i> Кастовый строй в Индии и гандизм как один из этапов формирования государственности в Индии	47
<i>Соловьева Т. В.</i> Принцип состязательности в условиях упрощения и информатизации гражданского судопроизводства	53
<i>Усманова Д. Р., Кулаков Н. А.</i> Отдельные вопросы квалификации субъектов противодействия коррупции в Российской Федерации.....	57
<i>Титовец А. Э.</i> Уголовно-правовая охрана потерпевшего от преступлений, совершенных по мотиву ревности.....	62
<i>Шкаревский Д. Н.</i> Организация руководства органами транспортной юстиции в 1941–1956 гг.....	65
<i>Федчун А. В.</i> Необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов в наследственных правоотношениях	81
<i>Храмов С. М.</i> Как квалифицируется содеянное в уголовном праве?	88
<i>Шагеева Р. М.</i> Становление и развитие апелляционного производства в российском уголовном процессе	95
<i>Шувалова А. М.</i> Уголовно-правовая охрана лиц, осуществляющих правосудие либо предварительное расследование	105
<i>Ярославский К. С.</i> Влияние объекта преступления при незаконной игровой деятельности на методику его расследования	107
<i>Щербакова Л. Г., Фомичева Р. В.</i> Некоторые вопросы компетенции Суда по интеллектуальным правам	114

Шунк В. Э. Тактика обеспечения публичных интересов России по уголовным делам в отношении иностранных граждан.....	119
Петров А. В., Жичкина С. Е. Развитие российской государственности через призму формирования концепции прав и свобод человека и гражданина	122
Корнелик Ф. И. Особенности правового регулирования и тенденция развития института самозанятых	131
Иванова Г. А. Принцип поликодовости в образовательном процессе юридического вуза.....	136
Чезидов М. С. Классификация и виды правонарушений за нарушение законодательства в сфере финансового рынка.....	142
Сопраньков Г. А. Иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве	149
Дорофеева С. Н. Злоупотребление правом на примере судебных споров, вытекающих из семейно-брачных отношений.....	152
Кутузова С. В. Систематизация права как ресурс совершенствования законодательства правового государства	158
Солянкина Н. А. Представительство интересов нанимателя в трудовых правоотношениях	165
Соколова Е. В. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности	174
Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В. Проблемы судебной экспертизы в трудах А. Ф. Кони.....	177
Ежова Е. В. Некоторые особенности изменения или отмены решения по уголовному делу в суде апелляционной инстанции	184
Маджид М. А. Позиции иракского законодательства в отношении финансирования терроризма	187

Мушнина Людмила Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Россия, Санкт-Петербург,
milavas@mail.ru

Жреческие коллегии Древнего Рима и их роль в римском праве

Римское право, ставшее основой законодательства многих европейских государств, до сих пор является объектом тщательного изучения и признается лучшим образцом правотворчества. Истоки римского права относятся ко времени существования первобытной родовой общины, внутри которой сформировалось так называемое сакральное право. Оно и стало впоследствии основанием, на котором была выстроена вся римская юриспруденция. С формированием государства сакральное право стало уступать место гражданскому, и уже во времена Республики было принято разделять сакральное, или божественное, право (*fas*) и гражданское, или человеческое (*jus*), причем *jus* с развитием христианства постепенно нивелировало остатки язычества в римском праве. Что касается архаического сакрального права, то в его основе заключена идея о том, что все на земле принадлежит богам: земля, имущество, урожай с полей, рост доходов, приплод скота. Поэтому в эпоху архаики вся жизнь римлян была органично связана с разнообразными обрядами и обычаями, относящимися к поклонению и почитанию богов. С такими представлениями древнего человека как раз и связана роль жрецов как толкователей божественной воли. Жрецы первоначально были главами родовых общин (*patres*); именно они имели право на заключение договорного обязательства с богом (*Serv. AdAen. XI. 558*).

Должность жреца мог занимать свободнорожденный гражданин без телесных недостатков, безукоризненного поведения, причем звание жреца было пожизненным (за исключением весталок). Назначал жрецов царь, а во времена Республики *pontifex maximus* (верховный жрец) или избирали сами члены жреческих коллегий. Таких коллегий в Древнем Риме было несколько: коллегия понтификов, коллегия авгу-ров, коллегия фламинов, коллегия весталок, коллегия арвальских братьев, коллегия жрецов-священнослужителей и т. д.

Следует отметить, что уже в эпоху архаики в Риме среди жреческих коллегий установилось своего рода разделение обязанностей, направленных на ту или иную сторону жизни общины. В связи с этим *jus sacrum* делилось на понтификальное право (*jus pontificum*), авгуральное право (*jus augurale*), фециальное право (*jus fetiale*), право фламинов и религиозное право [2, с. 15–16].

Коллегия жрецов-понтификов (*pontifices*) называлась *collegium pontificum* (вероятно, от лат. *pons, pontis* — (мост) и *facere* — делать). Согласно этой этимологии, понтифики — это строители мостов. Считается, что связь понтификов с мостами вытекает из их древней обязанности наблюдать за священным мостом (*pons sublicius*) [1, с. 249]. Однако другая этимология более соответствует сакральной функции понтификов и объясняет происхождение слова *pontifex* от умбр. *puntes* — процессия, обход, обряд [4, с. 117].

Первоначально коллегия понтификов состояла из пяти членов, один из которых — *pontifex maximus* — был главным. Впоследствии количество жрецов коллегии возросло до пятнадцати. В коллегиям понтификов входили и другие жрецы: *rex sacrorum* (царь-жертвоприношитель), жрецы-фламины и весталки. Функция *rex sacrorum* во времена Республики состояла в совершении жертвоприношений, которые ранее совершал царь. Каждый из 15 жрецов-фламинов был жрецом какого-то отдельного божества. Существовали три старших фламينا, принадлежавшие к патрициям (*flamines majores*): жрецы Юпитера, Марса и Квирина. Двенадцать младших фламинов могли быть из плебеев. Жрицы-весталки (*virgins vestales*), дававшие обет безбрачия на 30 лет службы, охраняли и поддерживали огонь в храме Весты.

Главной обязанностью понтификов было наблюдение за точным совершением жертвоприношений, ведением календаря (*fasti*) и летоисчислением. Понтифики также составляли списки ежегодно избираемых должностных лиц, особенно консулов (*fasti consulares*), и вели летописную хронику, так называемые *annals maximi*, где отражали наиболее важные события года.

Понтифики были хранителями божественной воли, т. е. проверяли, как исполняют сакральное право жрецы, магистраты и обычные люди. Римский грамматик Фест (II век н. э.) приводит характеристику правовой деятельности понтификов: «Верховный понтифик называется так оттого, что является главным в делах, которые относятся к жертвоприношениям (*sacra*) и религиозным обрядам (*religions*); он также должен быть судьей и карателем за неповиновение как частных лиц, так и магистратов» (р. 1131). Сами же понтифики, как сообщает Дионисий Галикарнасский (II.73), были свободны от судебного наказания и от преследования судом. По мнению Плутарха, в эпоху царей именно сам царь (*rex*) был первым верховным понтификом (Numa.9). Особенно подчеркивается древними авторами роль понтификов в проведении

куриатных комиций: куриатный закон вступал в силу только после того, как участники комиций произносили на своей сходке сакральную клятву над принесенным в жертву животным (Dionys. V.1.3). Именно понтифики контролировали четкое соблюдение этой церемонии, и таким образом власть через жрецов держала под контролем принятие и исполнение куриатных законов [1, с. 19].

Особенно существенной была роль понтификов в вопросах семейного права. Они следили за сохранением родовых и фамильных священных действий, о чем сообщает Цицерон (Cic. Leg. II. 47–53). За понтификами была закреплена функция утверждения завещаний и контроля над ними (Gell. XV. 27. 1–3). Понтификам принадлежало право контроля над процедурой адрогации (переход римского гражданина (*sui juris*) из одного рода в другой), а также над процедурой адопции (усыновление римского гражданина, находящегося *in potestate parentum*). Понтификальное право давало возможность верховному понтифику принимать участие в процедуре заключения брака по древнему обряду *confarreatio* (Serv. Georg. I. 31).

Однако наибольшую связь с формированием и развитием римского архаического права представляет коллегия авгуров. Главной обязанностью членов этой коллегии было наблюдение за знамениями, по которым авгур должен был определить, одобряет ли бог те или иные мероприятия или поступки людей. Учение авгуров (*disciplina auguralis*) опиралось на древнее религиозное убеждение в том, что Юпитер и другие боги транслируют людям свое отношение к их делам и поступкам через знамения, которые боги или посылают сами, или отвечают этими знамениями на вопросы людей, обращенные к ним.

Название жрецов «*augures*» происходит от того, что они гадали (или наблюдали знамения) в основном по птицам (*avis* — «птица» + *gerere* — «вести»). Само знамение (или наблюдение за ним) называлось *augurium* или *auspicium*. Было известно 5 видов знамений: по полету птиц (*signaex avibus*), по клеванию кур (*signaex tripudiis*), по небесным явлениям (*signaex caelo*) — молния и гром, по бегу или голосу животных (*signaex quadrupedibus*), по необычным событиям, например по падению человека или предмета (*signaex duris*) [4, с. 136].

Следует отметить, что в отличие от понтификального права, допускавшего надзор за кровавыми жертвами, авгуры вследствие влияния на них пифагорейцев с их отрицанием кровавых жертв были только гадателями: авгуральное право связывало их исключительно с бескровными жертвами. Например, Плутарх сообщает (Numa.8): «Порядок жертвоприношений у авгуров полностью следует пифагорейским обрядам. Жертвы были бескровны...»

Предсказание будущего авгурами у римлян называлось дивинацией, которая, как считал Цицерон, связана с авгуральным правом (*jus augurale*): «Однако право, связанное с авторитетом авгуров, является

важнейшим и величайшим в государстве» (Cic. Leg. II.12.31). «Государственные авгуры, интерпретаторы воли Юпитера, на основании знамений и ауспий пусть узнают будущее <...> и хранят Рим, поля и храмы свободными и священными. И все то, что авгур объявит неправильным, порочным или зловещим, пусть не будет выполнено или свершено: кто ослушается, пусть ответит головой» (Cic. Leg. II.20-21). Опираясь на свидетельства Цицерона и другие источники, можно заключить, что авгуры имели особые функции в межевании римских земель, в установлении и соблюдении границ (как в Риме, так и в его колониях). Они решали, в каком месте возводить общественные здания и храмы. Согласно Цицерону (Leg. II.21), авгуры имели право роспуска народных собраний, право объявить негодными богам выборы чиновников (магистратов), отменить ранее принятые законы. авгуры имели право одобрения или право вето на любое действие римских чиновников (магистратов) и даже всего народа Рима.

Согласно традиции, должность авгура могли занимать цари (Cic. Div. I.89). авгуры носили царскую пурпурную мантию и символ царской судебной власти — загнутый жезл, который называли *lituus*. Обладая этим квиринальским жезлом, они могли не только гадать, но и вершить суд, выясняя через гадания, какой именно гражданин вызвал гнев богов на всю *civitas* (общину). К расследованию авгуров прибегали при разборе в народном собрании куриальных апелляций на судебные решения магистратов, так называемые *provocation ad populum* (обращение к народу).

Следует заметить, что Цицерон называет авгуров, наделенных расчетливым умом и умеющих принимать разумные решения, *prudentes*, а знатоков права (*juris prudentes*) сравнивает с авгурами (Cic. Deorat. I.45.199). Кроме того, в трактате «О законах» Цицерон называет авгура советчиком самого Юпитера, ибо авгур транслирует волю бога и в качестве совета передает ее людям. авгура в такой роли Цицерон называет *consularius* (советчик, юрисконсульт) (Cic. Leg. II.20;3,43).

Важно отметить, что в эпоху архаики учение авгуров в Риме имело две сферы применения: в рассмотрении государственных дел и в советах по общего рода делам (*agenda consilium* — Cic. Leg. II.13.33). Такого рода советы назывались *response* или *decreta*. Кроме того, сочетание *agenda consilium* могло иметь значение «совет по ведению судебных исков», т. е. употребляться в значении судебного процесса.

Таким образом, в архаическом Риме авгуры были чем-то вроде высшего апелляционного суда, следователями и юрисконсультами одновременно [2, с. 98]. В Риме эпохи республики эти функции авгуров переходили к новым магистратам, обладавшим судебными функциями: преторам, цензорам, трибунам, эдилам, квесторам и т. д. Однако и позднее римское право долго сохраняло ритуальные нормы судебного процесса, заложенные авгурами.

Некоторые исследователи считают, что все жреческие коллегии, в том числе коллегия авгуров, находились под контролем понтификов [3, с. 249]. Тем не менее авгуральное право и сами жрецы-авгуры пользовались относительной самостоятельностью и независимостью. Верховный понтифик их прямо не контролировал и ими не управлял. Даже римский царь не мог лишить авгура его сана, ибо все были убеждены, что авгур получил искусство предсказания будущего от самого Юпитера.

Вопросы международных отношений и международного права находились в ведении коллегии фециалов (*fetialis* — этимология неясна). В состав этой коллегии входили 20 жрецов — представителей высших сословий. Круг их обязанностей включал совершение особых религиозных обрядов, когда римское государство объявляло войну или заключало мир, чтобы придать этим событиям религиозное (или сакральное) значение.

Основываясь на сведениях древних авторов о фециалах (*jus fetiale*), можно определить их функции [2, с. 148–149].

1. Фециалы присутствовали при заключении договоров, скрепляя их определенными обрядами. Договоры эти, как правило, были договорами о мире, в связи с чем Дионисий Галикарнасский называет фециалов эйренодиками — возвещающими мир (*Plut. Numa.12*).

2. Перед тем как объявить войну, фециалы осуществляли предварительный обряд примирения. Он заключался в следующем: если римский народ считал себя оскорбленным другим народом, то до объявления войны, пытаясь решить дело миром (*resperetere*), к противнику посылали 2–4 фециалов с требованием удовлетворения претензий. Если требование исполнялось, дело завершалось миром.

3. У фециалов было право объявлять войну. Если требование мира не удовлетворялось, то по истечении 30 дней старший из фециалов (*pater patratus*) в присутствии 3 свидетелей, бросив на территорию противника окровавленное копьё, торжественно произносил формулу объявления войны. После такой церемонии объявленная война считалась вполне законной (*jus triumphum que duellum*).

4. Фециалы сопровождали людей, совершивших международные преступления и подлежащих выдаче за то, что нарушили обещания, данные другому народу.

5. Фециалы выступали как консультанты в делах, связанных с заключением мира, перемирия или объявлением войны. Некоторые нормы *jura fetialia* были записаны в законах XII таблиц (закон о вечном мире между римлянами и латинами, отсутствие срока давности в правовых отношениях между римлянами и чужеземцами и т. д.). Таким образом, деятельность коллегии фециалов была связана с дипломатией и положила начало формированию международного права (*jus gentium*).

Другие жреческие коллегии древнего Рима были менее связаны с сакральным правом, хотя и относились к эпохе архаики. Например, на-

звание коллегии *fratres aruales* (арвальских братьев) происходит от слова «*arvum*» — пашня, поле. В коллегию входили 12 жрецов, чья деятельность была посвящена богине земли (*Dea Dia*). Каждый год в мае жрецы совершали жертвоприношения этой богине в ее роще недалеко от Рима. Совершая жертвы в честь плодородия, жрецы исполняли священный танец (*tripudium*) и пели древнюю песню в честь Ларов и Марса.

Отметим, что кроме исполнения перечисленных архаических обрядов коллегия арвальских братьев имела непосредственное отношение к императорскому культу [2, с. 224]. Каждый год коллегия арвальских братьев проводила обряды по исполнению обетов богам за здоровье и благополучие обожествленных императоров (начиная с Августа) и их семей, а также совершала жертвоприношения по частным значимым поводам (дни рождения императоров, памятные для империи даты, раскрытие заговоров против императоров и т. д.).

Существовала также так называемая коллегия жрецов священнодействий (*sacerdotes Sybillini* — Сивиллины жрецы), состоявшая из 15 членов – *quindecemviri sacris faciundis*. Они хранили Сивиллины книги (*libri Sybillini*), содержавшие предсказания о будущем Рима. Их деятельность была связана с культом Аполлона и с римской прорицательницей Сивиллой, чей культ был распространен на юге Италии, в городе Кумы. При особенно трудном положении государства к Сивиллиным книгам по приказанию сената обращались за советом. За выполнением предписанных Сивиллой мер следили жрецы священнодействий. Кроме того, они курировали введение культов иноземных богов, особенно греческих.

Анализ сакрального права римских коллегий жрецов позволяет прийти к выводу, что из сакральных запретов, жертвоприношений и обрядов, имевших место еще при первобытнообщинном строе, постепенно появлялись четкие положения юридической системы римского права. Таким образом, несмотря на то что архаическое сакральное право жрецов во многом было примитивным, оно подготовило основополагающие принципы, по которым в течение многих веков существования Римской империи, а затем и после ее падения действовало римское право.

Список литературы

1. *Бартошек М.* Римское право (понятия, термины, определения). — М.: Юрид. лит., 1989. — 447 с.
2. Жреческие коллегии в раннем Риме: К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М.: Наука, 2001. — 328 с.
3. *Маяк И. Л.* Рим первых царей: генезис римского полиса. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — 269 с.
4. *Санчурский Н. В.* Римские древности. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 206 с.

Лотоцкий Антон Сергеевич,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
Россия, Санкт-Петербург,
barristeroffice@yandex.ru

«Добровольное» задержание

Одним из важнейших правовых институтов являются гарантии прав лица относительно защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

К такого рода ограничениям относится задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве.

В настоящее время крайне остро стоит вопрос соблюдения баланса интересов государства и прав подозреваемого при задержании.

С учетом частого применения мер задержания сотрудниками правоохранительных органов граждан, подозреваемых в совершении преступлений, применения к лицам, вовлеченным в уголовный процесс, мер процессуального принуждения проблема нарушений при задержаниях весьма актуальна с точки зрения как ее прикладного характера, так и научного подхода.

Мера процессуального принуждения, непосредственно связанная с ограничением свободы и нарушением неприкосновенности граждан, является наиболее строгой.

В соответствии с нормами УПК РФ (п. 11 ст. 5) задержание подозреваемого есть мера процессуального принуждения, применяемая органами дознания, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Вместе с тем законом не определено, каким образом происходит фактическое задержание, должны ли в обязательном порядке применяться спецсредства и силовое воздействие к лицу, подвергающемуся задержанию.

В связи с данным обстоятельством возникают вопросы: если сотрудники правоохранительных органов сообщают лицу о необходимости проехать в их сопровождении в отдел полиции, иное учреждение с целью допроса, будет ли при этом согласие лица прибыть в учреждение в сопровождении сотрудников являться его добровольным волеизъяв-

лением или не имеет правового значения, осуществлялось ли задержание лица с применением физической силы либо без таковой и будет ли в любом случае иметь место так называемый «захват»?

Так, например, возможностью проводить фактическое задержание («захват») наделен весьма широкий круг сотрудников правоохранительных органов. Это любые должностные лица, имеющие право доставлять граждан для дальнейшего разбирательства в орган дознания или к следователю. Пунктом 13 ст. 13 закона «О полиции» предусмотрено, что таким правом обладают сотрудники полиции, действующие в пределах своей компетенции (сотрудники ППС, оперативные сотрудники и т. д.). Аналогичные нормы по задержанию или силовому «захвату» указаны в нормативных документах, регламентирующих действия, например, сотрудников ФСБ России.

При этом законодатель не раскрывает понятие физического «захвата» лица, применения к гражданину физической силы или иных мер принуждения для его доставления с целью проведения процессуальных действий.

Так, Куйбышевским районным судом Санкт-Петербурга по делу № 3/12-371/19 было отказано в жалобе защитника, поданной в порядке статьи 125 УПК РФ, о признании незаконными действия следователя при задержании гражданина. Мотивом отказа суда в удовлетворении жалобы стороны защиты послужило обстоятельство, согласно которому при рассмотрении жалобы судом было установлено, что задержанное лицо после проведения обыска в его квартире было приглашено для проведения следственных действий, в отношении гражданина не применялась физическая сила и, по мнению суда, он не был задержан в порядке ст. 91–92 УПК РФ, по его просьбе был приглашен защитник, мера пресечения ему не избиралась, следственные действия не проводились ввиду его госпитализации. При этом суд опустил тот факт, что гражданин явился для проведения следственных действий не по повестке следователя, а в сопровождении двух сотрудников полиции на их служебной машине, т. е. в данном случае суд ставит в зависимость следующие обстоятельства: задержание лица и его «захват» с применением к нему физической силы; предъявление обвинения и избрание в отношении гражданина меры пресечения.

Но мог ли гражданин, видя у себя в квартире нескольких сотрудников полиции, которые сообщили ему о необходимости проследовать с ними, отказаться от их «скромного» предложения, находясь в заведомо уязвимом, более слабом положении. Очевидно, что нет.

Такой подход суда едва ли можно назвать верным. Нельзя соотносить применение физической силы по отношению к лицу и проведение с ним следственных действий с фактическим ограничением свободы гражданина, поскольку становится невозможной реализация его прав на свободу передвижения.

Думается, что суды не должны вторгаться в область волеизъявления лица, поскольку в данном случае у него заведомо возникнет порок воли, т. е. его волеизъявление о следовании совместно с сотрудниками правоохранительных органов не может рассматриваться как приглашение и добровольное прибытие в отдел полиции или иное специализированное учреждение.

В условиях действующих реалий необходимо внести изменения (дополнения) в УПК РФ: соответствующую статью, регламентирующую процедуру фактического «захвата» лица, его доставления в орган дознания, к следователю.

Возможно, проблема с установлением добровольной явки лица связана с некоторыми противоречиями в терминологии УПК РФ: «момент задержания» (ст. 92, 94, 96, 100 УПК РФ) и «момент фактического задержания» (ст. 5, 49 УПК РФ). В данном случае очень важно определить сам момент, точку отсчета, с которой необходимо определять фактическое задержание лица, «захват».

По мнению С. В. Шевелевой, моментом фактического задержания лица правильно считать момент, когда в связи с действиями уполномоченных органов лицо лишилось возможности свободно передвигаться [1, с. 88].

В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ после доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания с отметкой о разъяснении подозреваемому его прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Согласно п. 2, 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, подозреваемый — это лицо, которое задержано в соответствии со ст. 91, 92 УПК РФ либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК РФ, т. е. в ч. 1 ст. 92 УПК РФ понятие «задержанный» тождественно понятию «подозреваемый». Согласно ч. 1 ст. 91 УПК РФ, подозреваемый — это лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления.

Более правильной будет формулировка законодателя, гласящая, что задержанный есть «подозреваемый» вне зависимости от составления протокола задержания. В случае внесения дополнений в гл. 12 УПК РФ, регламентирующих процедуру фактического «захвата», отпадет вопрос, добровольно ли лицо «по приглашению» сотрудников правоохранительных органов явилось для производства допроса (иных процессуальных действий).

Список литературы

1. *Шевелева С. В.* Уголовно-процессуальное принуждение, связанное с физическим воздействием, и гарантии его законности и обоснованности: дис. «...» канд. юр. наук. — Н. Новгород, 2006. — 237 с.

Горбатова Марина Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Россия, Санкт-Петербург,
gorbatovam@mail.ru

Щипанова Надежда Ивановна,
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»,
доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права, криминологии,
Россия, г. Челябинск,
nir@74.ru

Квалификация действий соучастников в преступлении с двумя формами вины

Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины, после долгих дискуссий в науке уголовного права была впервые регламентирована в российском уголовном законодательстве ст. 27 УК РФ: «Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно».

Законодательное оформление данной концепции, которую в теории называют «двойной», «сложной», «смешанной» виной, привело к необходимости разрешения некоторых вопросов, возникающих при квалификации таких преступлений, наиболее дискуссионным из которых стал вопрос об уголовно-правовой оценке действий участников преступлений, совершенных с двумя формами вины, и о возможности участия в данных преступлениях в принципе.

В теории уголовного права можно встретить несколько позиций по поводу распространения института соучастия на преступления с двумя формами вины. П. Ф. Тельнов не допускает соучастия в рассматриваем-

мых преступлениях [5, с. 58]. По мнению В. А. Нерсисяна, отсутствует соучастие в неосторожных преступлениях, а также в умышленных действиях, совершенных несколькими лицами, приведших к неосторожному результату [3, с. 19]. В. В. Лунеев тоже исключает соучастие в преступлениях с двумя формами вины, признавая в них только неосторожное сопричинение [6, с. 226]. В обоснование своей позиции ученые, отрицающие соучастие в преступлениях данного вида, ссылаются на законодательную регламентацию соучастия: оно возможно только в умышленных преступлениях, а в преступлениях с двумя формами вины последствие причиняется неосторожно.

Другие авторы не видят проблем в соучастии в рассматриваемых преступлениях, поскольку, согласно ст. 27 УК РФ, преступления, совершенные с двумя формами вины, в целом признаются умышленными [4, с. 9]. При этом одни ученые говорят о неосторожном причинении соучастниками [1, с. 150–151], а другие допускают в рассматриваемых преступлениях, как и в любых умышленных, соучастие не только в виде группы лиц и группы лиц по предварительному сговору, но и с распределением ролей [2, с. 181].

В правоприменительной практике чаще всего вопрос об уголовно-правовой оценке соучастия в преступлении с двумя формами вины возникает при квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), совершенного несколькими лицами.

В большинстве случаев действия лиц, совместно причинивших тяжкий вред здоровью, который по неосторожности повлек смерть потерпевшего, признаются соисполнительством, каждому из соучастников вменяется квалифицирующий признак «группа лиц», а ответственность наступает по ч. 4 ст. 111 УК РФ. При этом суды в своих решениях особое внимание уделяют совместности действий виновных, установлению причинной связи между действиями каждого соучастника и наступившей смертью, а также выясняют содержание субъективной стороны соучастников отдельно в отношении причиненного ими совместно тяжкого вреда здоровью потерпевшего и в отношении его смерти.

Чаще всего по отношению ко второму последствию устанавливается небрежность. Так, Курганский городской суд по делу Мельниченко и Чернова пришел к выводу о совершении подсудимыми преступления группой лиц, поскольку они практически одновременно выполняли объективную сторону преступления, осознавали это и не препятствовали противоправным действиям друг друга. Мельниченко нанес не менее двух ударов по голове потерпевшему В., затем Чернов, видя, что В. лежит на земле, нанес ему множественные удары по голове и телу, что было очевидно также и для Мельниченко. Действовали подсудимые, руководствуясь одним и тем же мотивом. Тяжкий вред здоровью потерпевшего причинен в результате совместных действий Мельни-

ченко и Чернова. В судебном заседании достоверно установлено, что смерть В. находится в прямой причинно-следственной связи с причинением ему телесных повреждений именно Мельниченко и Черновым, а не третьими лицами. При нанесении ударов потерпевшему виновные действовали с целью причинения В. тяжкого вреда здоровью, осознавая общественную опасность своих действий, и в этой связи должны были и могли предвидеть возможность наступления в результате этих действий общественно опасных последствий в виде смерти В.

В некоторых случаях вина в отношении смерти потерпевшего, по мнению суда, была выражена в легкомыслии. Например, Томпонский районный суд Республики Саха (Якутия) в приговоре по делу в отношении Корнилова и Васильева указал, что подсудимые умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью, предвидя возможность наступления последствий в виде тяжкого вреда здоровью ГПИ и желая этого, но относясь легкомысленно к последствиям своих действий, нанесли множественные удары руками и ногами, обутыми в резиновые сапоги, в жизненно важный орган: голову ГПИ.

Иногда суды не конкретизируют вид неосторожности, но при этом делают акцент на разном содержании вины: умысел в отношении причинения тяжкого вреда здоровью и неосторожность по отношению к смерти. Так, в приговоре Центрального районного суда г. Челябинска по делу Плотникова и Попова был подтвержден умысел обоих подсудимых на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При нанесении ударов в жизненно важный орган: голову В. Плотников и Попов осознавали, что причиняют потерпевшему тяжкий вред здоровью, опасный для жизни. И хотя они не желали причинить смерть В., тяжкий вред его здоровью причинили с прямым умыслом. Вина подсудимых в совершении группой лиц умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, в полной мере подтверждена совокупностью собранных по делу доказательств.

Анализ судебной практики показал, что суды признают возможность соучастия в преступлениях, совершаемых с двумя формами вины, при этом в отношении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего всем соисполнителям вменяется квалифицирующий признак «группой лиц» или «группой лиц по предварительному сговору», а неосторожное последствие в виде смерти потерпевшего вменяется только тем из них, чьи действия находились в причинной связи с данной смертью.

Возвращаясь к позиции законодателя, можно сделать вывод, что Уголовный кодекс РФ, признавая в ст. 27 преступления с двумя формами вины в целом умышленными, допускает возможность соучастия, однако порождает тем самым противоречия в необходимости установления причинной связи между действиями соучастников и наступившими последствиями.

История развития концепции «смешанной» формы вины также порождает сомнения в ее безупречности. Впервые, мысли о возможном различном психическом отношении в сложных деяниях были высказаны П. А. Фейербахом [7, с. 56–57], чем предлагалась некая новая форма вины: «смешанная», однако впоследствии он отказался от данной идеи, считая правильным квалифицировать такие деяния как идеальную совокупность одного умышленного преступления и одного неосторожного. При таком подходе умышленное преступление вменялось бы всем соучастникам, а неосторожное только сопричинителям.

Такая позиция возможна и при применении современного уголовного законодательства без исключения из него ст. 27 УК РФ (что предлагается некоторыми учеными).

Квалификация действий всех соучастников по ч. 4 ст. 111 УК РФ с указанием квалифицирующего признака «группа лиц» возможна только в том случае, если смерть потерпевшего наступила от совокупности всех повреждений, находящихся в причинной связи с действиями каждого соисполнителя.

Если же судом четко дифференцировано, чьи действия привели к смерти потерпевшего, то при соответствующем содержании вины действия соучастников по причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего, которые не находились в причинной связи с его смертью, должны быть квалифицированы как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное группой лиц (п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ), а содеянное теми лицами, чьи действия повлекли по неосторожности смерть потерпевшего, следует рассматривать как неосторожное сопричинение и квалифицировать по ч. 4 ст. 111 УК РФ с указанием признака «группа лиц».

Таким образом, мы одновременно применяем и неосторожное сопричинение, и институт соучастия (как при применении двух форм вины отдельно к разным последствиям), в случае если смерть наступила от действий одного (или более) сопричинителя и находится с ними в причинной связи, а действия других привели только к причинению тяжкого вреда здоровью и охватывались их умыслом.

Мы не претендуем на безоговорочность нашей позиции, но полагаем, что если законодатель допустил возможность существования в едином сложном преступлении одновременно двух форм вины, то почему не могут иметь место в таком преступлении одновременно два варианта совместной преступной деятельности. Во всяком случае, законодательные предпосылки к этому есть.

Список литературы

1. *Зубова Л. В.* Вопросы соотношения преступлений с двумя формами вины с другими институтами уголовного права // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2009. — № 6 (70). — С. 149–152.

2. *Клебанов М. И.* К вопросу о возможности соучастия с двумя формами вины // Актуальные проблемы российского права. — 2008. — № 2 (7). — С. 179–185.

3. *Нерсесян В. А.* Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дис. <...> д-ра юр. наук. — М., 2006. — 48 с.

4. *Сорочкин Р. А.* Уголовная ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2008. — 26 с.

5. *Тельнов П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. — М.: Юрид. лит., 1974. — 208 с.

6. Уголовное право: актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В. В. Лунеева. — М.: Юрайт, 2010. — 779 с.

7. *Фейербах П. А.* Уголовное право. — СПб.: Мед. тип., 1810. — Кн. 1: Философическая или всеобщая часть уголовного права. — 486 с.

УДК 343.575

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_18

Dr. Miklós Tihanyi,

Ph.D. professor assistant, police major,
University of Public Service Faculty of Law Enforcement,
Hungary, Budapest,
tihanyi.miklos@uni-nke.hu

Dr. Szabolcs Mátyás,

Ph.D. professor assistant, police major,
University of Public Service Faculty of Law Enforcement,
Hungary, Budapest,
matyas.szabolcs@uni-nke.hu

Dr. Vince Vári,

Ph.D professor assistant, police lieutenant-colonel,
University of Public Service Faculty of Law Enforcement,
Hungary, Budapest,
vari.vince@uni-nke.hu

Drug policy in Hungary: genesis of legal regulation

Like in most countries, until the beginning of the twentieth century, drug use did not cause health or law enforcement problems in Hungary, so there

---

© Dr. Miklós Tihanyi, Dr. Szabolcs Mátyás, Dr. Vince Vári, 2020.

was no need to treat the problem [1]. By the 1960s, Hungary was hit by the demand side of the drug problem.

The period from the 1960s to 1990 can be divided into four major stages based on the quantitative, qualitative, and territorial characteristics of drugs.

1. From 1945 to the 1960s: For a short time after World War II, the number of drug addicts and drug smugglers increased. The problem did not affect major masses, so law enforcement interventions also proved sufficient to treat it, and a few years later the number of drug users returned to pre-war levels.

2. Period from the 1960s to the early 1970s: From the 1960s to the early 1970s, no scientific survey was conducted on the drug situation at all. One of the “milestones” of the era was the year 1969, when the first drug-related death occurred.

3. The period from the early 1970s to 1973: It was then that the wave of drugs from the United States reached Hungary. During this period, investigations into substance-using youth have already begun. Contemporary sources mention the capital only as a place of use, with large rural cities still considered “drug-free” during this period.

4. The period from 1974 to the early 1980s: The next decade can be considered a period of deconcentration, as this is the period when the capital loses its “monopoly” and drug use also appears in large rural cities [5].

Sensing the growing problem, the police launched the so-called DADA program (an acronym formed from the initials of the words smoking-alcohol-drug-AIDS), modelled on the American DARE (drug /, abuse /resistance / education) program.

The change of regime resulted in significant changes in the field of Hungarian drug crime. In 1988, the so-called world passport was introduced which enabled people to travel all over the world. Many people then came across new drugs in Hungary, such as heroin, LSD, cocaine, marijuana and amphetamines. As a result, the number of drug users increased significantly, but this growth continued at a more moderate pace in the early 2000s [4; 10].

1. Prevention. Dealing with the drug problem is not primarily a matter of law enforcement [2]. Reducing the supply of drugs and eliminating drug distributors is clearly the responsibility of law enforcement agencies, but the most important factor in terms of prevention is informing consumers and potential consumers, moreover, teaching and educating them [3]. Activities related to drug prevention in Hungary are coordinated by the Ministry of Human Resources. Most of the organizations working in this field carry out general school activities. About 70% of them are non-governmental organizations using public funds (mainly from tenders). Outreach work, on the other hand, is mainly carried out by state and municipal organizations [7].

The police also do important preventive work. Preschoolers get OVI-ZSARU, primary school students get DADA, while most of the high

school students are reached through ELLEN-SZER (COUNTER-AGENT) program [9]. The activities of so-called crime prevention consultants are also significant. They come from professional members of the police who work in crime prevention in 3-4 secondary schools on a full-time basis.

2. Legislation and drug policy.

2.1. Legal regulations.

The emergence of designer drugs has created a new situation in the Hungarian drug market too. The criminals will obviously always be one step ahead the police as the underworld chemists will form more and more compounds of formula that the authority cannot punish.

The Hungarian regulation is extremely forward-looking to alleviate this disadvantage, and it has created one of the most flexible regulations in the European Union. In Hungary, there is no ban on the specific compound, but “only” on the basic formula (generic regulation). Even in spite of this regulation, it is obvious that the offenders will be ahead of the authority, as the number of chemical variations is so large in the case of the tribal formulas [8]. In order to allow newly identified psychoactive substances to be added to the ban list even more quickly, the inclusion in the list of prohibited substances was transferred from the government to the Minister of Human Resources as of 1 January 2015 (Decree 55/2014 / XII. 30./EMMI).

2.2. Drug strategies after the regime change.

2.2.1. National Strategy for Reducing the Drug Problem (2000-2009) (Decision 96/2000./ XII. 11./ OGY). After lengthy negotiations, Hungary’s first national drug strategy was born at the turn of the millennium, covering the period 2000-2009. Although the strategy had few specifics, it formulated proposals and guidelines for law enforcement agencies (e.g. reducing the number of disco accidents, reducing the supply of drugs through legal and law enforcement means, further developing international law enforcement cooperation). Upon request, Dutch experts also evaluated the work done. External monitoring can be considered exemplary (Hungary was the first in Europe), as it provided an overview of the work and results carried out so far by experts who can be considered impartial and independent.

2.2.2. National Strategy for the Treatment of the Drug Problem (2010-2018), (Decision 106/2009. / XII. 21./ OGY). The second drug strategy is a framework criminal policy document, but even so, important objectives can be identified in it (e.g. the need for organizational change and an increase in the number of professionals within the police force; the need to set up a special drug crime service at national level; the need to develop the staff of experts and their technical equipment; the need to step up asset recovery and crime prevention activities). Its implementation could not take place because 80/2013. (X. 16.) OGY repealed it shortly after its entry into force.

2.2.3. National Anti-Drug Strategy 2013-2020, Pure consciousness, sobriety, fight against drug crime (Decision 80/2013. / X. 16./ OGY). The new strategy was needed mainly because the European Union also had a new

strategy, so each Member State also needed a drug strategy for the next period. The development of the new strategy was necessitated by the emergence of a different approach, changes in certain sub-areas (health, education), social and economic changes with a negative impact on addictions and negative changes in substance use (e.g. the emergence and spread of designer drugs) [6].

Conclusion. The country's third drug strategy expires in 2020 (2013-2020), so a new strategy needs to be developed, but it is not yet known what guidelines it will have, what priorities they will want to set in it.

Bibliography

1. *Кобец П. Н., Краснова К. А.* Об опыте правового регулирования противодействия незаконному обороту наркотиков в странах Западной Европы // Мат. III антинаркотических чтений профессорско-преподавательского состава, студентов и практических работников, посвященных десятилетию действия федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» (Самара, 4 апр. 2008 г.) / отв. ред. А. Ф. Галузин, В. В. Лошкарев. — Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2008. — С. 112–122.

2. *Кобец П. Н., Краснова К. А.* Международное сотрудничество правоохранительных органов в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сб. науч. ст. по итогам работы четвертого «круглого стола» со всерос. и междунар. участием (Шахты, 29–30 апр. 2020 г.). — Шахты: ООО «Конверт», 2020. — Ч. 1. — С. 127–129.

3. *Шестопалов С. В., Краснова К. А.* Правовое регулирование предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: опыт европейских стран // Будущее без наркотиков: мат. междунар. науч.-практ. конф. (Алматы, 14 дек. 2010 г.). — Алматы: Алмат. акад. МВД Республики Казахстан, 2010. — С. 38–42.

4. *Fürst Zsuzsanna, Wengler Tibor* (ed.). A kábítószer-abúzus orvosi, jogi és társadalmi vonatkozásai. — Budapest: Medicina Könyvkiadó Zrt, 2010.

5. *Lévai Miklós.* A kábítószer-probléma és a bűnözés összefüggései. — Miskolc, 1991.

6. Nemzeti Drog Fókuszpont. 2016-os Éves Jelentés (2015-ös adatok) az EMCDDA számára // Magyarország. Reitox. — http://drogfokuszpont.hu/wp-content/uploads/HU_National_Report_2016_HU.pdf (дата обращения: 02. 05. 2020).

7. Nemzeti Drog Fókuszpont. 2018-as Éves Jelentés (2017-es adatok) az EMCDDA számára // Magyarország. Reitox. — http://drogfokuszpont.hu/wp-content/uploads/EMCDDA_jelentes_2018_HU.pdf (дата обращения: 12. 05. 2020).

8. Romposné Kovács Éva. Designer drog — új pszichoaktív anyag — kábítószer: A terület jogi szabályozásának a változása, hiányosságai és azok hatása a gyógyszerészek tevékenységére. Doktori Műhelytanulmányok: A jogtudomány sajátossága. — Győr: Széchenyi István Egyetem, 2017. — P. 285–296.

9. Ürmösné Simon, Gabriella. Drug abuse // Technical English for officers. — Budapest: Dialóg Campus Kiadó, 2018.

10. Zsadányi Zsuzsa. A drogfogyasztás alakulása Magyarországon // Mindennapi pszichológia. — <http://mipszi.hu/cikk/130309-drogfogyasztas-alakulasa-magyarorszagon> (дата обращения: 02. 05. 2020).

УДК 343.85

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_22

Ефремова Ирина Алексеевна,

доктор юридических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии,

Россия, г. Саратов,

efremova005@yandex.ru

Духовно-нравственное воздействие на осужденных в местах лишения свободы

Сегодня общество сталкивается с проблемой достижения цели уголовно-исполнительного законодательства: исправления осужденных. Об этом свидетельствуют данные о рецидиве преступлений. Так, на фоне снижения преступности в целом на территории Российской Федерации наблюдается неуклонный рост рецидивной преступности. В 2016 г. было выявлено 228 778 лиц, у которых наличествовал рецидив, в 2017 г. — 231 732, в 2018 г. — 239 339, в 2019 г. — 230 061. Рецидивная преступность в общей структуре преступности за рассматриваемый период времени составила более половины всех преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации [7].

Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что назрела необходимость выработки определенного подхода, позволяющего действовать адресно в отношении конкретного осужденного, ибо только через сознание и волю отдельного человека возможно добиться положительной тенденции, направленной на формирование у осужденного право-подлежного поведения.

© Ефремова И. А., 2020.

Отсутствие в обществе концепции признания нравственных основ существования влечет за собой неправильное восприятие морально-нравственных ценностей. Постановление во главу угла неумного достижения материальных ценностей, нивелирование интересов незащищенных слоев населения, колоссальный разрыв между ультрабогатыми и бедными, негативно влияют и на лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Верно отмечено, что в настоящее время в основу механизма идеологического противодействия должны быть положены духовные и нравственные идеалы общества [1, с. 125]. Безопасность человека подвергается реальной угрозе при непосредственном столкновении с преступностью, ибо в основу опасности заложены различные детерминанты, располагаемые в сфере нравственности. Иными словами, преступление и безответственность есть проявление безнравственности личности [5]. Эффективное противодействие преступности непосредственно связано с нравственностью.

Отношение государства к религиозному просвещению во многом свидетельствует о степени его влияния на уголовно-исполнительную политику Российской Федерации [2, с. 80].

Регулирование реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, осуществляется по нескольким направлениям: устанавливаются ограничения по осуществлению осужденными, содержащимся в исправительных учреждениях, права на свободу совести и свободу вероисповедания; наличествует механизм приглашения священнослужителей к осужденным в исправительные учреждения, а также порядок их общения и обеспечения безопасности при таком общении; осуществляется развитие правовой основы взаимодействия УИС и традиционных конфессий путем заключения соответствующих соглашений [4, с. 88].

В настоящее время наблюдается тенденция к активному реформированию российской уголовно-исполнительной системы, направленной на соответствие ее международным стандартам, а также на духовно-нравственные и воспитательно-педагогические начала в исправительном воздействии и преодолении их дефицита в уголовно-исполнительной практике, ибо число осужденных, которые нуждаются в духовно-пастырском окормлении, на территории Российской Федерации ежегодно растет. Исходя из этого, следует констатировать, что в современных условиях проблема религиозного воздействия на осужденных, находящихся в местах лишения свободы, приобретает особое научное значение и социально-правовую ценность [3, с. 4].

Проблема духовно-нравственного воздействия на осужденных более глубока. Она включает различные направления работы: этическое, философское, психологическое, социально-правовое, воспитательное и др.

Духовные и правовые основы, позволяющие взглянуть на проблему нравственного воздействия на осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, с различных позиций, имеют важное значение. Духовность связана прежде всего с духовно-нравственным воспитанием, которое позволяет трансформировать сознательные установки конкретного осужденного в части формирования негативного отношения к преступной деятельности.

Под духовным воспитанием понимается прежде всего воспитание нравственное. Педагоги говорят о развитии в духовном отношении человеке в первую очередь как о человеке, четко различающем добро и зло и ориентированном на добро, отличающемся нравственным поведением (неизменное следование нормам морали в любых жизненных ситуациях, желание и умение оказать помощь другому человеку и т. п.), наделенном нравственными чувствами (альтруизм, справедливость, чуткость, милосердие); иногда при описании духовно развитого человека за основу берут библейские заповеди, считая, что в религиозной традиции именно на них базируется духовное воспитание. Однако редко констатируется, что духовный человек — это человек, стремящийся к нравственному самосовершенствованию [6, с. 113]. Сущность духовного воспитания, его результат связаны с акцентированием внимания на нравственные ориентиры.

Правильно разработанная методика в комплексе с духовно-религиозным окормлением отдельных осужденных, психологическим воздействием, выработкой социально-правовых мер воспитательного и иного воздействия позволит добиться желаемого результата, направленного на позитивное посткриминальное поведение осужденных отбывших наказание в местах лишения свободы.

Список литературы

1. *Гришин Д. А., Кутякин С. А., Напханенко И. П.* Духовные и нравственные аспекты противодействия криминальной организации осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России // *Философия права.* — 2016. — № 4 (77). — С. 123–128.
2. *Грушин Ф. В.* Религиозное просвещение как средство исправления осужденных // *Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики.* — 2017. — № 4. — С.80–83.
3. *Лещенко В. Г.* Религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы в Российской Федерации: дис. <...> канд. юр. наук. — Екб., 2012. — 235 с.
4. *Скиба А. П.* Направления развития сотрудничества уголовно-исполнительной системы и традиционных конфессий при исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества // *Вестник Югорского государственного университета.* — 2018. — № 2 (49). — С. 87–91.

5. *Смирнов Д.* Духовность, нравственность и право: Проповеди, статьи, выступления // Азбука веры: сайт. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dimitrij_Smirnov/propovedi-stati-vystuplenija/12 (дата обращения: 16.09.2020).

6. *Соловцова И. А.* Духовность и нравственность как основополагающие категории духовного воспитания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2006. — № 1 (14). — С. 113–116.

7. Состояние преступности (архивные данные) // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. — URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 17.09.2020).

УДК 343

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_25

Сагитдинова Зульфия Индусовна,

кандидат юридических наук,

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,

доцент кафедры уголовного права и процесса,

Россия, г. Уфа,

13101980@mail.ru

К вопросу о конкуренции нормативных предписаний статьи 78 Уголовного кодекса РФ

В ст. 78 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) предусмотрены два исключения из общих правил применения давностных сроков: факультативное (ч. 4) и обязательное (ч. 5).

Круг лиц, на которых распространяется действие ч. 4 ст. 78 УК РФ, определяется в соответствии с ч. 1 ст. 57 и ч. 1 ст. 59 УК РФ, согласно которым к их числу относятся лица, совершившие особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь (ч. 1 ст. 57, ч. 1 ст. 59), и особо тяжкие преступления против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 59). К настоящему времени таких преступлений в УК РФ 24 (при подсчете учтены и те преступления, которые подпадают под действие ч. 5 ст. 78 УК РФ).

В литературе высказано предложение закрепить в ст. 78 УК РФ правило, в соответствии с которым вопрос о применении последствий ис-

течения сроков давности в отношении лиц, совершивших любое особо тяжкое преступление, оставить на усмотрение суда [4, с. 277; 6, с. 39].

Логика в данном предложении имеется. Во-первых, как верно отметил Е. В. Благов, не совсем понятно, почему для ч. 1 ст. 78 УК РФ законодатель предусмотрел зависимость сроков давности от категории преступлений, а для ч. 4 ст. 78 УК РФ — от вида наказания [1, с. 165]. Во-вторых, под действие ч. 4 ст. 78 УК РФ подпадает практически треть общего числа особо тяжких преступлений. В-третьих, нормативные предписания ч. 4 ст. 78 УК РФ действуют в отношении лиц, совершивших преступления, наказуемые смертной казнью или пожизненным лишением свободы. В то же время в соответствии со ст. 57, 59, 62, 66 УК РФ в определенных случаях данные виды наказаний применяться не могут. Соответственно, возник вопрос: распространяется ли факультативное исключение из общих правил применения давностных сроков на тех лиц, кому нельзя назначить наказание в виде пожизненного лишения свободы либо смертной казни. Отрицательный ответ на данный вопрос дал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Обязательное исключение из общих правил применения сроков давности, установленное ч. 5 ст. 78 УК РФ, состоит в том, что к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 353, 356, 357, 358, 361 УК РФ, а равно преступления, сопряженные с осуществлением террористической деятельности, предусмотренные ст. 277, 278, 279, 360 УК РФ, сроки давности не применяются.

Часть 5 ст. 78 УК РФ в первоначальной редакции предусматривала всего четыре особо тяжких преступления против мира и безопасности человечества. Данное нормативное предписание было обусловлено международно-правовыми обязательствами СССР, а впоследствии Российской Федерации.

В научной литературе предлагалось исключить ч. 4 ст. 78 УК РФ, при этом оставив ч. 5 ст. 78 УК РФ «ради призрачной идеи воспитания здравомыслящего населения и здравомыслящей власти» [3, с. 562–563]. Однако законодатель неоднократно предпринимал попытки реформировать нормативные предписания ч. 5 ст. 78 УК РФ. Так, в 2011 г. был разработан и внесен на рассмотрение в Государственную Думу РФ проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», авторы которого предлагали расширить круг лиц, в отношении которых действуют нормативные предписания ч. 5 ст. 78 УК РФ, за счет лиц, совершивших особо тяжкие преступления против жизни и половой неприкосновенности малолетних. По мнению разработчиков законопроекта, необходимость изменения ч. 5 ст. 78 УК

РФ обусловлена тем, что «безнаказанность в связи с истечением срока давности по преступлениям против детей порождает еще большую волну преступлений».

Законопроект получил негативную оценку и не был поддержан правительством РФ и Верховным Судом РФ: в официальных отзывах они указали, что, во-первых, существование ч. 5 ст. 78 УК РФ обусловлено исключительно международно-правовыми обязательствами Российской Федерации, а во-вторых, в ч. 5 ст. 78 УК РФ указаны исключительно особо тяжкие преступления, в то время как, согласно законопроекту, не применять сроки давности предлагается к лицам, совершившим преступления тяжкие и даже средней тяжести. Не менее критично отнесся к законопроекту А. И. Рарог [5]. Законопроект был отклонен.

В 2014-м. и 2016 г. в ч. 5 ст. 78 УК РФ были внесены изменения и дополнения. В результате перечень преступлений увеличился с 4 до 18 составов.

В связи с новой редакцией ч. 5 ст. 78 УК РФ может возникнуть вопрос конкуренции нормативных предписаний, содержащихся в ч. 4 и ч. 5 ст. 78 УК РФ, поскольку девять составов преступлений из перечня ч. 5 ст. 78 УК РФ (ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 205.1, ст. 205.3, ч. 1 ст. 205.4, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, ст. 357, ч. 3 ст. 361 УК РФ) наказуемы пожизненным лишением свободы, вследствие чего на них распространяется также факультативное исключение из общих правил применения сроков давности.

Согласно ч. 1 ст. 9 УК РФ, преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, поэтому вопрос о конкуренции ч. 4 и ч. 5 ст. 78 УК РФ может возникнуть не раньше 2029 г. (ч. 5 ст. 78 УК РФ была дополнена в 2014 г., преступления, наказуемые смертной казнью или пожизненным лишением свободы, относятся к особо тяжким, для которых срок давности составляет 15 лет). Тем не менее в целях применения в будущем правил действия уголовного закона во времени стоит отметить, что нормативное предписание ч. 4 ст. 78 УК РФ является более «льготным» для лица, совершившего одно из вышеуказанных преступлений.

Как известно, в ч. 3 ст. 49 Конституции РФ закреплено правило: «Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». В соответствии с данным нормативным предписанием, а также нормативными предписаниями ст. 5, 6 и ч. 1 ст. 10 УК РФ в уголовном праве действует коллизионное правило «о преимуществе нормы со смягчающим признаком над нормой с отягчающим признаком» [2]. Поэтому уже сейчас можно предположить, что к лицу, совершившему преступление, предусмотренное, например, ч. 3 ст. 205 УК РФ, по истечении 15 лет со дня его совершения и при отсутствии уклонения

от следствия и суда следует применить нормативное предписание ч. 4 ст. 78 УК РФ.

В то же время к лицу, совершившему преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РФ, при тех же условиях нельзя будет применить срок давности в силу ч. 5 ст. 78 УК РФ. И такое положение складывается по всем вышеуказанным составам преступлений: лицо, совершившее преступление с особо отягчающими обстоятельствами, оказывается в более выгодном положении, нежели лицо, совершившее менее общественно опасное деяние.

В такой ситуации говорить о соблюдении принципа справедливости, логичности и обоснованности последних законодательных изменений и дополнений ст. 78 УК РФ не приходится.

Для устранения сложившегося противоречия необходимо внести изменения и дополнения в ч. 4 ст. 78 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, за исключением преступлений, указанных в ч. 5 настоящей статьи, решается судом. Если суд не сочтет возможным освободить указанное лицо от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, то смертная казнь и пожизненное лишение свободы не применяются».

В завершение анализа исключений из общих правил применения сроков давности преступления необходимо подчеркнуть необходимость сохранения исторически зарекомендовавшей себя тенденции к распространению данных исключений на максимально узкий круг самых тяжких преступлений.

Список литературы

1. *Благов Е. В.* Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 7. — С. 161–168.

2. *Иногамова-Хегай Л. В.* Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: моногр. — М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015 // СПС «Консультант Плюс».

3. *Козлов А. П.* Уголовная ответственность: понятие и формы реализации: моногр. — Красноярск: Красноярск. гос. аграрн. ун-т, 2013. — 620 с.

4. *Маликов С. В.* Учение о времени и сроках в уголовном праве: дис. <...> д-ра юр. наук. — М., 2019. — 461 с.

5. *Рарог А. И.* Уголовно-правовые амбиции российского законодателя // Судья. — 2016. — № 4. — СПС «Консультант Плюс».

6. *Сверчков В. В.* Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. <...> д-ра юр. наук. — Н. Новгород, 2008. — 61 с.

Резюк Вадим Иванович,

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Республика Беларусь, г. Брест,

Учреждение образования «Белорусский государственный университет»,
соискатель кафедры уголовного права,
Республика Беларусь, г. Минск,
rezyuk@tut.by

Стратегические подходы к нормативному закреплению и регулированию в корпоративном секторе антикоррупционных этических стандартов и правил поведения

В современном мире коррупция способна поразить практически все сферы жизни общества, в том числе связанные с экономической деятельностью. Логично, что в корпоративном секторе осуществляется работа по устранению и (или) минимизации рисков коррупционного характера, наличие которых может нанести удар по принципам конкуренции, объективности принимаемых решений, имиджу организаций (и как следствие по результатам их экономической деятельности) и даже повлиять на потребительское настроение.

Вместе с тем подобная работа становится эффективной, когда возможные или обязательные решения отражены не только в нормативных правовых актах, имеющих общеобязательный характер, но не всегда непосредственно нацеленных на решение частных, актуальных для отдельных секторов, компаний вопросов, и тогда, когда учтены их интересы и проблемы, т. е. решения приняты на локальном — корпоративном, уровне. Особенно важен и горизонт этих решений, определяемый их субъектами, кругом охватываемых лиц, периодами действия антикоррупционных программ, их направленностью.

Все это обуславливает научный и практический интерес к стратегическим подходам к нормативному закреплению и регулированию антикоррупционных этических стандартов и правил поведения в корпоративном секторе.

Как следует из позиции В. П. Шиенка, одним из основных условий возникновения коррупции служит государственно-монополистическое устройство экономики [11, с. 23], элементом которой является корпоративный сектор, находящийся в специфичных условиях.

Антикоррупционные этические стандарты и правила поведения стали неотъемлемой частью национальных систем по противодей-

ствию коррупции [9, с. 126], устанавливаемых и регулируемых государством.

При этом представители различных организаций, объединений отмечают, что «крупным компаниям прозрачность выгодна» [2, с. 47] и именно корпоративный сектор нередко показывает самый передовой положительный опыт применения антикоррупционных стандартов и правил поведения, являясь драйвером антикоррупционной деятельности даже на государственном уровне.

Более того, есть все основания считать антикоррупционную деятельность частью работы современного руководителя [12, с. 103, 105]. Актуальность такого утверждения практически невозможно исключить в любом сегменте корпоративного сектора.

Несмотря на то что сегодня законодательство о противодействии коррупции является частью национальных правовых систем в отдельных государствах (с общими для всех принципами противодействия указанному опасному явлению), наблюдаются особенности антикоррупционной деятельности на корпоративном уровне, проявляющиеся в разнообразных концепциях организации антикоррупционной работы в корпоративном секторе.

Так, в Республике Беларусь доля государственного участия в различных корпоративных сегментах экономики весьма значительна. В соответствии с законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» принятие кодексов этики является одной из мер борьбы с коррупцией, а должностные лица как государственных, так и негосударственных организаций обозначаются как объекты антикоррупционного регулирования. Согласно постановлению Совета министров Республики Беларусь «Об утверждении Типового положения по противодействию коррупции», в государственных организациях, а также в организациях с преимущественной долей государственной собственности в обязательном порядке создаются и функционируют в соответствии с ежегодно утверждаемыми планами комиссии по противодействию коррупции. Иные организации также вправе создавать такие комиссии. В государственном производственном объединении по топливу и газификации «Белтопгаз» функционирует комиссия по профилактике коррупции [3], в открытом акционерном обществе «Молочный мир» — комиссия по противодействию коррупции [6]. Иностранном обществом с ограниченной ответственностью «РН-Запад» в рамках политики в области противодействия корпоративному мошенничеству и вовлечению в коррупционную деятельность введен соответствующий стандарт, актуальный для всех работников, отдельные положения которого касаются взаимоотношений с деловыми партнерами и требований к контрагентам [10].

С целью повышения эффективности борьбы с актуальной проблемой коррупции во многих государствах Восточной Европы: Венгрии,

Латвии, Литве, Румынии, Словакии и ряде других — были разработаны, приняты и реализованы антикоррупционные стратегии. В Польше создано Центральное антикоррупционное бюро, а в полиции сформирован Отдел по борьбе с коррупцией. Однако особое место занимает так называемый «третий сектор» — неправительственные организации, которые нацеливают государственные и корпоративные системы на более активное применение «стандартов прозрачности и положительных практик», имеющих антикоррупционный характер. Исследовательской группой «Программа против коррупции» (фонд С. Батория) отмечено большое значение стратегических документов в профилактике коррупции и повышении эффективности стратегий на продолжительный период (15–20 лет) [4, с. 5, 8–9, 44].

В соответствии с федеральным законом РФ «О противодействии коррупции» объектами антикоррупционного регулирования являются лица, занимающие должности в государственных корпорациях (компаниях), публично-правовых компаниях и фондах, в частности в Пенсионном фонде РФ, Фонде социального страхования РФ, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования и некоторых иных организациях. В отдельных организациях, ведомствах, отраслях закреплены и действуют антикоррупционные правила и этические требования. В соответствии с антикоррупционной политикой Почты России закрепляется принцип неприятия коррупции в любых формах и проявлениях при осуществлении операционной, инвестиционной и иных видов деятельности [1; 9, с. 145].

Помимо закона Украины «О предупреждении коррупции» в стране были приняты иные законодательные акты: «О национальном антикоррупционном бюро Украины» (на основании чего был создан орган с особыми функциями), а также акт, устанавливающий основы государственной политики в Украине (антикоррупционную стратегию). Отдельные субъекты экономической деятельности, например государственное предприятие «Харьковстандартметрология», разрабатывают свои программы. При этом если до 2019 г. принимались ежегодные программы, то в дальнейшем срок увеличился (антикоррупционная программа на 2020–2022 гг.). Особое место в указанных программах занимают нормы профессиональной этики работников организации [8].

В Швеции с 1923 г. на общественных началах функционирует «Институт против взяток», финансируемый бизнес-организациями, тесно сотрудничающий с антикоррупционными прокурорами. При этом он опирается на принцип саморегулирования и не является типичной некоммерческой организацией. Более того, формально его решения не обязательны для исполнения. Работает указанный субъект в области общественной морали, проводит соответствующие тематические семинары, консультирует по вопросам, связанным с коррупцией [5]. Компания со шведскими корнями «ИКЕА» «не приемлет коррупцию в

любом виде» и внедрила строгий кодекс деловой этики и антикоррупционную политику, обязательные для сотрудников на всех рынках. Показателен пример результативности такой стратегии и ее практической реализации: компания сама выявила коррупцию в деятельности одного из руководителей своего регионального проекта и обратилась в правоохранительные органы [7].

Таким образом, необходимо отметить ряд стратегических подходов к нормативному закреплению и регулированию антикоррупционных этических стандартов и правил поведения в корпоративном секторе.

Во-первых, в контексте того, что в мировой практике широкое распространение получила регламентация антикоррупционных этических стандартов и правил поведения в корпоративном секторе, имеющая при этом нормативно-правовую основу, особое место занимает специальный закон (законодательный акт) о борьбе с коррупцией и противодействии ей. Это средство стратегического управления характеризуется весьма ограниченным кругом субъектов (органы государственного управления), имеющих возможность его применять, учитывая нормативно-правовой характер решения.

Во-вторых, реализованы различные концепции организации антикоррупционной работы в корпоративном секторе, которые можно систематизировать следующим образом:

1) принятие субъектом, на которого возложены особые функции, связанные с противодействием коррупции, антикоррупционных этических стандартов и правил поведения, актуальных для всех организаций и компаний;

2) самостоятельное принятие субъектом экономической деятельности (организацией, компанией) антикоррупционных этических стандартов и правил поведения, актуальных для его сотрудников, а также в допустимых пределах для представителей его деловых партнеров;

3) самостоятельное принятие субъектом экономической деятельности (организацией, компанией) антикоррупционных этических стандартов и правил поведения с учетом аналогичных решений, принятых субъектом, на которого возложены особые функции, связанные с противодействием коррупции; такие стратегические инструменты могут быть использованы практически неограниченным кругом субъектов.

В-третьих, особое место занимает инструмент стратегического планирования: антикоррупционная программа, охватывающая работников как отдельных организаций, так и целых секторов экономики, действующая в течение как одного года, так и более продолжительного периода. Подобный стратегический подход может быть в равной степени использован корпорациями, иными организациями и государственными органами при нормативно-правовом регулировании.

Обозначенные стратегические подходы к нормативному закреплению и регулированию антикоррупционных этических стандартов

и правил поведения в корпоративном секторе соответствуют требованиям современности относительно эффективного предупреждения коррупции во всех ее проявлениях с учетом места и значения корпоративного сектора для современной экономики и общества в целом.

Список литературы

1. Антикоррупционная политика ФГУП «Почта России» // Почта России: сайт. — Москва, 2020. — URL: <https://www.pochta.ru/documents/10231/2806881802/Антикоррупционная+политика.pdf/ccedb0dc-731e-4a02-b635-9a3e64b9d4c9> (дата обращения: 15.09.2020).

2. Внедрение лучших антикоррупционных практик и обмен опытом противодействия коррупции в России: рекомендации и материалы российской Целевой группы В20 по повышению прозрачности и противодействия коррупции / Международный форум лидеров бизнеса (IBLF). — М.: Либрайт, 2013. — 56 с.

3. Документы // Государственное производственное объединение по топливу и газификации «Белтопгаз»: сайт. — Минск, 2008–2020. — URL: <http://www.topgas.by/content/documents/> (дата обращения: 15.09.2020).

4. Как бороться с коррупцией: принципы разработки и внедрения антикоррупционной стратегии для Польши // BATORY FOUNDATION: сайт. — Варшава. — URL: https://www.batory.org.pl/doc/Jak_walczyc_zkor_RU.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

5. Как в Швеции борются с коррупцией // Sverige: сайт. — Стокгольм, 2013–2020. — URL: <https://ru.sweden.se/ljudi/provesti-chertu-kak-v-shvecii-boryutsya-s-korrupciej/> (дата обращения: 15.09.2020).

6. Комиссия по противодействию коррупции // ОАО «Молочный мир»: сайт. — Гродно, 2010–2020. — URL: <http://milk.by/pages/komissiya-po-protivodeistviu-korrupcii/> (дата обращения: 15.09.2020).

7. Менеджер ИКЕА задержан за коммерческий подкуп в Петербурге // Санкт-Петербургские ведомости: сайт. — Санкт-Петербург, 2014–2020. — URL: <https://spbvedomosti.ru/news/incident/top-menedzher-ikeya-zaderzhan-za-kommercheskiy-podkup-v-peterburge/> (дата обращения: 15.09.2020).

8. Противодействие коррупции // Министерство развития экономики, торговли и сельского хозяйства Украины. Государственное предприятие «Харьковский региональный научно-производственный центр стандартизации, метрологии и сертификации»: сайт. — Харьков, 2020. — URL: <http://khsms.com/about/index/view/type/Anticorruption/lang/ru> (дата обращения: 15.09.2020).

9. *Резюк В. И., Шиенок В. П.* Противодействие коррупции: учеб.-метод. пособие / М-во образ-я. Республики Беларусь; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. — Брест: БрГУ, 2018. — 211 с.

10. Стандарт ИООО «РН-Запад» // РН-Запад: сайт. — Минск, 2020. — URL: <http://www.rn-west.by/assets/files/standart-politika.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).

11. *Шиенок В. П.* Коррупция: методология проблемы, причины, ранняя диагностика // Предварительное расследование. — 2017. — № 1. — С. 19–24.

12. *Rezyuk V. I.* Counteraction corruption in the sphere of physical culture and sport as a separate direction of management activity // Стратегічне управління розвитком фізичної культури і спорту: зб. наук. праць. — Харків: ХДАФК, 2020. — С. 103–106.

УДК 347

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_34

Богданова Елена Владимировна,

Адвокатский кабинет Богдановой Е. В.,

адвокат,

Россия, Санкт-Петербург,

1akabinet@mail.ru

Чумилин Георгий Евгеньевич,

Адвокатский кабинет Богдановой Е. В.,

помощник адвоката,

Россия, Санкт-Петербург,

geochumilin@gmail.com

Актуальные вопросы взыскания судебных издержек в гражданском процессе

Институт судебных расходов в гражданском процессе имеет глубокую историю и функционирует для реализации принципа доступности правосудия. Государство, как гарант закрепленного в ст. 46 Конституции РФ права граждан на судебную защиту их прав и свобод, распределило бремя несения судебных расходов на законодательном уровне.

Принцип распределения судебных расходов определен таким образом, что обязанность по возмещению участникам процесса понесенных в связи с рассмотрением дела расходов законодатель возложил на недобросовестную сторону: либо на истца, обращающегося в суд с необоснованными требованиями, либо на ответчика, добровольно не исполнившего свою обязанность перед другой стороной и своими действиями инициировавшего судебное разбирательство.

© Богданова Е. В., Чумилин Г. Е., 2020.

Еще Е. В. Васьковский (1866–1944) в труде «Учебник гражданского процесса» писал: «Возвращение судебных издержек противной стороной той, в пользу которой решено дело, составляет справедливое вознаграждение за понесенные по производству дела расходы и вместе с тем может служить, по крайней мере в большей части случаев, средством к предотвращению неосновательных и неисправных исков» [1, с. 368].

Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) содержит отдельную главу под названием «Судебные расходы». За все время действия данного основополагающего документа нормы, содержащиеся в главе «Судебные расходы», существенному изменению не подвергались.

Между тем постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» внесло кардинальные изменения в толкование и порядок применения исследуемых норм, изложив совершенно новую позицию относительно порядка распределения судебных издержек, который оставался неизменным на протяжении всего срока существования. Так возникла ситуация, при которой порядок применения норм процессуального права, регулирующих распределение судебных издержек, изменился без внесения каких-либо изменений в ГПК РФ.

Судебные издержки по судебному приказу.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» неоднозначно определило порядок возмещения судебных издержек при вынесении судебного приказа. С одной стороны, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. указывает на то, что они не взыскиваются. Однако в данной ситуации несение судебных расходов с очевидностью может иметь место, если заявитель обратится за квалифицированной юридической помощью с просьбой подготовить и подать заявление в суд, собрать доказательства в обоснование своих требований.

При этом право на взыскание судебных издержек путем обращения с отдельным заявлением после вынесения судебного приказа поставлено под сомнение.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. установлена также возможность взыскания судебных расходов при одновременной доказанности следующих юридически значимых обстоятельств:

- фактическое несение судебных издержек;
- наличие непосредственной связи между судебными издержками и рассмотренным делом.

Из этого следует, что устанавливать бесспорность дела для взыскания судебных издержек не требуется.

Представляется, что неоднозначность правил распределения судебных издержек в приказном производстве возникла по причине отсутствия единства мнений по данной проблеме в Верховном Суде РФ.

Само по себе определение судьбы понесенных судебных издержек по данной категории дел, выраженное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1, не может считаться обоснованным, верным и конституционным. Такое мнение высшего суда идет в разрез с установленным законодателем принципом распределения судебных издержек, оказывает влияние на свободу принятия решения о необходимости судебной защиты, умаляет право, гарантированное Конституцией РФ.

Суды неоднозначно трактуют позицию Верховного Суда, что привело к возникновению противоречивой судебной практики. Удовлетворяется только малая часть заявлений о взыскании судебных расходов после вынесения судебного приказа. Факт несения расходов имеет место — соответственно, возникают и убытки стороны, а значит, лишение лица права на их возмещение не может считаться верным решением. Принцип равенства всех перед законом и судом указывает на правомерность взыскания судебных издержек, возникших в том числе в приказном производстве.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 г., высшая судебная инстанция отметила, что «распределение судебных издержек при внесении судебного приказа не осуществляется». Из этого не следует запрет на их возмещение, а устанавливается возможность взыскания судебных издержек, понесенных в связи с вынесением судебного приказа, в ином судебном порядке (путем подачи отдельного заявления, поскольку правовая природа убытков определена гражданским процессуальным законодательством и не должна быть предметом спора отдельного иска о взыскании убытков, что абсурдно и приведет к увеличению судебной нагрузки).

Определением Архангельского областного суда от 26.01.2017 г. по делу № 33-557/2017 суд определил: «... требования о взыскании судебных расходов на оплату юридических услуг и на уплату государственной пошлины не являются исковыми требованиями, а производны от них и следуют их процессуальной судьбе, то есть также подлежат рассмотрению в порядке приказного производства». Такое судебное решение не будет являться надлежащим разрешением ситуации, поскольку новые разъяснения высшего суда предоставили возможность заявлять судебные издержки на подачу заявлений о взыскании судебных издержек, однако при подаче очередного заявления о вынесении судебного приказа не будет определена судьба судебных издержек на подачу данного заявления, в то время как судебные издержки могут иметь место.

2. Распределение судебных издержек при рассмотрении заявления о взыскании судебной неустойки (астрента, от лат. *Adstringere* — принуждение, фр. *L'astreinte*) и индексации (ст. 208 ГПК РФ).

2.1. В одном из случаев из судебной практики, в которой принимал участие автор статьи, ответчик понес расходы уже после вынесенного судебного решения о признании права собственности на объект недвижимости, являвшийся совместно нажитым имуществом супругов и на момент вынесения судебного решения, не введенный в эксплуатацию.

По прошествии полутора лет после вынесенного судебного акта по делу истец подала заявление о взыскании судебной неустойки с ответчика. Однако объект недвижимости на момент рассмотрения заявления так и не был введен в эксплуатацию, строительство не было завершено, суд признал отсутствие противоправных действий со стороны ответчика и в удовлетворении заявления отказал. Ответчик подал ходатайство о взыскании судебных расходов на ведение дела по рассмотрению данного заявления. Данные услуги в том числе включали подготовку позиции по заявлению истца о взыскании судебной неустойки, а также участие в судебном заседании и были оплачены полностью.

Сославшись на положения п. 18, 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», суд первой инстанции указал, что при рассмотрении подобных требований судебные издержки не возмещаются.

Между тем астрент является разновидностью денежного штрафа, определяемого судом, на случай неисполнения должником обязательства, установленного судебным решением, дополнительной финансовой мерой для стимулирования исполняемости судебных актов и появился в российском праве с 1 июня 2015 г., когда в Гражданском кодексе РФ появилась статья 308.3. Пункт 1 этой статьи предусматривает, что на случай неисполнения судебного решения об удовлетворении требования кредитора об исполнении обязательства в натуре суд вправе установить денежную выплату в пользу кредитора. Такое понятие не дает права считать астрент не материально-правовым вопросом.

Представляется, что высший суд не ограничивает права на возмещение судебных расходов, доказанных и фактически понесенных по существу рассмотрения требований о присуждении денежной суммы в связи с неисполнением решения суда. Вышестоящий суд лишь уточняет порядок распределения расходов по конкретным вопросам, в отношении которых может складываться неоднозначная практика.

При реализации конституционного права лица на обращение в суд за защитой своих законных прав и интересов, к числу которых относится и обращение к услугам представителя, участвовавшего в рассмотрении требований о присуждении денежной суммы в связи с неис-

полнением решения суда, не должно умаляться право на возмещение оплаты услуг представителя.

Согласно п. 4 ст. 1 ГПК РФ, в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют, исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права).

Необходимо также отметить, что отказ во взыскании судебных расходов по данному требованию ставит в неравные условия участников процесса.

Ситуация, при которой одна сторона может обжаловать любые действия или бездействие других участников процесса либо суда, рассматривающего дело, и при отказе в удовлетворении таких жалоб не несет судебных расходов, связанных с возмещением затрат на судебных представителей других участников процесса, может расцениваться лишь как злоупотребление своими правами, в том числе как затягивание судебного процесса и нанесение материального ущерба другой стороне.

При этом вопросы, связанные с взысканием судебных издержек, остро ставились еще в юридической науке дореволюционного периода [2, с. 298–299].

2.2. Та же позиция об отсутствии материально-правового спора между сторонами была высказана судом при подаче заявления о взыскании индексации сумм (от лат. index) по вынесенному судебному акту.

Автор жалобы обращает внимание на то, что в ст. 18, 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» вышестоящий суд приводит примеры, которые не оставляют сомнения в справедливости распределения судебных расходов. Суд говорит, что не подлежат распределению судебные издержки по делам об установлении фактов, об определении правового статуса, по рассмотрению заявлений об отсрочке, рассрочке исполнения решения суда, об изменении способа и порядка его исполнения.

Но высший суд не указывает на отсутствие права взыскивать судебные издержки по другим спорам, оставляя этот вопрос на усмотрение суда.

3. Судебные издержки по исковому заявлению о расторжении брака.

Так, по одному из судебных дел, рассматриваемых мировым судьей судебного участка Ленинградской области, истец, выиграв дело о расторжении брака, заявила требование о взыскании судебных издержек, указав, что между сторонами не было несовершеннолетних

детей, стороны не вели совместного хозяйства, жили раздельно уже более двух лет до подачи иска в суд. Кроме того, у истца имелся другой гражданский супруг, и было очевидно, что примирение сторон невозможно. Заявляя данное ходатайство, истец указывала, что ответчик злоупотреблял своими процессуальными правами в личных целях, и связывала позицию ответчика с намерением получить российское гражданство, поскольку брак с гражданином России позволяет ускорить данный процесс.

Помимо вышеуказанного злоупотребление ответчиком своими правами выразилось в уклонении от предоставления информации истцу о месте своей регистрации, осложнило подачу искового заявления в надлежащий судебный участок и затянуло срок рассмотрения гражданского спора. В итоге данное дело было рассмотрено только после 9 месяцев с момента подачи иска в суд.

В соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком, административным ответчиком, например исков о расторжении брака при наличии взаимного согласия на это супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей (п. 1 ст. 23 Семейного кодекса РФ).

Таким образом, Верховный Суд РФ конкретно указывает на право возмещения судебных издержек в случае отсутствия взаимного согласия супругов на расторжение брака и, соответственно, возникшего между ними спора.

В апелляционном определении суд в обоснование вывода об отказе во взыскании судебных издержек по данному делу указал на то, что ответчик пытался обжаловать решение суда о расторжении брака, ссылаясь на желание сохранить брак; ответчик иск оспаривал, не желая расторгать брак; его возражения носили правомерный характер: он просил срок для примирения, чтобы сохранить брак, не подавал встречных требований.

Суд посчитал, что доводы истца для взыскания судебных издержек не доказаны по праву; доводы и поведение ответчика соответствуют закону, судебные издержки в пользу истца взысканию с ответчика не подлежат.

Таким образом, суд усмотрел, что предпринимаемые попытки ответчика обжаловать судебное постановление о расторжении брака, его указание на то, что он желает сохранить семью, являются основанием для признания, что в действиях ответчика не имеется злоупотреблений и нарушений прав истца, а ответчику такое право принадлежит по праву.

Между тем доводы, которые суд закладывает в обоснование принимаемого судебного акта, должны быть обоснованы и базироваться на законе.

Истец обратилась с иском в суд, не имея возможности даже установить фактическое место нахождения ответчика. Ответчик же, апеллируя тем, что он предпринимает действия по сохранению семьи, тем не менее ни разу таких попыток не осуществлял. За все время рассмотрения дела в суде, как и два года до подачи истцом искового заявления о расторжении брака, ответчик на связь не выходил, никаких попыток примириться не предпринимал, с истцом не встречался; ответчик использовал только процессуальные возможности для затягивания дела и тем самым препятствовал вынесению окончательного судебного акта.

В соответствии со ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать то, на что ссылается. Вопреки своим обязанностям ответчик никаких доказательств в подтверждение своей позиции суду не предоставил, в суд ни разу не явился. Он подтвердил, что уже длительное время истец находится в отношениях с другим лицом и тем не менее всячески затягивал процесс вынесения решения о расторжении брака, ссылаясь каждый раз на разные основания (отсутствие в стране, проживание по другому адресу, желание примириться и т. д.).

Ходатайство ответчика о примирении сторон не было удовлетворено. Причин для этого суд не усмотрел.

Документы о регистрации брака ответчик истцу не передал, пришлось запрашивать документы в консульстве Турецкой Республики на территории Санкт-Петербурга.

В случае отсутствия несовершеннолетних детей предусмотрен административный внесудебный порядок решения дела о расторжении брака, однако ответчик добровольно в регистрирующие органы не явился. Данный факт ответчик не опровергал. Напротив, все его действия были направлены исключительно на затягивание спора и максимально позднее принятие судебного акта.

Попытка обжаловать решение суда не только не может являться доказательством честного поведения ответчика и добросовестного пользования им своими правами, а, наоборот, служит явным доказательством злоупотребления ими. Ответчик не отреагировал на замечания суда, и истец указывала, что такие действия ответчика были направлены исключительно на затягивание дела, а не на реальное разрешение спора.

Высший суд разъяснил, что не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено в том числе оспариванием прав истца ответчиком.

В настоящем деле суд высказал мнение, что под оспариванием прав истца ответчиком следует понимать совершение последним

определенных действий, таких как подача встречного искового заявления.

Между тем всякая трактовка позиций высшего суда невозможна без взаимосвязи с конкретными обстоятельствами дела с учетом следования возможным правилам, не являющимся формальными.

Из-за противоправных действий ответчика истец понесла существенные затраты по рассмотрению вопроса о расторжении брака и просила суд эти издержки возместить.

В соответствии с ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ не допускаются реализация гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В соответствии с ч. 2 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, если сторона пользуется своими правами недобросовестно, суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, судам, рассматривающим вопрос о распределении судебных издержек, выполняя роль независимого арбитра, необходимо дать оценку действиям сторон и, исходя из конкретной ситуации, поставить вопрос о компенсации затрат на судебную защиту, распределив их между сторонами с позиции обоснованности и справедливости. Иными словами, высший суд наделил суды правом самостоятельно разрешать вопрос о распределении судебных издержек в каждом конкретном случае, исходя из фактической ситуации.

Согласно ст. 46, 47 Конституции РФ, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.), каждому гарантируется право на судебную защиту в справедливом и публичном разбирательстве в разумный срок посредством независимого и беспристрастного суда, компетенция которого установлена законом.

Итак, принципы международного права, которые являются частью национальной правовой системы и ориентиром в установлении законности и справедливости, дискредитируются судами при рассмотрении изложенных в данной статье дел.

Список литературы

1. *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского процесса / под ред. В. А. Томсинова. — М.: Зерцало, 2003. — 464 с.

2. *Гражданский процесс: хрестоматия: учеб. пос.* — 3-е изд. / под ред. М. К. Треушников. — М.: Городец, 1997. — 896 с.

Антонов Игорь Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Россия, Санкт-Петербург,
docantonov@yandex.ru

Независимость и самостоятельность — основа процессуального статуса следователя

Возложение обязанности по решению серьезных государственных задач, к каковым со всей ответственностью можно отнести и правоохранительную деятельность во всех ее проявлениях, включая следственную деятельность, должно сопровождаться предоставлением адекватных средств для достижения обозначенной цели, а также соответствующих полномочий, в том числе применительно к работе следователя — процессуального статуса, основу которого будет составлять его процессуальная самостоятельность и независимость.

Для того чтобы решать провозглашенные в уголовно-процессуальном законе задачи и добиться достижения двуединой цели уголовного судопроизводства: и защиты потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, следователь должен быть независим от внешнего воздействия, включая административный (ведомственный) контроль, самостоятельно принимать решения без оглядки на ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор. Иначе невозможно быть объективным в деле достижения одновременно обеих целей, указанных в ст. 6 УПК РФ.

Буква уголовно-процессуального закона определяет, что, оценивая доказательства и принимая процессуальные решения, следователь должен руководствоваться законом и совестью. При этом дух уголовно-процессуального закона ориентирует следователя на то, чтобы он был справедливым и объективным, беспристрастным, строго руководствовался в своей деятельности законом и соизмерял свои действия и решения с нормами нравственности (в оценку своей работы включал не только статистические показатели, утвержденные различными ведомственными и межведомственными приказами и инструкциями, но и нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности; об этом речь идет в многочисленных работах автора [1; 2]).

Тот факт, что при принятии УПК РФ законодатель не определился, каков действительный статус следователя и какую функцию он выполняет при осуществлении предварительного расследования, отнеся его к стороне обвинения, но возложив обязанность быть объективным, собирать не только обвинительные доказательства, устанавливая отягчающие вину обстоятельства, но и оправдательные доказательства, устанавливая смягчающие вину обстоятельства, не может и должен оказывать существенное влияние на роль следователя в уголовном судопроизводстве. А роль эта — роль судьи, только в ходе досудебного производства по уголовным делам (если мы ориентируемся на решаемые следователем задачи, поставленные перед ним государством и обществом, со всеми надеждами каждого лица, попадающего в сферу уголовно-процессуальных отношений, на честность, справедливость, объективность при сборании, проверке и оценке доказательств, при принятии процессуальных решений; если мы основываемся на полномочиях следователя по разрешению уголовного дела по существу при прекращении дела по нереабилитирующим основаниям). А значит, процессуальный статус следователя должен быть аналогичным процессуальному статусу судьи с уголовно-процессуальными гарантиями самостоятельности и независимости.

В этой связи В. И. Рохлин верно указывает, что «должность следователя — это должность, во многом равнозначная должности судьи» [3, с. 22].

Конечно, нельзя полностью отрицать существование ведомственного процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа (отрицая в основе своей административный гласный и негласный контроль, в частности в системе МВД России со стороны руководителя территориального органа внутренних дел) и прокурорского надзора. Однако и судебные решения могут быть обжалованы и пересмотрены в апелляционном и кассационном порядке, что не снижает процессуальную самостоятельность и независимость судьи. Таким же образом могут быть обжалованы, в том числе в судебном порядке, и решения следователя, но существующая сегодня форма ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора (особенно негласная, нивелирующая положения федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”») недопустима.

Следователь реализует правоохранительную функцию государства, от имени государства принимает решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, о начале и окончании уголовного преследования отдельных лиц, что налагает на него большую ответственность перед обществом и государством за результаты работы.

Соответственно, в отличие от судьи, прокурора и руководителя следственного органа следователь несет всю полноту ответственности

за свои решения. Более того, следователь, как свидетельствует складывающаяся правоприменительная практика, несет всю полноту ответственности не только за ход и результаты расследования, но и за рассмотрение уголовного дела в суде (особенно при вынесении оправдательного приговора).

В частности, современная правоприменительная практика наглядно показывает, что следователь несет всю полноту ответственности за ход и результаты расследования и даже рассмотрения и разрешения уголовного дела в суде.

В настоящее время появляются примеры, когда после внесенных в Гражданский кодекс РФ изменений, в частности включения федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (с формулировкой об акцентировании внимания на коррупционную составляющую, с чем совершенно нельзя согласиться) в ст. 1081 новой части 3.1, которая теперь предусматривает возможность предъявления регрессного иска при отсутствии приговора суда, установившего вину должностного лица органа дознания, следствия и прокуратуры, на следователя возлагается возмещение в порядке регресса денежных сумм, выплаченных ранее Министерством финансов РФ в счет возмещения ущерба, причиненного лицу в результате осуществления уголовного преследования и производства следственных действий.

Например, следователь при наличии обстоятельств, не терпящих отлагательства, подтвержденных материалами уголовного дела, в целях исключить возможность сокрытия доказательств, свидетельствующих о виновности лица в совершении преступления, вынес постановление о производстве обыска в жилище в порядке, определенном ст. 165 УПК РФ, и произвел его (без судебного решения), уведомив прокурора и судью. При этом, рассмотрев представленные в обоснование проведения следственного действия без судебного решения материалы, судья пришел к выводу о законности и обоснованности действий и решений следователя. Однако указанные решения были обжалованы в вышестоящую судебную инстанцию, которая по-иному оценила представленные материалы и сочла действия следователя незаконными и необоснованными. В этой связи установленная сумма ущерба была взыскана в пользу лица, у которого был произведен обыск. В свою очередь, Министерство финансов РФ, выступающее в интересах федерального бюджета, обратилось к следователю с регрессным иском о возмещении денежных сумм, затраченных на возмещение ущерба, причиненного лицу в результате производства следственного действия. Исковые требования были удовлетворены судом, и вся сумма взыскана со следователя.

В качестве другого примера можно привести судебное решение, согласно которому со следователя в порядке регресса по иску Федерально-

го казначейства была взыскана денежная сумма, ранее выплаченная лицу, привлеченному к уголовной ответственности. При этом качество предварительного расследования было неоднократно подтверждено руководителем следственного органа (в рамках процессуального руководства и ведомственного контроля он, в частности, давал согласие следователю на обращение в суд с ходатайством о применении меры пресечения), прокурором (он поддерживал ходатайство следователя перед судом о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, утверждал обвинительное заключение и поддерживал обвинение в суде первой инстанции и в вышестоящих инстанциях) и судом (в отношении лица применялась мера пресечения по судебному решению и при рассмотрении уголовного дела в суде был постановлен обвинительный приговор). Однако вышестоящая судебная инстанция отменила обвинительный приговор нижестоящего суда и инициировала процедуру реабилитации.

Тем не менее в итоге ответственность за все принятые по уголовному делу решения принял на себя только следователь.

В этой связи на основании действующего законодательства и складывающейся практики в рамках реабилитации и регрессных процедур возникает закономерный вопрос: следователь должен самостоятельно направлять ход расследования и независимо принимать процессуальные решения, за которые он отвечает в полном объеме, или он обязан выполнять указания руководителя следственного органа и прокурора? Имеют ли прокурор и руководитель следственного органа право давать обязательные к исполнению указания следователю в складывающихся условиях? Представляется, что при подобной судебной практике у этих должностных лиц нет даже морального права требовать от следователя выполнения каких-либо действий, если тот не согласен с рекомендациями и указаниями.

Не могут не радовать, конечно, примеры, когда ведомство, в котором находится следователь, или суд, самостоятельно защищает интересы следователя, осуществлявшего производство по делу, по которому принято окончательное процессуальное решение о незаконности или необоснованности уголовного преследования или применения мер принуждения.

Еще более удовлетворяет и призывает порадоваться за сотрудников следственных органов то, что в ходе изучения судебной практики ряда регионов субъектов Российской Федерации (Республика Тыва, Чувашская Республика, Камчатский край, Амурская, Ленинградская, Рязанская, Тверская, Самарская области и др.) установлено, что за несколько прошедших лет отсутствуют факты взыскания имущественного вреда в порядке регресса с должностных лиц, осуществлявших производство по уголовным делам. Суды при вынесении решений обращают внимание на отсутствие в деле достаточных и допустимых доказательств, объективно подтверждающих совершение следователем

(ответчиком) виновных действий (бездействия), вследствие которых была осуществлена определенная выплата реабилитированному лицу.

Так, например, в производстве следственного отдела территориального органа внутренних дел находилось уголовное дело в отношении А., которое в дальнейшем было прекращено. При этом предварительное следствие по уголовному делу осуществляла следователь З., а процессуальный контроль — заместитель начальника следственного отдела Г. и начальник следственного отдела О. Впоследствии в порядке реабилитации А. обратился в суд с исковым заявлением о взыскании компенсации имущественного вреда, причиненного уголовным преследованием. Решением суда с Министерства финансов РФ за счет государственной казны в пользу А. взысканы расходы по оплате услуг представителя в общей сумме 33 тыс. руб. МВД России обратилось к З., Г. и О., как лицам, осуществлявшим производство по уголовному делу и контроль предварительного расследования и принимаемых следователем решений, с иском о возмещении ущерба в порядке регресса. В качестве доказательств вины указанных лиц представлены материалы служебной проверки. Вместе с тем суд, изучив представленные материалы, пришел к обоснованному выводу об отсутствии доказательств совершения ответчиками незаконных действий, послуживших основанием для возложения на уполномоченный орган обязанностей по возмещению А. имущественного вреда, и оставил без удовлетворения исковые требования МВД России.

Еще одним подобным примером является решение районного суда г. Магнитогорска Челябинской области, которым в удовлетворении исковых требований ГУ МВД России по Челябинской области к следователю Б., осуществлявшему производство по уголовному делу, которое было прекращено по реабилитирующим основаниям, и руководителю следственного органа А., осуществлявшему процессуальный контроль, о возмещении убытков в порядке регресса отказано в полном объеме (с казны Российской Федерации в счет компенсации за причиненные судебные расходы в результате незаконного уголовного преследования в пользу К. взысканы денежные средства в размере 160 тыс. руб.). Анализируя представленные материалы, суд пришел к обоснованному выводу, что вина ответчиков не установлена, а в материалах дела отсутствуют указания на их конкретные незаконные действия, которые повлекли причинение ущерба. Сам по себе факт прекращения уголовного дела по реабилитирующему основанию, как совершенно верно указал суд, не может однозначно свидетельствовать о виновности и противоправности действий (бездействия) следователя при проведении предварительного следствия.

Тем не менее, несмотря на указанные примеры, следователь сегодня остается один на один с потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, защитником и, как оказалось, с государством.

Если так обстоят сегодня дела в следственной работе, если за решение задач уголовного судопроизводства отвечает в первую очередь следователь, то только он вправе решать судьбу уголовного дела на стадии предварительного расследования, руководствуясь не указаниями руководителя следственного органа или прокурора, а только законом и совестью, ориентируясь на правозащитное предназначение уголовного судопроизводства.

Следователь — самостоятельный и независимый участник уголовного процесса, осуществляющий функцию расследования. Так должно быть записано в УПК РФ (требуется наконец-то реализовать положения Концепции судебной реформы в РСФСР, которая была принята еще в 1991 г. (утверждена постановлением Верховного совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1), и содержит совершенно верное отношение к работе и процессуальному статусу следователя).

Список литературы

1. Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 236 с.

2. Антонов И. А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика): дис. <...> д-ра юр. наук. — СПб., 2005. — 429 с.

3. Рохлин В. И. Следователь: положение и полномочия // Законность. — 2005. — № 10. — С. 21–23.

УДК 342.7

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_47

Сердюков Артем Артурович,

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Россия, г. Ставрополь,
s427p@yandex.ru

Кастовый строй в Индии и гандизм как один из этапов формирования государственности в Индии

Кастовая структура общества в Индии на протяжении длительного времени была предопределена религиозными положениями индуизма. Значительный интерес в реформации фундаментальных устоев обще-

ственного устройства Индии вызывает политико-правовая концепция выдающегося государственного деятеля и философа Мохандаса Карамчанда Ганди.

Необходимо отметить, что революционные политико-правовые взгляды Махатмы на отмену кастовой системы и общественную реформацию были критично приняты Индийским национальным конгрессом и подвергались отрицательной оценке со стороны социологов, философов и политиков, Ганди внес огромный исторический вклад в формирование социального равенства в Индии и формальное закрепление в Конституции отмены неприкасаемости.

В тоже время О. В. Мартышин акцентирует внимание на том, что кастовую организацию общества, воспринимаемую всем международным сообществом как символ отсталости Индии, Мохандас в своей концепции отвергал не в полной мере [2, с. 238].

Характеризуя значение гандизма в изменении кастовой системы, Р. Р. Диваркар ссылается на то, что Ганди ограничился реформированием справедливого принципа, выступающего основой древнейшей варнашрамы. Так, с позиции религиозного реформатора он подвергает критическому анализу современные кастовые традиции и указывает на то, что осознание привилегированности, абсолютного приоритета или неполноценности никак не обусловлено абсолютными истинами и догматами непосредственно варнашрамы [3, р. 137].

Базисным моментом в концепции выступает положение о том, что происхождение ни в какой мере и никаким образом не должно ограничивать индивида в потенциальной возможности занять определенное место в социальной структуре общества.

В исторически сложившейся кастовой системе реформатор видел существование объективного устройства общества, включающего в себя разные структурные элементы, образующие всю социальную систему и непосредственно наследственность, и в связи с этим отмечал: «Я верю, что каждый человек наследует от своих родителей свойственные им характеристики и качества тем же образом, как он наследует собственный внешний облик» [6, р. 164].

Однако положения варнашрамы, исходя из естественной дифференциации, регламентируют формально определенные и установленные обязанности каждого человека в строгом соответствии с его природными наклонностями. Брахманы исследуют и познают науки и занимаются просвещением, особые качества и темперамент кшатрия предопределяют в нем все необходимые способности для несения военной службы, вайшья, в свою очередь, предназначен для ремесленного мастерства и торговой деятельности, а шудрам следует заниматься тяжелым физическим трудом [5, р. 112].

Вместе с тем вышеназванный социальный порядок не ограничивает шудру в возможностях и стремлении учиться всему, чему он хочет,

но, основываясь на своем естественном предназначении, представители данной касты в полной мере реализуют свои естественные способности и склонности, именно выполняя тяжелую физическую нагрузку, что и определяется естественным социальным порядком кастовой структуры социальной организации.

Поэтому кастовая дифференциация социального устройства формирует и устанавливает не права, а прежде всего обязанности каждого члена общества, предопределяя каждому конкретному индивиду функциональное назначение в определенной сфере жизнедеятельности. Вместе с тем, несмотря на значительную разницу в материальном и должностном положении, с точки зрения источника варнашрамы, абсолютно все касты в равной мере достойны внимания и уважения, необходимость разделения труда опосредована функциональным разделением трудовой деятельности и экономией человеческих ресурсов, энергии и времени.

Таким образом, автор концепции выделил четыре варны и обратил внимание на то, что многочисленные обособленные друг от друга общности, называемые кастами и подкастами, не должны иметь место в современном обществе Индии. Махатма подвергал резкой критике запрет браков между представителями разных каст, общего приема пищи и не признавал эти нормы в качестве священных положений варнашрамы. В своей общественной и государственной деятельности Ганди неоднократно на конференциях партии заявлял о необходимости предоставления каждому человеку возможности принятия самостоятельного решения в вышеобозначенных моментах.

Отказываясь от рациональности и целесообразности данных положений, М. К. Редбари заявляет о священных традициях и многовековых устоях индуизма, которые никогда не ставили перед собой целью угнетение и порабощение, формирование социальной несправедливости. Они лишь способствуют формированию классовой структуры общества посредством определения разделения труда, создавая в государстве необходимый социальный порядок, свойственный «тысячелетнему облику самой Индии» [8, p. 153].

Архаичность положений Редбари препятствует общегосударственному прогрессу Индии, провозглашению равных прав и свобод членов общества вне зависимости от их происхождения, созданию демократических начал в механизме самого государства.

Вместе с тем, поддерживая реформаторскую позицию Ганди, нельзя умалять смысл, содержание и важность религиозных основ индуизма для каждого отдельного индуса и специфику становления и развития независимой Индии в целом. При всей важности значения индуизма в формировании сознания, воспитания, правил поведения каждого члена общества наследие кастового строя и его аргументация с позиции религиозных положений действительно в определен-

ной степени не способствовали социальному и государственному прогрессу Индии.

Таким образом, Махатма определил необходимость реформирования общества посредством возрождения кастового строя «в первоначальном облике» с целью остановить борьбу между отдельными индивидами и социальными группами за материальные блага. При этом создание идеального общества возможно только при условии абсолютного осознания и реализации всех требований закона варн. Выполнение норм варнашрамы, объединенное с соблюдением обетов невладения и физического труда, обязательных абсолютно для всех каст, в значительной мере устранило недобросовестную конкуренцию и способствовало формированию и становлению социальной справедливости и прогрессу. «По вашему варнашрама, — говорил Ганди, — необходимо иметь в виду, что это в первую очередь способ создания и поддержания гармонии между высшими и низшими, так же как между трудом и капиталом» [7, р. 89].

О. В. Мартышин считает, что теория кастового устройства у Ганди определенным образом подменяет научный анализ сущности классовых взаимоотношений, сложившихся в специфическом проявлении, субъективным мнением о существовании неизменной наследственности. Однако представления о кастовой организации общества в учении автора представляются весьма прогрессивными и актуальными в соотношении с фундаментальными началами ортодоксального направления индуизма.

Более того, стоит отметить, что Ганди отграничил от варнашрамы представления о благородных высших сословиях и низких кастах, о рожденных управлять и рожденных выполнять и подчиняться, поставил единство всего человеческого рода выше кастовой организации и закрепил формальное обязательство приобщения всех членов общества к труду, призвал к межкастовой коммуникации и взаимодействию индивидов вне зависимости от их происхождения и трудовой деятельности.

Определенный интерес в политико-правовой концепции Ганди вызывают права, возможности и необходимость изменения правового статуса неприкасаемых. Как справедливо отмечают многие авторы и последователи учения Ганди, в своей государственной деятельности, своим личным примером жертвенности во имя Индии и ее народа Махатма предпринял прогрессивную попытку к установлению и нормативному регулированию формального равенства всех представителей индийского общества, что в диалектическом историческом развитии способствовало приобретению Индией независимости и коренной реформации общественного устройства.

В связи с этим Ганди полностью отказался признавать неприкасаемость в качестве объективно существующего проявления индуизма,

отмечая при этом, что Бог не мог подвергнуть презрению и уничижению пятую часть всего населения Индии. Все беды и проблемы государства, полагал он, необходимо рассматривать в ракурсе заслуженного наказания, санкции «за совершенное преступление, которое сами индусы предпринимают по отношению к своим родным по крови братьям» [1, с. 119].

В то же время, преследуя цель всеми возможными действиями поддержать и закрепить единство индийского народа в освободительном движении, Ганди предостерегал представителей касты неприкасаемых от сотрудничества с британцами в борьбе за свою свободу и свои права, постоянно говорил, что только своими силами, своим собственным трудом, духовной и нравственной чистотой, самодостаточностью можно приобрести статус равноправных представителей индийского общества.

Руководствуясь вышеназванной идеологией и принципами, Ганди активно помогал полноправным гражданам в заключении браков с неприкасаемыми, способствовал созданию общественно-политической организации «Хариджан», которая на законодательном уровне отстаивала законность браков, заключенных с представителями касты неприкасаемых.

Несмотря на прогрессивность и актуальность выдвинутых Ганди положений, отдельные аспекты его учения не были должным образом восприняты в государственных кругах. В частности, по мнению Т. К. Н. Унитхан, традиционность и архаичность представлений Ганди об индуизме не позволила осуществить полноценную реформу в отношении кастовой организации общества в Индии, поскольку он хотя и интерпретировал положение неприкасаемых, но не отказался от самого факта существования каст в том или ином виде, на протяжении веков являвшегося регрессом в процессе общественного развития страны [9, p. 174].

Придерживаясь аналогичного мнения, сторонник борьбы за свободу и права неприкасаемых Амбедкар говорит о том, что гандистская структура варн, аккумулируя отрицательные моменты кастовой структуры, представляет собой всего лишь новый формат существующего кастового строя в Индии. Индуизм, в свою очередь, определяет закон наследственности профессий, абсолютно то же самое закрепляют положения гандизма, «возьмем ли мы касту или варну, в этом нет принципиальной разницы по причине того, что и та и другая в своей сущности противоречит началам любой формы существования демократии».

В соответствии с положениями политико-правового учения Матхатмы, отмечает Амбедкар, члены касты неприкасаемых будут вечно оставаться уборщиками мусора, и это очевидная социальная несправедливость. Гандизм с его постулатами о необходимости сохранения любыми способами естественной природы приведет общество к неве-

жеству и нищете. Действенного улучшения положения касты неприкасаемых необходимо достигать не отречением от машинного производства, автоматизации и идеализацией архаичных государственных и социальных институтов, а только с помощью внедрения прогрессивных технологий и современной культуры.

Таким образом, Амбедкар, критикуя в определенной мере гандизм и его последствия, отмечает, что базовым моментом, отвечающим потребностям современного прогрессивного общества, должен быть следующий: «...машины и еще как можно больше машин, демократия и еще как можно больше демократии» [4, p. 116].

Стоит согласиться с мнением автора в отношении необходимости и неизбежности автоматизации, внедрения машин в производственный, технологический процесс и как следствие развития определенных отраслей жизнедеятельности общества и государства, прогресса общественных взаимоотношений.

В то же время роль гандизма в становлении социального равенства и как следствие в формальном провозглашении отмены неприкасаемости в Конституции Индии, запрета любых проявлений ограничения прав и свобод неприкасаемых является значительным фактором в прогрессивном изменении общества Индии, ее историческом развитии и ориентации на современные основы международного законодательства, регламентирующие необходимость соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, равенства, демократических начал государственного управления.

Вместе с тем, несмотря на существующие противоречия в учении Махатмы в отношении отмены неприкасаемости, установления равных прав и свобод, сам факт постановки вопроса об актуальности изменения кастового строя в обществе Индии, о неравном и несправедливом положении касты неприкасаемых, о необходимости предоставления равных прав, свобод и возможностей для всех членов общества и государства является значимым этапом в истории индийского государства, его развитии и приобретении государственной независимости.

Список литературы

1. *Ганди М. К.* Моя жизнь. — М.: Наука, 1969. — 312 с.
2. *Мартышин О. В.* Политические взгляды М. К. Ганди. — М.: Наука, 1970. — 362 с.
3. *Divarkar R. R.* Freedom: basic ways and methods. — New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 1972. — 316 p.
4. *Dr. Ambedkar.* Center for justice and peace. — New Delhi: Oxford University Press, 1949. — 413 p.
5. *Gandhi M. K.* All Men are brothers: Life and Thoughts of Mahatma Gandhi as Told in His Own Words. — Paris: UNESCO, 1958. — 232 p.

6. *Gandhi M. K. Answers to questions // Collected works of Mahatma Gandhi.* — New Delhi: Publications Division, Ministry of Information and Broadcasting, 1958. — 400 p.

7. *Gandhi M. K. Collected works of Mahatma Gandhi (CWMG).* — New Delhi: Publications Division, Ministry of Information and Broadcasting, 1999. — 517 p.

8. *Redbarhi M. K. Independent India.* — London, 1983. — 420 p.

9. *Unnithan T. K. N. Gandhi in free India.* — Bombay: Wolters & Groningen, 1956. — 600 p.

УДК 347.9

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_53

Соловьева Татьяна Владимировна,

доктор юридических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
профессор кафедры гражданского процесса,

Россия, г. Саратов,

s80tv@mail.ru

Принцип состязательности в условиях упрощения и информатизации гражданского судопроизводства

В настоящее время гражданское процессуальное законодательство находится в процессе совершенствования и приведения нормативных положений в соответствие с тенденциями развития государства и общества.

Глобальной тенденцией развития современного мира выступает информатизация пространства. Информатизация представляет собой масштабное явление, связанное с внедрением в общественные отношения технических приемов и средств, способствующих более оперативному и эффективному взаимодействию различных субъектов, и распространяется на многие сферы в государстве и обществе, в том числе на сферу правосудия.

«Информационные технологии существенно облегчают судебную деятельность в плане отыскания необходимых нормативных актов, судебных прецедентов, образцов доктринального толкования права, установления процессуальных контактов с участниками процесса» [3, с. 24]. Кроме того, информационные технологии позволяют экономить материальные и временные затраты как суда, так и иных субъектов

гражданских процессуальных правоотношений, например, при проведении допроса свидетеля посредством использования систем видеоконференцсвязи.

За последние пять лет Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) претерпел значительные изменения, в ходе которых появилась необходимость корректировки содержания отдельных принципов гражданского судопроизводства. В данной статье будут рассмотрены изменения, коснувшиеся принципа состязательности в условиях упрощения и информатизации гражданского процесса.

Принцип состязательности является конституционным, и в его основе лежит правило, согласно которому каждая сторона должна доказать обстоятельства, сообщенные в обоснование ее требований. Интересным представляется мнение Л. Н. Бардина, который полагает, что «содержащаяся в ст. 123 Конституции РФ норма о том, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, очевидно не допускает обусловленности применения каким-то взаимодействием с какими-то другими нормами, а также усеченного или документарного применения» [1, с. 5]. Принцип состязательности является конституционным, как было отмечено ранее, в связи с чем его применение не должно быть ограничено. Однако трансформация и модернизация общественных отношений оказывают непосредственное влияние и на порядок рассмотрения и разрешения дел в судах общей юрисдикции.

Естественным ограничением принципа состязательности выступает нормативное регулирование роли суда в гражданском судопроизводстве, которое закрепляет руководящее положение судьи в судебном заседании, создающего условия для полноценного исследования доказательств и принимающего меры для обеспечения порядка в зале суда (ст. 156 ГПК РФ). Эти и другие положения ГПК РФ позволяют говорить об активной роли суда в сочетании с состязательным процессом. Стоит согласиться с мнением Д. Я. Малешина, полагающего, что «состязательности в чистом виде при пассивной роли суда в России не может быть, т. к. суд не может быть нейтральным, только внимательно выслушивая стороны и решая спор на основании представленных доказательств, в связи с тем, что граждане России имеют недостаточную правовую грамотность» [4, с. 278].

На протяжении многих лет ведутся дискуссии по поводу соотношения состязательности и активности суда. Например, В. М. Семенов выделял принцип активности суда как самостоятельный и определял его назначение в оказании судом помощи лицам, участвующим в деле, и осуществлении контроля над реализацией ими своих диспозитивных прав. Именно поэтому активность суда представляет собой самостоятельный принцип гражданского процесса [5, с. 31]. В свою очередь, Д. А. Фурсов отмечает, что суд не должен проводить принцип состязательности в строгом соответствии с его назначением, но суды должны

направлять и дополнять деятельность сторон, не подменяя ее [6, с. 34]. По мнению А. Т. Боннера, «суд, обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон» [2, с. 23].

В этой связи, можно сделать вывод, что принцип состязательности действует во взаимосвязи с активной ролью суда в гражданском судопроизводстве, несмотря на то что в «чистом виде» активная роль суда как принцип не имеет нормативного закрепления в ГПК РФ.

В настоящее время суд, занимая руководящее положение в процессе, определяет основные направления его развития, и состязание сторон проходит под контролем суда, поскольку суд вправе задавать вопросы лицам, которые дают объяснения, останавливать их, в случае если они излагают информацию, не имеющую значения для дела (ст. 174 ГПК РФ). Кроме того, только суд определяет порядок и последовательность исследования доказательств (ст. 175 ГПК РФ).

Несмотря на то что данный принцип давно существует в процессуальном законодательстве, можно говорить о его некотором усеченном действии в отдельных видах гражданского судопроизводства. В частности, в приказном производстве данный принцип действует специфически, ибо нет судебного заседания — нет и состязания, а ответчик получает право на отстаивание своей позиции только после вынесения судебного приказа. Он вправе подать заявление о его отмене и только затем, уже в рамках искового производства, получает право на высказывание своей позиции по делу. В данном виде производства активная роль суда реализуется в полном объеме, поскольку он выносит судебный приказ, основываясь на требованиях и доказательствах, предоставленных заявителем, а также на нормах права и внутреннем убеждении.

Относительно действия принципа состязательности в особом производстве можно говорить о его отсутствии, поскольку заявители устанавливают факт или защищают свой интерес. Несмотря на то что в отдельных категориях дел особого производства кроме заявителя присутствует и заинтересованное лицо, они не вступают в состязательный процесс, поскольку отсутствует спор о праве.

В связи с появлением нового подвида искового производства — упрощенного производства данный принцип претерпел изменение в направлении усечения его действия и не может быть реализован в полном объеме, ибо весь процесс исследования доказательств и принятия решения основан лишь на представленных сторонами документах. Можно говорить лишь о «документальной» состязательности, когда стороны обосновывают свою позицию, используя только письменные доказательства, объяснения и возражения (ст. 232.3 ГПК РФ), и в слу-

чае непредставления доказательств в обоснование своих требований рискуют не получить надлежащую защиту своих прав и интересов.

Заочное производство также является подвидом искового производства, где принцип состязательности действует ограниченно. Это связано с отсутствием ответчика в судебном заседании, и состязания как такового нет. Здесь истец отстаивает свою позицию в реальном режиме, а позиция ответчика лишь озвучивается судом в том случае, если он предоставил свои возражения. В данном подвиде искового судопроизводства можно говорить об опосредованном состязании истца и ответчика.

Таким образом, отсутствие принципа состязательности в приказном и особом производстве обусловлено сущностью данных видов судопроизводства: отсутствием спора о праве и спорящих сторон.

Принцип состязательности может быть реализован в полном объеме только в исковом производстве при условии активной роли суда. При этом в усеченных (заочном и упрощенном) подвидах искового производства акцент при рассмотрении и разрешении дела смещается в сторону активности суда, а состязательность приобретает в большей части «документальный» характер.

В условиях информатизации судопроизводства, в том числе искового, принцип состязательности претерпевает некоторые изменения. Это связано с возможностью использования систем видеоконференцсвязи при проведении судебного разбирательства, отдельных процессуальных действий, представления копий документов, в том числе посредством заполнения формы на официальном сайте суда. Несмотря на положительные последствия включения в судопроизводство технических возможностей, о которых было сказано выше, необходимо отметить и отрицательные последствия именно для состязания сторон. В частности, при проведении судебного разбирательства посредством использования систем видеоконференцсвязи у суда и других субъектов отсутствует прямая, непосредственная связь с другими лицами, что может сказаться на качестве состязательного процесса, т. е. на отстаивании позиции по делу. Кроме того, предоставление в суд копий документов, а также размещение их на сайте суда могут вызвать вопросы относительно их подлинности, что также ограничивает состязательность сторон.

Принцип состязательности в свете упрощения и информатизации гражданского судопроизводства претерпел некоторые изменения в направлении ограничения его действия, что может сказаться на качестве предоставляемой судебной защиты в целом.

Список литературы

1. *Бардин Л. Н.* Процессуальные реформы и принципы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 11. — С. 3–7.

2. *Боннер А. Т.* Избр. тр.: моногр.: в 7 т. — М.: Проспект, 2017. — Т. 3: Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. — 400 с.

3. *Боннер А. Т.* Электронное правосудие: реальность или новомодный термин // Вестник гражданского процесса. — 2018. — Т. 8, № 1. — С. 22–38.

4. *Малешин Д. Я.* Гражданская процессуальная система России. — М.: Статут, 2011. — 496 с.

5. *Семенов В. М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства. — М.: Юрид. лит., 1982. — 152 с.

6. *Фурсов Д. А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). — М.: Инфра-М, 1999. — 430 с.

УДК 342.9

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_57

Усманова Диана Рафаэлевна,

кандидат юридических наук,

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,

доцент кафедры административного и финансового права,

Россия, Санкт-Петербург,

udrdiana2017@ya.ru

Кулаков Николай Андреевич,

кандидат юридических наук,

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»,

доцент кафедры административной деятельности ОВД,

Россия, Санкт-Петербург,

2-kvadrat@mail.ru

Отдельные вопросы классификации субъектов противодействия коррупции в Российской Федерации

Термин «противодействие» часто используется в российской юридической практике. Вместе с тем содержание данного понятия в административно-правовой доктрине однозначно не определено и рассматривается с различных ракурсов. Так, по мнению одних специалистов,

противодействие коррупции предполагает применение комплекса правовых и организационных средств, направленных на исключение условий и причин, способствующих коррупционным проявлениям [2, с. 8]. Другой подход заключается в том, что под противодействием коррупции необходимо понимать применение юридических средств, обеспечивающих эффективное воздействие на поведение государственных служащих с целью предупреждения совершения правонарушений коррупционного характера [1, с. 7].

Федеральный закон «О противодействии коррупции» определяет противодействие коррупции как деятельность органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);
- б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);
- в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Стоит обратить внимание на тот факт, что законодатель различает понятия «противодействие коррупции» и «борьба с коррупцией». Данные категории в легальном определении противодействия коррупции соотносятся как целое и часть, хотя с точки зрения лексического значения термины «борьба» и «противодействие» можно признать если не синонимами, то достаточно близкими по смыслу.

В юридической литературе отмечается, что в законодательстве многих зарубежных государств такого разделения нет, и «борьба с коррупцией» фактически отождествляется с «противодействием» данному явлению в его российском понимании. Например, в современной правовой реальности КНР то, что в Российской Федерации принято обозначать термином «противодействие», раскрывается через категорию «борьба». Это находит отражение в наименовании многих законов, таких как закон о борьбе со шпионажем, закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией, закон о борьбе с отмыванием денег, закон о борьбе с монополизмом, закон о борьбе с насилием в семье [3, с. 74]. При этом можно взглянуть на проблему соотношения категорий «борьба» и «противодействие» с иной точки зрения. В 90-х гг. XX в. в ходе работы законодателя над проектом рамочного антикоррупционного закона термин «борьба с коррупцией» преобладал (проект федерального закона «О борьбе с коррупцией»: внесен Президентом РФ письмом № Пр-610 от 28.04.1998 г.; принят к рассмотрению протоколом заседания Совета Государственной Думы № 138 12.05.1998 г. и 09.09.1998 г.; отклонен Государственной Думой при рассмотрении в 1-м чтении (постановление № 2934-II ГД)).

Имела место и другая позиция, суть которой в том, что категория «борьба с коррупцией» в предлагаемых законопроектах не включала профилактических и институциональных мер, направленных на устранение причин и условий коррупции. Вместе с тем просто бороться («воевать») с коррупцией исключительно на основе карательно-принудительных мер неэффективно, что уже в 1990-х гг. очевидно следовало из зарубежного опыта. В связи с этим все больше специалистов стали высказываться в пользу закрепления в законодательстве термина «противодействие коррупции». Данная категория является более широкой, включает в себя не только меры по борьбе с уже совершенными правонарушениями, но и меры, направленные на устранение причин и условий коррупции как таковой.

Представляется, что такая категория, как «противодействие коррупции», более точно отражает идею комплексного системного подхода к реализации антикоррупционных мероприятий. Использование данной дефиниции ставит проблему шире и включает в пределы регулирования антикоррупционные механизмы, характерные для стратегического осознания коррупционной проблемы и системного подхода к устранению ее причин и условий.

Следует отметить, что российское антикоррупционное законодательство подвергается серьезной критике со стороны научного юридического сообщества. Е. Ю. Четвертакова, например, указывает, что проблема терминологической неопределенности в сфере противодействия коррупции неоднократно становилась предметом внимания российских и зарубежных правоведов [4, с. 18].

В свою очередь, под субъектом противодействия коррупции нужно понимать орган публичной власти (а в отдельных случаях негосударственную организацию, которой государством переданы специальные полномочия), реализующий функции по профилактике и предупреждению коррупции, по борьбе с коррупционными правонарушениями, по минимизации и ликвидации последствий таких правонарушений.

Из законодательного определения противодействия коррупции следует, что субъектом такого противодействия являются органы публичной власти (как государственной, так и муниципальной). При этом к числу органов государственной власти, реализующих противодействие коррупции, относятся не только субъекты законодательной, исполнительной и судебной власти, но и государственные органы, не относящиеся к одной из перечисленных ветвей, в частности органы прокуратуры РФ, Счетная палата РФ и т. д.

Исследуя проблему системы субъектов, осуществляющих противодействие коррупции в Российской Федерации, необходимо не только определить перечень органов публичной власти, наделенных соответствующими полномочиями, но и выявить наличие системных связей

между ними. Наиболее наглядно такие связи проявляются в ходе классификации субъектов по различным критериям.

Все субъекты противодействия коррупции могут быть классифицированы по ряду оснований. Классическим основанием для классификации является принадлежность субъектов к той или иной ветви власти в соответствии с принципом их разделения. По данному основанию субъекты могут быть сгруппированы следующим образом:

- федеральные органы исполнительной власти (правительство РФ, ФСБ России; Минюст России, МВД России и др.);
- органы законодательной (представительной) власти (Федеральное собрание РФ, законодательные органы субъектов Российской Федерации);
- судебные органы (федеральные суды общей юрисдикции, а в отдельных случаях мировые суды субъектов Российской Федерации);
- иные федеральные органы государственной власти (Президент РФ и администрация Президента, прокуратура РФ, Счетная палата РФ);
- структуры, не относящиеся к числу органов государственной власти, но наделенные в установленном законом порядке отдельными государственно-властными полномочиями (органы местного самоуправления).

В юридической литературе можно встретить и иные подходы к классификации субъектов государственного управления в той или иной области. Один из таких подходов предполагает дифференциацию субъектов на две основные группы: конституционные и инициативные.

К числу первых относятся: Президент РФ; правительство РФ и органы исполнительной власти РФ; Федеральное собрание РФ; Счетная палата РФ; органы судебной власти РФ; органы прокуратуры РФ; органы государственной власти субъектов РФ; органы местного самоуправления; уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

Группа инициативных субъектов включает в себя советы и иные координационные органы, формируемые в соответствии с действующим законодательством. Согласно п. 5 ст. 5 ФЗ «О противодействии коррупции», в целях координации деятельности субъектов противодействия коррупции различного уровня (федерального, регионального и местного) по решению Президента РФ могут создаваться органы по координации деятельности в области противодействия коррупции. В состав таких органов входят представители федеральных органов государственной власти, государственной власти субъектов Российской Федерации и иные лица.

Кроме того, координационные советы антикоррупционной направленности могут создаваться по инициативе органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Такие органы создаются, как правило, на основе законодательных актов субъектов Российской Федерации. Принятая за основу в субъектах Российской Федерации

организационно-правовая модель координации проведения антикоррупционной политики, предусматривающая подотчетность специализированного органа по противодействию коррупции главе субъекта Российской Федерации, обеспечивает согласованность антикоррупционной работы в субъектах Российской Федерации.

В качестве следующего критерия классификации субъектов противодействия коррупции можно предложить характер компетенции субъекта. В соответствии с данным критерием все субъекты подразделяются на субъекты специальной компетенции и субъекты общей компетенции.

К числу субъектов специальной компетенции необходимо отнести те органы государственной власти, для которых противодействие коррупции нормативно закреплено в качестве элемента административно-правового статуса и образует одно из направлений их деятельности. Примером субъекта противодействия коррупции специальной компетенции является, в частности, ФСБ России. Активная позиция органов безопасности в отношении коррупционных правонарушений регулярно освещается в средствах массовой информации и не нуждается в дополнительной аргументации. В соответствии со ст. 10 федерального закона «О Федеральной службе безопасности» соответствующие органы, реализуя такое направление своей деятельности, как борьба с преступностью, проводят оперативно-розыскные мероприятия по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию коррупции.

Другой пример субъекта специальной компетенции в области противодействия коррупции — МВД России и входящие в его систему органы внутренних дел. В соответствии со ст. 2 ФЗ «О полиции» к числу основных направлений ее деятельности относятся, в частности, выявление, раскрытие предупреждение, пресечение преступлений. В структуре МВД России созданы и функционируют специализированные подразделения по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции.

В качестве специальных субъектов противодействия коррупции можно также обозначить органы публичной власти, указанные в ст. 5 ФЗ «О противодействии коррупции». Данная статья раскрывает антикоррупционные полномочия Президента РФ, Федерального собрания РФ, правительства РФ, Генеральной прокуратуры РФ и Счетной палаты РФ.

В свою очередь, для субъектов общей компетенции противодействие коррупции прямо не закреплено в качестве одного из направлений деятельности, но вытекает из других функций, закрепленных за данными субъектами. Из п. 4 ст. 5 ФЗ «О противодействии коррупции» следует, что к числу таких органов можно отнести федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, которые осуществляют противодействие коррупции в пределах своих полномочий. Противодей-

ствии коррупции для субъектов общей компетенции не является одним из основных направлений деятельности. Однако при выявлении фактов коррупции должностные лица соответствующих органов обязаны реагировать в соответствии с действующим законодательством.

Итак, система субъектов противодействия коррупции весьма разнообразна и включает в себя практически все органы публичной власти. Эффективность противодействия коррупции очевидно зависит от качественной координации деятельности всех субъектов, их слаженной работы единым фронтом и разумного распределения антикоррупционных полномочий между ними.

Список литературы

1. *Вовк В. А.* Административно-правовые средства противодействия коррупции в органах внутренних дел: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2019. — 27 с.

2. *Колчманов Д. Н.* Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в системах государственной службы зарубежных стран и возможности использования зарубежного опыта в Российской Федерации: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2009. — 21 с.

3. *Федоров А. В.* Борьба с коррупцией: сравнительно-правовой аспект // Российский следователь. — 2019. — № 1. — С. 74–80.

4. *Четвертакова Е. Ю.* Проблемы унификации понятийного аппарата в сфере борьбы с коррупцией в рамках Содружества Независимых Государств // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2016. — № 4. — С. 18–22.

УДК 34.343

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_62

Титовец Анна Эдуардовна,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
соискатель кафедры прокурорского надзора и криминологии,

Россия, г. Саратов,
Klan1986.86@mail.ru

Уголовно-правовая охрана потерпевшего от преступлений, совершенных по мотиву ревности

Осуществляя любые действия, лицо руководствуется внутренними побуждениями, мотивами. Они могут нести как положительный окрас, так и негативный. Одним из таких мотивов является ревность, т. е. не-

кое переживание личности, связанное со страхом потери важного для нее человека. Ревность может быть как позитивным мотивом, стимулирующим поведение человека, когда он преследует цель стать лучше, в частности приобретает новые навыки или развивает уже имеющиеся, либо негативным, побуждающим людей совершать различные антиобщественные и противоправные деяния, в том числе и преступления.

Ревность, выступая мотивом совершения преступления, является факультативным признаком объективной стороны состава преступления. Мотив преступного поведения представляет собой внутреннее побуждение, которое порождает у виновного желание совершить уголовно наказуемое деяние [2, с. 47]. Его следует отличать от мотивации — процесса возникновения, развития и реализации мотивов совершения преступления [1, с. 150]. Мотив выступает ключевым элементом мотивации. В этой связи важное значение приобретает уголовно-правовая охрана потерпевших от преступлений, совершенных по мотиву ревности.

Анализ статистических данных позволяет констатировать, что в настоящее время значительное количество преступлений, совершается по мотиву ревности. В частности, это может быть простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ), убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), причинение вреда здоровью различной тяжести (ст. 111, 112, 115 УК РФ), причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ), побои (ст. 116.1 УК РФ), истязание (ст. 117 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Все вышеуказанные преступные посяательства составляют насильственную преступность, поскольку ревность как негативное явление у грубых, вспыльчивых и неуравновешенных людей зачастую порождает агрессию. Лицо, которое ревнует, в силу своих психических особенностей, выясняет отношения посредством силы, что, в свою очередь, непосредственно может повлечь смерть человека либо причинение ему вреда здоровью. Преступления, совершенные из ревности, занимают значительное место в структуре насильственной преступности.

Однако следует констатировать недостаточную уголовно-правовую охрану лиц, которым из ревности наносятся побои или в отношении которых совершаются иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, присущих умышленному причинению легкого вреда здоровью. Это обусловлено частичной декриминализацией побоев. В частности, исходя из УК РФ, лицо, из ревности нанесшее побои или совершившее иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных ст. 115 УК РФ, подлежит уголовной ответственности, только если оно уже было подвергнуто

административному наказанию за аналогичное деяние. В данном случае наличествует административная преюдиция, что, в свою очередь, не обеспечивает должную уголовно-правовую охрану потерпевшим от преступлений, совершенных по мотиву ревности. Данное деяние исключает квалификацию по ст. 116 УК РФ, ибо в данном составе преступления криминообразующим признаком является мотив: хулиганские побуждения, политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы. Данная позиция российского законодателя представляется неприемлемой, и в целях уголовно-правовой охраны всех потерпевших от преступных посягательств, совершенных по мотиву ревности, необходимо вернуть ст. 116 УК РФ в редакции до ее частичной декриминализации, что будет также способствовать предупреждению более тяжких преступлений против личности.

Зачастую потерпевшей от преступлений, совершенных по мотиву ревности, выступает женщина, состоящая с мужчиной в любовных отношениях. Женщина в данном случае будет выступать непосредственно объектом ревности, а мужчина — субъектом [3, с. 134]. Такая ситуация обусловлена не тем, что женщине чужда ревность и она никогда не испытывает данное чувство, а тем, что в данном случае речь идет непосредственно о ревности, порождающей преступное посягательство, и все вышеуказанные нравственно-психологические качества и свойства личности присущи непосредственно лицам мужского пола. Случаи, когда потерпевшим от преступлений, совершенных по мотиву ревности, выступает мужчина, крайне редки.

На основании вышеизложенного следует констатировать, что преступления, совершенные из ревности, занимают значительное место в структуре насильственной преступности. Однако в настоящее время в связи с частичной декриминализацией побоев и установлением административной преюдиции правовая охрана потерпевших от преступлений, совершенных по мотиву ревности, недостаточна. Поэтому необходимо вернуть ст. 116 УК РФ в редакции до ее частичной декриминализации.

Список литературы

1. *Антонян Ю. М., Волконская Е. К.* Мотив преступного поведения: основные характеристики // *Общество и право.* — 2012. — № 4 (41). — С. 150–157.
2. *Кудрявцев В. Н.* Механизм преступного поведения. — М.: Наука, 1981. — 248 с.
3. *Севостьянов Р. А.* Ревность как мотив совершения преступления // *Вопросы российского и международного права.* — 2018. — Т. 8, № 7А. — С. 128–134.

Шкаревский Денис Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент,

БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»,

доцент кафедры теории и истории государства и права,

Россия, г. Сургут,

shkarden@mail.ru

Организация руководства органами транспортной юстиции в 1941–1956 гг.

Весомый вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне (далее: ВОВ) внесли органы транспортной юстиции. К началу 1940-х гг. органы транспортной юстиции представляли собой централизованную систему. Например, в период ВОВ воднотранспортные трибуналы давали объяснение о вынесении приговора с помилованием по каждому делу [31, л. 12, 15]. Влияние региональной и местной партийной и государственной власти на органы юстиции было ограничено или практически отсутствовало.

С 22 июня 1941 г. начался процесс милитаризации этих органов. К 1943 г. все линейные транспортные суды были преобразованы в военные трибуналы транспорта (далее: ВТ). На 1 января 1945 г. сеть военных транспортных трибуналов состояла из 94 единиц [34, л. 28]. Всего за годы войны этими органами были осуждены 406 042 человека, или 2,5% от общего числа осужденных [42, л. 7]. Деятельность органов транспортной юстиции в период ВОВ в настоящий момент активно изучается [59; 72; 73], однако отсутствуют работы, посвященные проблемам управления этими органами. Основную роль в управлении играли Наркомат юстиции, Верховный Суд, соответствующие прокуратуры, например Главная военная прокуратура железнодорожного транспорта.

Одним из важнейших элементов практики управления органами транспортной юстиции являлось определение их задач, которые в период ВОВ неоднократно корректировались. Так, в 1941 г. основная задача этих органов сводилась к «беспощадной борьбе со всеми дезорганизаторами тыла», транспорта, поскольку «величайшая аккуратность, дисциплинированность, бдительность советским людям помогает скорее и легче одержать победу» [23, л. 14].

В начале 1942 г. перед ВТ транспорта были поставлены задачи по борьбе со следующими видами преступлений:

«а) с хищениями грузов, разбоем, грабежами, а также нарушениями общественного порядка на транспорте (постановление ГКО от 14 декабря 1941 г.);

- б) с нарушениями трудовой дисциплины на транспорте;
- в) с нарушением установленных норм приема поездов и незаконным приемом поездов (постановление ГКО от 13 ноября 1941 г.);
- г) с задержкой подвижного состава и судов под разгрузкой и погрузкой (постановление ГКО от 22 ноября 1941 г.);
- д) с расхищением снегозащитных средств на ж. д. транспорте (постановление ГКО от 1 декабря 1941 г.);
- е) с самовольным уходом рабочих и служащих транспорта, в особенности с дезертирством с предприятий, выполняющих спецзаказы самостоятельно и по принципу кооперации (указ от 26 декабря 1941 г. и телеграмма Наркома юстиции СССР от 10 января 1942 г.)» [29, л. 100–102].

В апреле 1942 г. нарком юстиции поставил следующие задачи: «покончить с расхлябанностью в <...> работе», «проводить решительную и суровую борьбу с дезорганизаторами транспорта», «работать в тесном контакте с руководством железных дорог», рассматривать дела быстро и так, чтобы они «имели воспитательное значение» [53, с. 218].

С 1942 г. задачи органов транспортной юстиции стали освещать в печати. Так, требования главного прокурора морского и речного флота А. Щитовича сводились к «обеспечению зимнего судоремонта», «систематическому надзору за организацией противопожарной безопасности и охраны заводов, портов, пристаней и судов»; он также приказал привлекать к уголовной ответственности и «сурово наказывать» за преступную халатность, злоупотребления и саботаж в деле внедрения изобретений и рационализаторских предложений [77, с. 14].

Перед ВТ железнодорожного транспорта в 1942 г. стояли задачи обеспечения быстрой перевозки войск и подвоза военных грузов, организации борьбы со случаями задержки поездов у semaфоров и светофоров, организации всей работы образцово, по-военному [74, с. 6].

В 1944 г. требования были несколько изменены, особо выделялись следующие:

- «а) знать “как свои пять пальцев” боевые задания, стоящие перед каждой железнодорожной частью (изучать документы и самим бывать везде);
- б) судебная работа должна быть без нарушения законов, приказов Наркомата юстиции;
- в) председатели ВТ должны ежемесячно, кварталнo проводить оперативные совещания;
- г) тщательно изучать причины и условия, породившие преступления по всем делам;
- д) дела должны рассматриваться более внимательно и быстрее, чтобы момент наказания был максимально приближен к моменту совершения преступления;
- е) активизировать работу трибуналов по предупреждению преступности;

ж) следовать указанию т. Сталина от 3 июля 1941 г.: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов,» [18, л. 102].

В первые послевоенные годы основные задачи органов транспортной юстиции практически не изменились. Так, А. Щитович потребовал усилить работу по всем видам преступлений на транспорте для обеспечения перевозки грузов [76, с. 12].

В 1953 г. задачи органов транспортной юстиции были разделены на общие и специальные. К общим относились: «беспощадная борьба со всякого рода вражескими попытками ослабить мощь Советского государства, охрана социалистической собственности, защита прав и интересов советских граждан, охрана общественного порядка, особенно <...> усиление борьбы с убийствами, разбойными нападениями, кражами, хулиганством, укрепление государственной и трудовой дисциплины». В число специальных задач входили «обеспечение сохранности социалистической собственности на транспорте», «борьба с обмериванием, обвешиванием и иным обманом покупателей, со спекуляцией», «охрана общественного порядка, усиление борьбы с такими преступлениями, как кража у пассажиров, хулиганство в поездах, на вокзалах и в других общественных местах», «строжайшее соблюдение трудового законодательства», «выполнение жилищного законодательства» [67, с. 19].

В 1955 г. среди задач органов транспортной юстиции были названы выявление основных виновников — организаторов преступлений и недопущение назначения мягких мер наказания опасным преступникам [70, с. 6].

В период ВОВ наблюдалось существенное увеличение количества прямых указаний по вопросам деятельности органов транспортной юстиции со стороны Президиума Верховного Совета СССР, НКЮ и прокуратуры. Причем эти приказы и указания нередко противоречили действующей на тот момент нормативной правовой базе и подменяли существующие нормы права. Так, указом Президиума Верховного Совета СССР (далее: ПВС) от 27.06.1941 г. в изъятие ст. 16 «Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» военным советам фронтов было предоставлено право в особо исключительных случаях утверждать приговоры военных трибуналов к высшей мере наказания с немедленным приведением приговоров в исполнение. В июле 1941 г. это право было предоставлено военным советам армий и командирам корпусов [69, с. 472–473].

В сентябре 1941 г. заместитель наркома юстиции И. Басавин приказал «в отношении лиц, привлеченных за пропаганду или агитацию, содержащую призыв к свержению, подрыву, или ослаблению Совет-

ской власти (ст. 58-10 УК РСФСР) <...> в условиях военного времени, независимо от объявления местности на военном положении <...> применять вторую часть ст. 58-10 УК РСФСР» [12, л. 274].

В октябре 1941 г. по указанию НКЮ в целях «разгрузки архивов и текущего делопроизводства от материалов, не имеющих оперативного и научно-исторического значения» было приказано при линейных судах образовать комиссии в составе председателя линсуда, заведующего секретариатом и секретаря судебных заседаний линсуда для разгрузки архива, для отбора материалов, подлежащих уничтожению [12, л. 302]. В ходе этой работы в системе НКЮ имело место уничтожение «материалов, имеющих научно-историческое и практическое значение» [13, л. 51].

В декабре 1941 г. Н. Рычков изменил порядок кассационного обжалования. Так, кассационные жалобы на приговоры к высшей мере наказания (далее: ВМН), вынесенные до 17 ноября 1941 г. включительно, не подлежали направлению в вышестоящий суд и рассмотрению. Жалобы других подсудимых, осужденных по тем же приговорам к срочным мерам наказания, направлялись и рассматривались в обычном порядке. Дела с приговорами к ВМН, вынесенными до 17 ноября 1941 г. включительно, независимо от обжалования было приказано «считать законченными и передавать их на хранение в установленном порядке (кроме дел, по которым поданы жалобы другими подсудимыми, осужденными к срочным мерам наказания)». Приговоры к ВМН, вынесенные после 17 ноября (в том числе по делам, поступившим до 17 ноября), и кассационные жалобы на них направлялись и рассматривались в обычном порядке. «Спецдела, поступившие в <...> военные трибуналы и линейные суды, но еще не рассмотренные, а также направляемые в дальнейшем на рассмотрение судов органами НКВД и прокуратуры», подлежали рассмотрению в обычном порядке [14, л. 24]. В течение войны в этом вопросе наблюдались различные изменения. Так, в ноябре 1943 г. «в связи с возобновлением кассационного порядка обжалования приговоров ВТ дорог» было приказано внести изменения в формы статистических отчетов [11, л. 89]. С января 1942 г. А. Щитович приказал пересмотреть в течение месяца все приостановленные с начала войны дела об особо опасных преступлениях и активизировать по ним розыск лиц [4, л. 3].

В феврале 1942 г. нарком юстиции издал приказ о либеральных приговорах, задержке в рассмотрении дел и дисциплине [19, л. 30]. В марте 1942 г. прокурор СССР приказал привлекать «к уголовной ответственности лиц, виновных в срыве доставки продовольствия и фуража частям действующей армии». В соответствии с этим указанием на военных прокуроров дорог был возложен «постоянный надзор» за делами такого рода [25, л. 116].

В августе 1942 г. приказом № 091 Н. Рычков разрешил нарушать правила формирования состава суда: «В соответствии с указом ПВС

СССР от 27.06.1942 г. военным трибуналам железнодорожного и водного транспорта в необходимых случаях привлекать к рассмотрению судебных дел в состав суда заседателей из числа работников транспорта, выделенных политотделом дороги», поскольку в «ряде случаев сессии военных трибуналов транспорта по причине внезапного заболевания, отвода, отсутствия одного из членов трибунала и проч. откладывают слушание дела, требующее по условиям обстановки безотлагательного разрешения на месте» [22, л. 195].

Такое большое количество нормативных актов, слабая подготовка кадров и отсутствие стабильной связи в военных условиях приводили к тому, что неоднократно в приказах НКЮ отмечалось незнание сотрудниками ВТ транспорта основных приказов и указаний [38, л. 181].

Существовали и прямые указания председателя ГКО И. Сталина по вопросам деятельности данных органов. Так, в июле 1941 г. постановлением ГКО № 295 было приказано «обязать прокуратуру СССР в срочном порядке окончить дело расследованием и обеспечить приговор к расстрелу капитана парохода “Колла” Свердюкова, а другого капитана парохода “Десна” Олейника приговорить к тюремному заключению сроком на 15 лет» [64, л. 204].

В послевоенный период роль данного метода управления органами транспортной юстиции снизилась, однако командно-административный стиль руководства сохранился.

Так, проект приказа Министерства юстиции «О работе судов» содержал требование «обратить внимание всех судей и работников юстиции на необходимость наведения государственного порядка в судах и органах юстиции, на обеспечение социалистической законности в работе каждого суда и органа юстиции», а «в отношении судей и работников юстиции, извращающих советские законы и допускающих злоупотребления, немедленно ставить вопрос об отзыве или снятии с работы, в необходимых случаях — предании суду» [63, л. 83].

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. органы транспортной юстиции начали шире привлекать к организационно-массовой работе (агитационно-пропагандистской работе по выборам народных судов) [21, л. 51].

Наряду с указанными инструментами определенное влияние на управление органами транспортной юстиции оказывал и Верховный Суд СССР. Постановления Пленума и определения Верховного Суда нередко содержали предписания о деятельности данных органов, направляли их. Так, в 1942 г. Пленум Верховного Суда напомнил органам транспортной юстиции о том, что ст. 59-3-в «применяется не только при условии наступления указанных в ней последствий, но и при возможности их наступления» [68, с. 57].

Одним из инструментов управления органами транспортной юстиции являлось проведение различных совещаний. В конце ВОВ они были неоднократно организованы Наркоматом юстиции. Например,

20 мая 1944 г. было проведено совещание председателей железнодорожных войск фронтов, в ходе которого обсуждались основные показатели работы, причины роста судимости, недостатки в работе («работают без плана»; «не информируют командование о работе ВТ»; «нет массово-правовой работы»; «не проводят военные занятия с личным составом»; «неудовлетворительно поставлена работа канцелярии»; «неосновательное осуждение»; «неосновательное оправдание»; «неприменение имущественных взысканий»; «неправильная квалификация преступлений»; «неправильное применение прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР»; «нарушение процессуальных норм») [18, л. 102]. Были проведены совещания председателей военных трибуналов железнодорожного (24 мая 1944 г.) и водного транспорта (30 мая 1944 г.) [16, л. 29].

6 марта 1945 г. в Москве вновь состоялось совещание председателей военных трибуналов водного транспорта, в ходе которого были названы ВТ, проводившие мягкую карательную политику по делам о хищениях. Был сформулирован вопрос: «Трибуналы судят, а хищения не уменьшаются?» Ответ звучал так: «ВТ должны добиться, чтобы к каждому осужденному за хищения было презрение у всех лиц, его окружающих, чтобы на него смотрели не как на героя, а как на врага, подрывающего военную мощь Советского Союза» [24, л. 1–49].

5 июня 1945 г. состоялось совещание старших секретарей ВТ ж. д. и водного транспорта [24, л. 168]. С 5 по 8 сентября 1945 г. прошло совещание заместителей председателей ж. д. по делам о хищениях и к. р. преступлениях [24, л. 201].

В послевоенный период роль этого метода управления не снижалась. Различные совещания проводились периодически. Так, уже 25 декабря 1946 г. состоялось совещание председателей ВТ ж. д. транспорта и водных бассейнов. В ходе совещания начальник Главного управления военных трибуналов транспорта (далее: ГУВТТ) Г. Пуговкин отметил: «...многие работники и руководители ВТ допускают благодушие, больше того, одни работники уже "отменили" эти законы <указы 15.04. и 9.05.1943, постановление ГОКО 2.07.1942 г. и др.> в своей судебной практике, перестали руководствоваться ими, философствуя о том, что война окончилась и теперь мы должны более мягко подходить к преступникам <...> Во время войны трибуналы значительно лучше работали! Не ослаблять нужно борьбу с преступностью...» [32, л. 17].

Г. Пуговкину было поручено «не реже одного раза в полугодие обсуждать на совещании работников управления, членов военной железнодорожной коллегии с участием работников ВТ и представителей прокуратуры судебную практику ВТ и ВЖДК» [37, л. 334].

Одним из наиболее важных инструментов управления органами транспортной юстиции являлись ревизии их деятельности и контроль отчетных документов. С сентября 1942 г. действовала «Инструкция о

порядке производства ревизий военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта».

Ревизии в основном проводились в соответствии с планом деятельности Управления военных трибуналов транспорта (далее: УВТ). Однако «в необходимых случаях (обнаружение существенных недостатков в работе ВТ, требования военной обстановки и т. п.) проводятся внеплановые ревизии». Ревизор до выезда в командировку был «обязан подготовить докладную записку о состоянии работы ВТ, подлежащего обследованию, а также о положении на дороге, бассейне, пароходстве по важнейшим вопросам (дисциплина, аварии, крушения, хищения и т. п.) по материалам центральных органов». Также в записке следовало указать «и те вопросы, которые требуют особого выяснения и проверки». По прибытии на место ревизии ревизор должен был выяснить «связь и взаимоотношения ВТ с хозяйственным, политическим управлением дороги, бассейна, пароходства, местными партийными органами, а также с прокуратурой и НКВД». Также перед началом ревизии на совещании работников ВТ ревизор должен был ознакомить их с задачами ревизии.

В ходе проверки судебной практики ВТ ревизии подлежали следующие параметры:

«а) динамика преступности и сравнительные данные <...> с предыдущим периодом; динамика поступления дел и количество осужденных и оправданных <...>

б) практика ВТ по делам о контрреволюционных преступлениях;

в) практика ВТ по делам о нарушениях государственной и трудовой дисциплины (о преступлениях, предусмотренных ст. 59-3-в УК РСФСР, Указом от 26.06.-40 г., Указом от 26.12.-1941 г. и др.);

г) практика ВТ по делам о крушениях, авариях и нарушениях ПТЭ;

д) практика по делам о простоях подвижного состава;

е) практика ВТ по делам о хищении, порче и уничтожении грузов (постановление ГКО от 3.03 и 2.07.1942 г.)».

Также необходимо было проанализировать:

«а) соблюдение законов о подсудности и о составе суда;

б) проверку военными трибуналами в подготовительном заседании обоснованности обвинительных заключений в отношении предания суду и квалификации преступлений <...>

в) правильность ведения судебного заседания; соблюдение установленных для подсудимого гарантий; участие прокуратуры и адвокатуры;

г) правильность применяемых судом мер наказания, в особенности ВМН, основательность оправдательных приговоров;

д) правильность применения дополнительных мер наказания (лишение избирательных прав, конфискация имущества);

е) правильность применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответ. ст.ст. УК других союзных республик;

ж) правильность и качество оформления приговоров и определенных ВТ; качество протоколов судебных заседаний;

з) соблюдение установленного порядка утверждения и исполнения приговоров к ВМН;

и) сроки расследования и рассмотрения дел».

Кроме этого ревизор был «обязан побывать на подготовительных и судебных заседаниях обслеуемого ВТ».

После завершения ревизии, ревизор докладывал руководству дороги (пароходства, бассейна) и Обкому ВКП(б) о результатах проверки и выяснял «их мнение о работе ВТ и необходимых мерах к ее улучшению». После этого он проводил совещание с работниками трибунала об итогах ревизии с приглашением представителей дороги (бассейна, пароходства), военной прокуратуры, НКВД, милиции.

После доклада начальнику отдела о проведенной работе ревизор в трехдневный срок составлял докладную записку объемом 8–10 страниц, которая «в сжатой и краткой форме отвечала на вопросы, по которым производилась ревизия, и содержала краткий отчет о мерах, принятых ревизором на месте». По итогам ревизии составлялся проект приказа наркома юстиции или указание начальника Управления. [29, л. 79-81].

В марте — апреле 1943 г. Наркомат юстиции даже провел ревизию деятельности Военной железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР за октябрь 1942 — февраль 1943 г. В ходе ревизии был сделан ряд выводов.

«1. В своей практической работе ВЖДК Верхсуда СССР основное внимание уделяла исправлению ошибок военных трибуналов по делам о хищениях социалистической собственности, в то же время не осуществляла необходимого надзора по другим категориям дел.

2. Затребованные в порядке надзора дела по отдельным видам преступлений изучаются крайне медленно <...>

3. По ряду дел ВЖДК Верхсуда СССР необоснованно переквалифицировала преступления с Закона от 7.08.1932 г. на ст. 162 п. “д” и “г” УК РСФСР <...>

4. В ряде случаев ВЖДК Верхсуда не реагировала на грубые процессуальные нарушения, допускаемые военными трибуналами <...>

5. Ознакомление с приговорами военных трибуналов поставлено неудовлетворительно.

6. Отдельные категории дел, истребованные из военных трибуналов, изучаются крайне медленно.

7. Определения ВЖДК Верхсуда СССР обращаются к исполнению несвоевременно» [39, л. 20].

В послевоенный период роль и значение ревизий линейных судов транспорта не снижались. Механизм их проведения оставался прежним. В 1946 г. Министерством юстиции была проверена деятельность

Военной воднотранспортной коллегии (далее: ВВТК) Верховного Суда СССР. Работа руководства коллегии (Н. Наумов) была оценена неудовлетворительно [36, л. 66–67 об.].

В 1947 г. состоялась ревизия ВЖДК. Выяснилось, что «дела рассматривались по 3-4 месяца», не обеспечивалась «должная производительность членов коллегии», допускались «нарушения закона», в судебных заседаниях принимали «участие прикомандированные работники военных трибуналов, не являющиеся членами ВС СССР». Ответственность за это была возложена на И. Голякова и И. Никитченко. Тем не менее после проверки численность коллегии была увеличена на 5 сотрудников [63, л. 175].

В 1951 г. специальной правительственной комиссией была проведена проверка Главного управления по делам линейных судов ж. д. и водного транспорта (далее: ГУДЛТС) и раскритикована его деятельность за «формально-бюрократический стиль руководства». В ходе проверки выяснилось, что ГУДЛТС проводило «по 2–3 раза ревизию одного и того же суда» [20, л. 136].

Не менее важными в системе управления и контроля над деятельностью органов транспортной юстиции являлись периодические отчеты и их анализ НКЮ. Их количество нередко менялось. Так, в конце 1940 г. были отменены полугодовые отчеты и введены квартальные. С началом ВОВ были введены следующие отчеты для военных трибуналов транспорта: за две недели (первую и вторую половины месяца), за месяц, за квартал, за половину года, за год. Также в начале 1940-х гг. увеличился объем секретных сведений в органах транспортной юстиции. Например, в 1941 г. были засекречены статистические сведения «по формам 1, 3, 6, 10» [15, л. 323, 350].

Аналізу отчетов трибуналов придавалось большое значение. Так, председатель военного трибунала Мурманского бассейна Елфимов получил выговор за то, что «прислал доклад о работе ВТ за второй квартал 1942 г., в котором ничего не сказано о работе ВТ и лишь воспроизведены данные статотчета без какого бы то ни было анализа последних и даже без элементарных пояснений статданных» [40, л. 1].

После ВОВ контроль отчетных документов военных трибуналов транспорта также был весьма строгим. В составленном по итогам IV квартала 1945 г. «Обзоре докладов о работе ВТ водного транспорта» было указано на отсутствие анализа отдельными ВТ причин роста судимости, дезертирства, на неудовлетворительную работу ряда трибуналов [27, л. 4].

В транспортной прокуратуре была похожая ситуация. Нередко указывалось на то, что отчеты о работе транспортных прокуратур «не выверены» [10, л. 41].

Периодически НКЮ требовал предоставления внеплановых отчетов. Так, в апреле 1942 г. были обобщены доклады председателей трибу-

налов о выполнении постановления ГКО от 22 января 1942 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Результаты оказались неутешительными. «В установленный срок доклады были представлены не всеми военными трибуналами и линейными судами. Часть представила доклады с большим опозданием, а часть [6 ВТ и линсудов], несмотря на напоминание по телеграфу, не представила их <...> председатели некоторых военных трибуналов [4 ВТ и линсудов] к составлению докладов отнеслись формально» [43, л. 15]. В результате «недисциплинированность и формальное отношение <...> трибуналов и линейных судов <...> не дали УВТ транспорта возможности быстро исправить ошибки, допущенные военными трибуналами и линейными судами при рассмотрении этих дел».

Ситуация повторилась в мае 1942 г., когда были собраны и обобщены доклады транспортных трибуналов о борьбе с простоями подвижного состава за январь — апрель того года [35, л. 26]. Их деятельность подверглась суровой критике за «недисциплинированность и порочный стиль работы», поскольку ряд ВТ не прислали отчетов, некоторые недостаточно проанализировали свою деятельность. Также НКЮ указала на «низкое качество предварительного следствия» по этим делам.

По мнению И. Железко, начальник ГУВТТ Г. Пуговкин «заставлял ревизоров и председателей ВТ <транспорта> собирать массу мелких сведений. Бумажный поток, поступавший в ГУВТТ, был так велик, что работники не могли его обработать» [51, с. 219].

После завершения ВОВ в практику входят индивидуальные отчеты председателей ВТ транспорта. Так, председатель ВТ Эстонской ж. д. Сарин отчитался о собственной работе за 1946 г. В отчете были даны сведения о количестве рассмотренных дел, проведенных совещаний, обобщении судебной практики, представлениях в хозяйственные и партийные органы [30, л. 78].

Практически в течение всего рассматриваемого периода в качестве одного из инструментов управления органами транспортной юстиции использовалось социалистическое соревнование. Несмотря на начало ВОВ, существовали коллективные договоры о социалистическом соревновании, например между прокурорами Западной и Восточной Сибири и Иртыша [5, л. 5]. В 1947 г. И. Никитченко делал доклад на тему «О социалистическом соревновании сотрудников ВЖК в честь 30-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции», по итогам которого работников канцелярии и инспекторов ВЖК обязали «взять на себя конкретные обязательства по работе» [71, л. 2].

Важное значение, особенно в период ВОВ, приобрело издание НКЮ, Верховным Судом СССР, прокуратурой сборников законодательных материалов и методических указаний. Они были пронумерованы и находились на особом контроле. В период ВОВ был составлен сборник директив для военных трибуналов транспорта с грифом «Со-

вершенно секретно». Благодарность за его составление получили старший лейтенант юстиции А. Пятаков, майоры юстиции С. Егиазаров и В. Успенский, капитан юстиции А. Иодковский [38, л. 181]. За утерю такого сборника сурово наказывали. Так, например, члена ВТ Туркестано-Сибирской ж. д. Ю. Черкасова было приказано «арестовать домашним арестом на 10 суток с исполнением служебных обязанностей и удержанием 50% суточной заработной платы за каждый день ареста» [26, л. 4].

После завершения ВОВ эти сборники было приказано уничтожить [27, л. 22]. Так, 15 октября 1946 г. ВТ Азербайджанской ж. д. отчитался об уничтожении путем сожжения сборников «важнейших приказов и директив НКЮ СССР и начальника ГУВТТ по состоянию на 15.11.1943 г., экземпляры № 628, 634, 658, 675» [28, л. 2].

Среди методических указаний можно отметить сборник А. Иодковского, раскрывающий вопросы организации системы органов транспортной юстиции, особенности подсудности и процесса, а также «Инструкцию по статистической отчетности» [55; 56]. Министерство юстиции активно издавало различные материалы просветительского характера [60]. В данной работе принимали участие Верховный Суд СССР и Всесоюзный юридический заочный институт [2; 3; 45; 57], а также Военно-юридическая академия РККА [47; 48].

Однако эти материалы далеко не всегда использовались в работе сотрудниками трибуналов. Поэтому Г. Пуговкин даже издал приказ № 158 (от 11.11.1943 г.) с требованием «всем работникам военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта изучать руководящие материалы, опубликованные в сборнике» [38, л. 181]. Подобный приказ не был единственным [43, л. 27].

В связи с преобразованием всех транспортных прокуратур в военные в 1943 г. прокуратура издала большое количество сборников, среди которых: «Наставление по расследованию дел о нарушениях воинской дисциплины на морском и речном транспорте», «Наставление по надзору за законностью применения уставов о дисциплине рабочих и служащих морского и речного транспорта» и др. [7, л. 1].

Главная военная прокуратура выпускала сборники методических указаний под названием «Обмен следственным опытом». Например, выпуск № 2 за 1945 г. содержал воспоминания военных прокуроров речного и морского транспорта о делах, которые они рассматривали на практике [9, л. 82].

В период ВОВ проблема с сохранностью данных материалов стояла весьма остро. В октябре 1943 г. А. Щитович своим приказом возложил персональную ответственность «за учет и сбережение литературы» на военных прокуроров бассейнов и участков [6, л. 41]. Самостоятельную подгруппу руководящих материалов составляли различные учебники и учебные пособия [46; 49; 66].

Высокую степень секретности, в рамках которой действовали органы юстиции на транспорте, вполне можно рассматривать как самостоятельный элемент в управлении данными органами. За нарушение секретности накладывались различные взыскания [27, л. 3]. Систематически проводились проверки соблюдения правил работы с секретными документами [29, л. 39].

Такой режим играл и негативную роль. Например, в органах транспортной юстиции зачастую не знали о нормативных актах, которые непосредственно касались их деятельности. Такая ситуация возникла в связи с изданием прокуратурой и НКВД СССР директивы от 5.02.1943 г. № 53 [17, л. 73].

Также в период ВОВ продолжалась публикация в периодических изданиях инструктивных материалов для органов транспортной юстиции (за исключением 1943 г.). Например, в № 2 журнала «Социалистическая законность» за 1942 г. ВВТК указывала: «В тех случаях, когда прогул, совершенный работником транспорта, повлек или мог повлечь последствия, указанные в ч. 1 ст. 59-3-в УК РСФСР, он должен квалифицироваться по этой статье, а не по Указу от 26 июня 1940 г.» [1, с. 29]. Также публиковались постановления Пленума Верховного Суда по делам, рассматриваемым органами транспортной юстиции [61]. В то же время эти материалы содержали призывы усилить общественно-массовую работу на транспорте [75].

К десятилетию создания органов юстиции на водном транспорте А. Щитович констатировал улучшение работы следствия и приводил в пример лучших следователей [78]. Распространялся опыт судебной практики и следствия [52; 54]. В послевоенное время практика публикации инструктивных материалов в периодической печати продолжалась [50; 58; 65].

Существенную роль в период ВОВ играли и различные разъяснения в виде писем, телеграмм, приказов и т. п.

В военные и первые послевоенные годы недостаток методических указаний и специальной литературы был особенно острым. Если в 1930-е гг. НКЮ выходил из положения с помощью публикации некоторых материалов для органов транспортной юстиции в журнале «Социалистическая законность», то в течение 1941–1945 гг. их количество было незначительным, а в 1946 г. не было «ни одной статьи <...> по деятельности транспортной юстиции» [32, л. 227].

В послевоенный период в органах транспортной юстиции получили распространение «Информационные бюллетени», которые выпускало Министерство юстиции СССР. Так, в одном из бюллетеней за 1951 г. содержалось обсуждение доклада об итогах изучения судебной практики за I, II и III кварталы 1951 г. по делам о преступлениях, квалифицируемых по ст. 58-3, 58-4, 58-10, 58-11, 58-13, 58-14 УК РСФСР [41, л. 20].

В послевоенное время продолжала существовать распределительная система опубликованных нормативных правовых актов и юридической литературы. Так, по разнарядке на рассылку юридической литературы в 1948 г. прокуратуры железнодорожного и водного транспорта получили по 15 экз. книг и по 195 экз. ГК и ГПК [8, л. 1, 3].

Своеобразным способом управления органами транспортной юстиции и повышения квалификации сотрудников являлась производственная практика. Однако имели место случаи, когда транспортные коллегии «вызывали людей с периферии, держали их по 5–6 дн. и отпускали обратно» [62, л. 111–112]. Такая ситуация объяснялась отсутствием подготовленных кадров на руководящих должностях.

Таким образом, система органов транспортной юстиции отличалась высокой степенью централизации и бюрократизации, причем влияние региональной власти на эту систему органов практически отсутствовало.

Среди основных методов управления данными органами следует выделить: определение их основных задач (в том числе общих и специальных), прямые указания центра (И. Сталина, НКЮ СССР, Верховного Суда СССР, прокуратуры СССР), организацию и проведение совещаний, ревизий, анализ периодических и внеплановых отчетов, социалистическое соревнование, издание секретных сборников нормативных правовых актов, методических указаний, учебной и практической литературы, дачу различных разъяснений, издание «Информационного бюллетеня», высокую степень секретности деятельности этих органов, опубликование в специализированных периодических журналах инструктивных материалов, прохождение производственной практики в вышестоящих органах.

Таким образом, несмотря на высокую степень централизации этой системы, для нее была характерна множественность источников и методов управления. Все методы можно разделить на две группы: секретные и общедоступные. Необходимо отметить наличие «обратной связи» в системе методов управления, что прослеживается в ходе организации и проведения совещаний, которые, впрочем, были немногочисленны.

В период ВОВ доминировали методы «ручного управления», в основном секретного характера. После завершения ВОВ наблюдается стремление сохранить командно-административные методы руководства данными органами. Лишь смена руководства в конце 1940-х — начале 1950-х гг. привела к некоторым изменениям в этом плане.

После завершения ВОВ прослеживается определенное сопротивление органов транспортной юстиции на местах требованию центра о продолжении применения норм военного времени.

Следует отметить использование недостатков в управлении и организации деятельности органов транспортной юстиции в аппаратной

борьбе против руководства органов советской юстиции (И. Голякова, Н. Рычкова, Н. Наумова и др.).

Список литературы

1. В Воднотранспортной коллегии Верховного Суда // Соц. законность. — 1942. — № 2. — С. 29.
2. *Галкин Б.* Приговор военного трибунала. — М.: ВЮЗИ, 1950. — 13 с.
3. *Галкин Б.* Судебное разбирательство. — М.: ВЮЗИ, 1950. — 33 с.
4. ГАРФ, ф. 8131, оп. 19, д. 94.
5. ГАРФ, ф. 8131, оп. 19, д. 97.
6. ГАРФ, ф. 8131, оп. 20, д. 107.
7. ГАРФ, ф. 8131, оп. 21, д. 173.
8. ГАРФ, ф. 8131, оп. 21, д. 960.
9. ГАРФ, ф. 8131, оп. 22, д. 207.
10. ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 1756.
11. ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 232Г.
12. ГАРФ, ф. 9492, оп. 1а, д. 126.
13. ГАРФ, ф. 9492, оп. 1а, д. 127.
14. ГАРФ, ф. 9492, оп. 1а, д. 128.
15. ГАРФ, ф. 9492, оп. 1а, д. 62.
16. ГАРФ, ф. 9492, оп. 1, д. 112.
17. ГАРФ, ф. 9492, оп. 13, д. 228.
18. ГАРФ, ф. 9492, оп. 13, д. 395.
19. ГАРФ, ф. 9492, оп. 13, д. 58.
20. ГАРФ, ф. 9492, оп. 1а, д. 700.
21. ГАРФ, ф. 9492, оп. 1а, д. 705.
22. ГАРФ, ф. 9492, оп. 1а, д. 175.
23. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 10.
24. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 123.
25. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 15.
26. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 155.
27. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 156.
28. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 162.
29. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 18.
30. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 2.
31. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 24.
32. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 243.
33. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 243а.
34. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 246.
35. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 26.
36. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 266.
37. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 275, л. 334.

38. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 34.
39. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 37.
40. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 17.
41. ГАРФ, ф. 9492, оп. 5, д. 132.
42. ГАРФ, ф. 9492, оп. 6, д. 111.
43. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 35.
44. ГАРФ, ф. 9492, оп. 4, д. 18.
45. *Гельфер М.* Вопросы особенной части уголовного права в практике Верховного Суда СССР. — М.: ВЮЗИ, 1948. — 128 с.
46. *Герцензон А.* Уголовная ответственность за измену Родине. — Ашхабад: ВЮА РККА, 1942. — 39 с.
47. *Голунский С.* Приговор военного трибунала. — Ашхабад: ВЮА РККА, 1942. — 76 с.
48. *Голунский С.* Судебное заседание военного трибунала. — Ашхабад: ВЮА РККА, 1942. — 73 с.
49. Дополнительные материалы к курсу уголовного процесса (Центральная заочная юридическая школа НКЮ РСФСР): Система военных трибуналов. — Чкалов: Чкаловская коммуна, 1942. — 15 с.
50. *Егоров А.* Практика борьбы с преступлениями на железнодорожном транспорте // Социалистическая законность. — 1952. — № 1. — С. 22–30.
51. *Железко И. М.* Органы и учреждения юстиции России: история становления и развития. — М.: Саратов, 2009. — 315 с.
52. *Зайцев С.* Борьба за дисциплину на транспорте // Социалистическая законность. — 1944. — № 5–6. — С. 32–36.
53. Законодательные и административно-правовые акты военного времени (22.03.1942 — 1.05.1943 г.). — М.: Изд-во НКЮ СССР. — 301 с.
54. *Иванов С.* Опыт работы прокуратуры в борьбе с хищениями грузов // Социалистическая законность. — 1944. — № 5–6. — С. 36–40.
55. Инструкция по статистической отчетности судебных органов СССР. — М.: Юр. изд-во НКЮ, 1944. — 27 с.
56. *Иодковский А. Н.* В помощь заседателю военного трибунала транспорта. — М.: Юр. изд-во НКЮ, 1945. — 95 с.
57. *Исаев М., Пионтковский А.* Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике / под ред. И. Голякова. — М.: ВИЮН, 1947. — 365 с.
58. Кассационная инстанция не вправе отменять вступившее в законную силу определение суда // Социалистическая законность. — 1952. — № 8. — С. 92–95.
59. *Печерский В. А.* Линейные суды и военные трибуналы водных бассейнов Восточной Сибири в годы ВОВ // Вестник Томского государственного университета. История. — 2014. — № 5 (31). — С. 57–65.
60. Пособие для народных заседателей / под ред. П. И. Кудрявцева, Н. Г. Александрова. — М.: Гос. изд-во юр. лит., 1949. — 69 с.

61. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 янв. 1942 г. № 3/7/у «О процессуальных нарушениях по делам, рассматриваемым судами на основании Устава железных дорог, Устава внутреннего водного транспорта» // Социалистическая законность. — 1942. — № 6. — С. 23–32.

62. РГАСПИ, ф. 17, оп. 136, д. 175.

63. РГАСПИ, ф. 17, оп. 136, д. 19.

64. РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 4.

65. *Ренев А.* Повысить эффективность в борьбе с авариями и происшествиями флота // Социалистическая законность. — 1950. — № 6. — С. 22–26.

66. *Савицкий Н. И.* Пересмотр приговоров ВТ, вступивших в законную силу. — М.: РИО ВЮА, 1950. — 15 с.

67. *Салин Д.* Важнейшие задачи органов транспортной прокуратуры // Социалистическая законность. — 1953. — № 12. — С. 19–27.

68. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1942 г.) / под ред. И. Т. Голякова. — М.: Юр. изд-во МЮ, 1947. — 225 с.

69. Судебная власть в России: история, документы / под ред. О. Е. Кутафина, В. М. Лебедева. — М.: Мысль, 2003. — 515 с.

70. *Филиппов В., Ткач З.* Задачи линейных судов в борьбе с преступностью на транспорте // Социалистическая законность. — 1955. — № 10. — С. 6–12.

71. ЦАОПИМ, ф. 1936, оп. 2, д. 46, л. 2.

72. *Шкаревский Д. Н.* Военные транспортные трибуналы в 1941–1943 гг. // Военно-исторический журнал. — 2015. — № 12. — С. 27–28.

73. *Шкаревский Д. Н.* К вопросу о деятельности военных трибуналов транспорта в период Великой Отечественной войны // История государства и права. — 2015. — № 9. — С. 48–55.

74. *Шнейдер М.* Военные трибуналы железных дорог в борьбе с нарушителями государственной и трудовой дисциплины // Социалистическая законность. — 1942. — № 11–12. — С. 6–8.

75. *Шнейдер М.* Усилить общественно-массовую работу судебных органов на транспорте // Социалистическая законность. — 1942. — № 13–14. — С. 8–10.

76. *Щитович А.* Задачи военных прокуратур морского и речного флота в навигацию 1945 г. // Социалистическая законность. — 1945. — № 6. — С. 12–15.

77. *Щитович А.* Задачи прокуратур водного транспорта в навигацию 1942 г. // Социалистическая законность. — 1942. — № 10. — С. 14–17.

78. *Щитович А.* К 10-летию водно-транспортных судов и прокуратур // Социалистическая законность. — 1944. — № 5–6. — С. 24–27.

Федчун Александр Витальевич,
кандидат юридических наук,
Международная коллегия адвокатов «Санкт-Петербург»,
адвокат,
Россия, Санкт-Петербург
9705393@mail.ru

Необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов в наследственных правоотношениях

По мере накопления материальных ценностей все большим числом жителей планеты возникла потребность в формировании правил, позволяющих обеспечить переход прав на имущество к потомкам конкретного человека после его смерти. Это способствовало установлению определенного правового порядка по передаче имущественных прав и обязанностей от умершего лица к его правопреемникам. С развитием цивилизации этот порядок претерпевал существенные изменения и совершенствовался. Данный процесс как в нашей стране, так и за рубежом показывает, что государство может совершенно по-разному осуществлять подходы к такому виду правопреемства.

Среди большого количества факторов, оказывающих влияние на развитие наследственного права, определяющее значение имеет институт собственности. Отношение государства к собственности граждан находит непосредственное отражение в установлении того или иного вида правового порядка в сфере наследственных правоотношений, причем эти виды отличаются по своей сути только соотношением частных и публичных интересов. Иными словами, диапазон различных подходов к наследованию находится в пределах от перехода всех прав на имущество наследодателя к государству, несмотря на наличие наследников, до отрицания возможности притязаний на наследство со стороны третьих лиц (не наследников).

История отечественного наследственного права показывает, что оно развивалось весьма противоречиво и неоднозначно. На этот процесс существенное влияние оказывали социально-экономические перемены в обществе. С 1964 г. наследственные отношения регулировались положениями ГК РСФСР 1964 г., в котором законодатель исходил из потребительского назначения имущества, находящегося в личной собственности граждан. В 90-х гг. XX в., с появлением в отечественном законодательстве понятия частной собственности, в том числе на предприятия, разрешения вести предпринимательскую деятельность, с развитием системы кредитования, появилась необходимость в совер-

шенствовании механизма передачи прав на наследственное имущество. В настоящее время наследственные отношения регулируются частью третьей Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), введенной в действие 1 марта 2002 г. В последнее время в законодательство о наследовании были внесены изменения, однако вопрос о поиске оптимального соотношения частных и публичных интересов в наследственном праве остается актуальным.

Наследственное право зарубежных стран всегда брало за основу сочетание двух основополагающих принципов: свободы завещания (частный интерес) и охраны интересов семьи (публичный интерес) [3, с. 532]. Законодатели различных государств ориентируются на централизованность прав человека и гражданина при выстраивании правового механизма и применении в последнем памятников истории права, к которым стоит отнести использование приемов и способов регулирования гражданских правоотношений, принадлежащих к публичному или частному правопорядку [4, с. 42].

Поскольку граждане нашей страны могут иметь двойное гражданство, вести предпринимательскую деятельность за границами Российской Федерации, покупать недвижимость на территории других государств, наследственные отношения обретают связь с несколькими правовыми системами. В таких ситуациях встает вопрос об определении статута наследования [1, с. 29].

В соответствии с п. 1 ст. 1224 ГК РФ отношения по наследованию подчиняются:

- 1) праву страны, в которой наследодатель имел место жительства на момент смерти, — в отношении движимых вещей и иного имущества, не относящегося к недвижимости;
- 2) праву страны, в которой находится недвижимость;
- 3) российскому праву, если речь идет о наследовании недвижимого имущества, внесенного в реестр в Российской Федерации.

Множественность наследственных статутов закреплена и в большинстве договоров о правовой помощи с участием России. Но действие правовых норм, предназначенных для регулирования одного и того же круга отношений, на практике может вызвать существенное затруднение. В этой связи сближение позиций разных стран и формирование общего понимания баланса частных и публичных составляющих в наследственном праве становится все более актуальным.

В чем же проявляется необходимость поиска оптимального соотношения частных и публичных интересов в наследственном праве?

Наследственное право как часть гражданского права изначально относится к частному праву [2, с. 6], что нашло отражение в положениях гл. 61–65 ГК РФ. Публичный интерес проявляется в установлении порядка возникновения и охране наследственных правоотношений. Данная цель достигается наличием и совершенствованием конкретных

институтов наследственного права. Рассмотрим их содержание подробнее.

1. Общие положения (ст. 1110–1117 ГК РФ) устанавливают правовую цель наследования, метод в соответствии с которым происходит правопреемство, определяют время и место открытия наследства. Поскольку с открытием наследства связано начало течения срока его принятия и данный срок является пресекательным, к защите публичных интересов стоит отнести создание единой базы наследственных дел, доступ к которой и обязательства по ее ведению имеют нотариусы. Это позволяет пресекать попытки оформления наследственных дел «задним числом» и своевременно выявлять возможные случаи мошенничества по отношению к наследственному имуществу.

Отдельно здесь можно выделить положения о недостойных наследниках. Данные лица отстраняются от наследства в определенных законом случаях, к которым, в частности, относятся противоправные действия наследника, направленные против наследодателя, других наследников или против осуществления последней воли наследодателя, способствовавшие увеличению причитающейся этому наследнику доли наследства, злостное уклонение наследника от обязанностей содержать наследодателя. Указанное лицо утрачивает право наследовать, однако перечисленные выше действия должны быть подтверждены в судебном порядке, что, конечно, соответствует соблюдению публичных интересов. Однако если в отношении злостного уклонения наследника от содержания наследодателя в законе (ч. 2 ст. 1117 ГК РФ) указано, что наследника отстраняет от наследования суд, то в остальных случаях процедура отстранения по общему смыслу относится к компетенции нотариуса, также осуществляющего публичные функции. Здесь особенно хочется отметить, что нотариус не выносит постановления об отстранении от наследования. Процедура отстранения состоит только в том, что недостойному наследнику не выдается свидетельство о праве на наследство, а причитающаяся ему доля распределяется между оставшимися наследниками.

В этой связи для обеспечения баланса частного интереса наследников и публичного интереса в определении и отстранении недостойного наследника представляется актуальным формализовать действия нотариуса в отношении наследников, совершивших действия, перечисленные в ст. 1117 ГК РФ

2. Определение круга наследников также является важным институтом наследственного права, в котором присутствуют как частные, так и публичные интересы.

Круг наследников может быть определен завещанием, которое имеет приоритетное значение перед наследованием по закону. В случае отсутствия завещания закон определяет очередность призвания к наследованию кровных родственников и супруга (супруги) наследода-

теля. Но законодательство выходит за рамки частного права, устанавливая круг необходимых наследников, которые наследуют независимо от содержания завещания или очереди, призываемой к наследованию. Кроме того, публичные интересы проявляются и в охране интересов зачатого, но не родившегося к моменту открытия наследства ребенка. Такое положение объясняется нравственной составляющей, неразрывно связанной с наследственным правом.

В целом существующие правила определения круга наследников отвечают критериям обеспечения баланса интересов, однако представляется, что включение в состав последней очереди наследования троюродных братьев и сестер наследодателя будет более полно соответствовать соблюдению частных интересов в наследственном праве.

3. Следующим институтом, обеспечивающим защиту публичных и частных интересов, является институт управления наследственным имуществом.

Цель управления наследственным имуществом состоит в его сохранении и даже при возможности увеличении его стоимости. В основном это касается наследственных дел, в которых к наследственной массе относятся доли хозяйственных обществ, паи в производственных кооперативах. Наиболее отвечающим данной цели представляется договор доверительного управления наследственным имуществом. Публичный интерес в сохранении стоимости наследственного имущества заключается в том, что ответственность наследников перед кредиторами наследодателя ограничена стоимостью имущества, и здесь он полностью соответствует частному интересу добросовестных наследников. Однако субъектный состав данного вида договора нарушает баланс интересов и при определенных обстоятельствах, в случае недобросовестных действий наследников, может повлиять на степень защиты прав кредиторов наследодателя.

Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ в ст. 1173 ГК РФ внесены изменения, которые вступили в силу с 1 сентября 2018 г. и установили приоритет частного интереса при доверительном управлении наследственным имуществом. Теперь нотариус учреждает доверительное управление только в случае отсутствия исполнителя завещания. Ранее им могло быть только физическое лицо. В новой редакции вышеуказанной статьи закреплено положение, в соответствии с которым, если в качестве исполнителя завещания указано физическое или юридическое лицо, оно считается доверительным управляющим наследственным имуществом с момента выражения согласия быть исполнителем завещания.

Существующий порядок не отвечает в достаточной степени требованиям обеспечения сохранения стоимости наследственного имущества, и последние изменения в законодательстве в большей степени увели его в сферу частных интересов.

4. Особого внимания заслуживает институт охраны наследства. С момента открытия наследства и до его принятия наследниками имущество находится в «лежачем», т. е. в неопределенном состоянии. Г. Ф. Шершеневич говорил о том, что в этот период сама наследственная масса становится «субъектом права» — представителем, к которому возможно предъявление иска. При этом истец должен предварительно просить о назначении опеки [5, с. 474]. При этом он указывал, что охранительные меры имеют целью придание сохранности неприкосновенности имущества, а не его управление [5, с. 474].

По действующему законодательству меры по охране наследственного имущества принимает нотариус (должностные лица органов местного самоуправления или должностные лица консульских учреждений РФ) по заявлению не только наследников, но и органа местного самоуправления, органа опеки и попечительства или других лиц, действующих в интересах сохранения наследственного имущества. Применение меры заключается в составлении описи имущества, его оценке и передаче на хранение.

Интерес наследников может заключаться как в сокрытии имущества от описи, так и, наоборот, в составлении полного списка движимого имущества. С точки зрения публичного интереса процедура описи и передачи имущества на хранение выглядит весьма прозрачно и способствует достижению цели сохранности наследственного имущества. Однако необходимо отметить, что в основном при составлении описи речь идет о движимом имуществе. В его состав могут входить деньги, ценности, драгоценные металлы, ювелирные украшения, предметы антиквариата, оружие. В случае сокрытия данного имущества очень трудно доказать, что оно было. Поэтому в случае обеспечения публичных интересов при охране наследства на первый план выступает оперативность действий. К сожалению, нотариус в силу определенной специфики своей деятельности не обладает достаточной степенью оперативности, необходимой в отдельных случаях. Речь может идти о ситуациях, когда наследники отсутствуют и необходимо определить и зафиксировать состав выморочного имущества. Оперативность также требуется, когда одни наследники заинтересованы в сокрытии наследственного имущества от других или не желают платить по долгам наследодателя.

Представляется, что как частный, так и публичный интересы будут обеспечены оперативной реакцией на заявление о принятии мер по охране наследства, если эти функции будут переданы службе судебных приставов-исполнителей, которые по поручению нотариуса смогут исполнять поставленные задачи.

5. Завещательное возложение предусмотрено ст. 1139 ГК РФ и в соответствии с ее содержанием может затрагивать публичные интересы.

Завещатель может в завещании возложить на одного или нескольких наследников по завещанию или по закону обязанность совершить

какие-либо действия имущественного или неимущественного характера, направленные на осуществление общепользуемой либо иной не противоречащей закону цели, в том числе действия по погребению наследодателя в соответствии с его волей (завещательное возложение). Такая же обязанность может быть возложена на исполнителя завещания при условии выделения в завещании части наследственного имущества для исполнения завещательного возложения.

С точки зрения защиты публичных интересов остается открытым вопрос: какой орган власти может в судебном порядке требовать принудительного исполнения завещательного возложения, в случае если возложение направлено на осуществление общепользуемой цели?

6. Институт выморочного имущества (ст. 1151 ГК РФ) предполагает, что в случае отсутствия наследников по закону и по завещанию, отказа всех наследников от принятия наследства, непринятия наследства в установленный срок или отстранения от наследства всех наследников наследственное имущество в зависимости от его вида переходит в собственность Российской Федерации либо субъекта Российской Федерации, либо городского или сельского поселения, муниципального района. Налицо ярко выраженный публичный характер данного института, который также проявляется в том, что кредиторы наследодателя могут предъявить свои требования к субъекту, в собственность которого перешло выморочное имущество. Однако необходимо отметить, что в некоторых случаях, когда проживающие с наследодателем родственники не подают заявления о принятии наследства и не отказываются от наследства, процесс определения принадлежности такого имущества, в том числе оформления выморочного имущества, может затянуться на весьма длительный срок. В данном аспекте частный интерес наследников находится в приоритете, и такое преимущество может быть использовано для злоупотреблений правом.

7. Ответственность наследников по долгам наследодателя представляет собой институт, в котором просматривается острая конкуренция частного и публичного начал.

Основополагающим признаком института ответственности по долгам наследодателя в современном российском праве является ее ограничение пределами перешедшего к правопреемникам имущества умершего: далее этих пределов требования кредиторов простираются не могут. Кроме того, существует еще одно правило, установленное ст. 1156 ГК РФ, в соответствии с которым наследник, принявший наследство в порядке наследственной трансмиссии, отвечает в пределах стоимости этого наследственного имущества по долгам наследодателя, которому это имущество принадлежало, и не отвечает этим имуществом по долгам наследника, от которого к нему перешло право на принятие наследства.

В наследственном законодательстве европейских стран такое ограничение присутствует не всегда. В частности, Гражданский кодекс

Франции (ФГК) устанавливает, что наследники по закону, универсальные легатарии (лица, которым умерший оставляет по завещанию все свое имущество (с учетом действия специальных правил, установленных законом, например об обязательной доле в наследстве)) и легатарии по универсальному титулу (долевой легатарий — лицо, которому завещана определенная идеальная доля в имуществе наследодателя) отвечают по долгам умершего всем своим имуществом (ст. 723, 1009, 1012). Долги и издержки, связанные с получением наследства, погашаются каждым из наследников пропорционально причитающейся ему части наследственного имущества (ст. 870 ФГК). Объем ответственности может быть ограничен, в случае если наследник принимает наследство с условием составления описи имущества (ст. 793–810). Как следует из ст. 802 ФГК, принятие наследства под условием описи имеет следующие цели: 1) принять на себя обязательства по погашению долгов наследодателя лишь в пределах, не превышающих стоимости полученного им имущества, и даже снять с себя обязанность по уплате долгов, оставив все наследственное имущество кредиторам и легатариям; 2) не допустить смешения своего личного и наследственного имущества и сохранить в отношении последнего свои права требования.

В целях обеспечения баланса частных и публичных интересов законодателем использован институт солидарной ответственности наследников по долгам наследодателя, по смыслу которого кредитор наследодателя вправе получить удовлетворение своих требований от любого из наследников, способного исполнить обязательство. Полагаем, что этого недостаточно, поскольку при существующем правовом регулировании у кредиторов могут возникнуть препятствия на стадии предъявления требований в суд.

Предъявление иска в суд возможно не ранее наступления срока исполнения обязательств. В случае если данный срок наступает спустя продолжительное время после открытия наследства, кредитор наследодателя может оказаться в ситуации, когда на момент обращения либо наследник, произведя отчуждение полученного наследства, окажется неспособным исполнить обязательства, либо наследники уже выплатили другим кредиторам долги в пределах стоимости наследственного имущества и их «лимит ответственности» исчерпан, что будет являться основанием для отказа в удовлетворении иска.

Обеспечение баланса интересов кредиторов и наследников диктует необходимость выработки механизма своевременного учета долгов наследодателя, чтобы у всех заинтересованных сторон была возможность в дальнейшем определить субъектный состав этих правоотношений и объем обязательств, подлежащих исполнению наследниками.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что наследственное право, являясь инструментом, обеспечивающим стабильность гражданского оборота в сфере имущественных интересов, нуж-

дается в обеспечении баланса частных и публичных интересов. Научно обоснованное и последовательное представление о балансе этих интересов является средством устранения противоречий правовых систем различных государств, что, в свою очередь, может способствовать устранению затруднений при реализации прав наследников, когда отношения по наследованию подчиняются правопорядку одновременно нескольких стран.

Список литературы

1. *Абраменков М. С.* Коллизионно-правовое регулирование наследственных отношений в международном частном праве России // *Наследственное право.* — 2008. — № 2. — С. 29–44.
2. *Егоров Н. Д., Елисеев И. В. [и др.]*. Гражданское право: учеб.: в 3 т. — 7-е изд. перераб и доп. — М.: Проспект, 2011. — Т. 1 / отв. ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстой. — 777 с.
3. *Гражданское и торговое право капиталистических государств* / отв. ред. Е. А. Васильев. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Междунар. отн-я, 1993. — 560 с.
4. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. — 3-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2001. — 354 с.
5. *Шершеневич Г. Ф.* Гражданское право: учеб. русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / вступ. ст. Е. А. Суханова. — М.: СПАРК, 1995. — 556 с.

УДК 343.2.3/7

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_88

Храмов Сергей Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент,

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,

Республика Беларусь, г. Брест,

tut-2003@tut.by

Как квалифицируется содеянное в уголовном праве?

Процесс квалификации преступлений

Под процессом квалификации преступлений в уголовном праве понимается «процесс установления признаков того или иного преступления в действиях лица» [2, с. 5], с позиции психологии представляющий

собой «мыслительный процесс, связанный с решением определенной задачи» [2, с. 6].

С позиции логики процесс квалификации преступлений следует рассматривать как совокупность определенных мыслительных приемов, подчиненных законам логического мышления.

В уголовном праве процесс квалификации преступлений предполагает установление и характеристику всех признаков состава преступления: объекта, объективной стороны, субъективной стороны и субъекта.

Если хотя бы один из перечисленных признаков преступления отсутствует (например, объект или субъективная сторона преступления), то полностью исключается возможность привлечения субъекта к уголовной ответственности. Отсутствие какого-либо элемента состава преступления также означает, что необходимость дальнейшей квалификации и решения других вопросов уголовного права в отношении конкретного лица исключается. Это, однако, не означает, что сам факт не нуждается в дополнительной проверке.

Пример 1. Согласно ч. 1 ст. 40 УК Республики Беларусь, «не является преступлением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам лицом, действующим во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения, отданных в установленном порядке».

В данном случае УК Республики Беларусь предусматривает ситуацию, когда лицо вынуждено совершить уголовно наказуемое деяние путем действия или бездействия во исполнение приказа. Анализ ситуации по признакам состава преступления свидетельствует о том, что в ней полностью отсутствует субъективная сторона. Следовательно, лицо, исполнившее при таких обстоятельствах приказ или распоряжение, не виновно в совершении подобного деяния. В его действиях отсутствует состав преступления.

Пример 2. В практической деятельности возникает вопрос: как быть исполнителю, не согласному с мнением руководителя относительно его приказа или распоряжения? Например, главный бухгалтер не согласен с мнением руководителя о необходимости составления уточненных расчетов и внесения исправлений в учет.

«В случае возникновения разногласий между руководителем организации и главным бухгалтером по вопросам совершения отдельных хозяйственных операций документы по ним должны быть приняты к исполнению главным бухгалтером по письменному распоряжению руководителя этой организации, который несет всю полноту ответственности за последствия совершения таких операций. Наличие такого письменного распоряжения освобождает главного бухгалтера от ответственности...» [4].

Вывод о невиновности исполнителя не касается того, кто отдал незаконный приказ или распоряжение. В связи с этим уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение.

Лицо, совершившее умышленное преступление по заведомо преступному приказу или распоряжению, несет уголовную ответственность на общих основаниях (ч. 2 ст. 40 УК Республики Беларусь). Это связано с тем, что в его действиях появляются признаки субъективной стороны преступления.

Применение норм уголовного права: понятие и стадии

Преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом.

Согласно ч. 2 ст. 3 УК Республики Беларусь, «применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Применение норм уголовного права охватывает как Общую, так и Особенную части УК Республики Беларусь.

В научной литературе термин «применение норм уголовного права» «нередко используется в значении квалификации преступления» [1, с. 65].

На практике применение уголовного права происходит путем применения конкретных уголовно-правовых норм, т. е. квалификации содеянного.

По существу, применение норм уголовного права при квалификации заключается «в принятии решения 1) о наличии преступления и 2) об отсутствии его» [1, с. 77].

Если при применении норм уголовного права допущена ошибка, она устраняется уголовно-процессуальными средствами.

В качестве стадий применения норм уголовного права целесообразно выделить: «1) установление и исследование действительных фактических обстоятельств; 2) установление уголовно-правовой нормы; 3) принятие решения по существу» [1, с. 81].

Понятие квалификации преступлений, ее место в процессе применения норм уголовного права

Квалификация преступления — это «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [2, с. 5].

Приведенное определение квалификации преступлений, данное В. Н. Кудрявцевым, является классическим в уголовном праве.

Квалификация преступления — мыслительный процесс. Его результатом является надлежащая правовая оценка квалифицируемого деяния.

Место квалификации преступления в процессе применения норм уголовного права обусловлено тем, что квалификация позволяет отграничить преступное от непроступного.

Виды квалификации

В уголовном праве различают два основных вида квалификации преступлений: официальную (легальную) и неофициальную (доктринальную).

Как указывает Б. А. Куринов, «официальная (легальная) квалификация — это уголовно-правовая квалификация преступления, осуществляемая по конкретному уголовному делу лицами, специально уполномоченными на это <...> государством: работниками органов дознания, следователями, прокурорами и судьями» [3, с. 19–20].

Что касается неофициальной (доктринальной) квалификации, то она представляет собой соответствующую правовую оценку преступного деяния, которая дается «отдельными гражданами: научными работниками, авторами журнальных статей, монографий, учебников, учебных пособий, студентами, изучающими те или иные уголовные дела, и т. д.» [3, с. 20].

Социальное и правовое значение квалификации преступлений

Институт квалификации преступлений имеет как социальное, так и правовое значение.

Социальное значение состоит в том, что посредством своевременной и правильной квалификации преступлений обеспечивается реализация принципа законности в государстве. Это способствует дальнейшему укреплению правовых отношений в государстве. При этом посредством осуществления правильной квалификации преступления обеспечивается неотвратимость личной виновной ответственности, восстанавливается нарушенная социальная справедливость.

На общегосударственном уровне квалификация преступлений позволяет адекватно охарактеризовать складывающуюся криминогенную обстановку, состояние, структуру и динамику преступности, предпринять эффективные меры противодействия преступным проявлениям.

В правовом плане значение квалификации преступлений сосредоточено в предопределении законного и обоснованного применения институтов и норм как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь.

Методологические основы квалификации

На первом этапе на основании имеющихся фактических данных необходимо выделить признаки, имеющие уголовно-правовое значение для квалификации.

На этом этапе рекомендуется ответить на три вопроса.

1. Являются ли исследуемые правоотношения уголовно-правовыми или они относятся к иным видам правоотношений (например, к административно-правовым, гражданско-правовым, уголовно-процессуальным и т. д.)?

2. Наличествует ли в имеющейся фабуле событие преступления (общественно опасное деяние)?

3. Является ли общественно опасное деяние преступлением?

После ответа на эти вопросы квалификация содеянного может быть осуществлена в первом приближении, затем необходимо продолжить исследование.

На втором этапе устанавливаются признаки объекта и объективной стороны преступления.

Для учебных целей полезно выявить родовый и видовой объекты, что помогает отнести исследуемый факт к определенному разделу и главе Уголовного кодекса, например к преступлениям против собственности (гл. 24 УК Республики Беларусь), преступлениям против общественного порядка и общественной нравственности (гл. 30 УК Республики Беларусь) и т. д.

Правильное определение объекта преступления позволяет точно определить, на что непосредственно было направлено посягательство.

Для закрепления навыка следует определить не только общий, родовый и видовой объекты, но и непосредственный объект. Кроме того, непосредственный объект может быть как факультативным или дополнительным, так и основным, что также необходимо иметь в виду.

При наличии предмета преступления определяются его признаки.

Квалификация по объективной стороне предполагает выявление всех обязательных признаков этого элемента состава преступления, его вида по конструкции объективной стороны (формальный или материальный) и момента окончания преступления.

На третьем этапе устанавливаются отличительные признаки преступления, например способ совершения хищения (тайно, открыто, путем обмана или злоупотребления доверием и т. п.).

На квалификацию также могут повлиять мотивы совершенного преступления, например умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство) по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы.

Окончательная квалификация завершается на четвертом этапе. Этот этап является заключительным и в процессе решения учебных задач по соответствующей тематике. На рассматриваемом этапе определяются все субъективные признаки состава преступления, устанавливается субъект преступления: общий или специальный. В последнем случае необходимо перечислить имеющиеся признаки специального субъекта.

В части субъективной стороны преступления при определении формы вины могут понадобиться данные о виде состава преступления по конструкции объективной стороны.

Дополнительные сведения, которые могут потребоваться на четвертом этапе квалификации, следующие:

- каков вид диспозиции в статье Особенной части УК;
- к какой категории по характеру и степени общественной опасности относится рассматриваемое преступление;
- имеются ли квалифицирующие признаки состава преступления, к каким элементам состава они относятся;
- по каким признакам (критериям) рассматриваемый казус следует отграничивать от смежных составов преступления.

Завершается четвертый этап квалификации преступления указанием конкретной уголовно-правовой нормы Особенной части УК (статья, часть, пункт конкретной статьи УК).

Ошибки в первоначальной квалификации преступления могут повлечь, например, отмену приговора и прекращение уголовного дела.

Пример 3. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь отменила приговор в отношении И. в части осуждения его по ст. 382 УК Республики Беларусь и прекратила дело по следующим основаниям: «И. предъявлялось обвинение в том, что он, представившись потерпевшей Ф. заместителем начальника налоговой инспекции и войдя таким образом в доверие, мошенническим путем завладевал ее денежными средствами. Проверяя законность указанного обвинения, суд нашел его недоказанным, и оправдал И. по ч. 1, 2 ст. 209 УК Республики Беларусь. Осуждая И. по ст. 382 УК Республики Беларусь, суд не учел, что для квалификации содеянного по данной статье необходимо, чтобы лицо, присвоившее звание или власть, совершило на этом основании какие-либо общественно опасные действия, содержащие признаки состава преступления или административного правонарушения. Таковых по делу И. не установлено, а присвоение звания или власти само по себе не образует состава преступления».

При квалификации действий И. не было учтено, что уголовная ответственность по ст. 382 УК Республики Беларусь предусмотрена только за самовольное присвоение звания или власти должностного лица, сопряженное с совершением на этом основании общественно опасных действий, содержащих признаки преступления или административного правонарушения.

Для того чтобы избежать подобных ошибок, правоприменители должны в совершенстве владеть совокупностью систематизированных знаний о понятии, значении и непосредственном процессе квалификации преступлений. Кроме того, необходимо обладать навыками определения элементов состава преступления, являющегося юридической основой квалификации преступлений. Эти навыки предполагают комплексную квалификацию по объекту и по объективной стороне, по субъективной стороне и по субъекту преступления. Нужно, кроме того,

компетентно разбираться в квалификации множественности преступлений, соучастия в преступлении и т. п.

Внимания требуют проблемные аспекты квалификации отдельных видов преступлений. Следует иметь в виду, что «для правильной квалификации преступлений необходимо знание не только уголовного права, но и смежных с ним отраслей права, например гражданского, административного, налогового, таможенного, в сложных вопросах помогут разобраться правила построения формально-логических силлогизмов» [5, с. 137–138].

Для наиболее полного овладения вопросами квалификации преступлений одних теоретических знаний недостаточно. Глубже понять специфику квалификации конкретных преступлений позволяет изучение следственной и судебной практики, анализ квалификационных ошибок. Вот, например, к чему привела ошибка в квалификации хулиганства.

Пример 4. Лицо, производящее предварительное следствие, квалифицировало действия Я., совершенные в отношении К. и его брата, как особо злостное хулиганство. В результате Я. было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 339 УК Республики Беларусь, и уголовное дело в отношении него было направлено для рассмотрения в суд, хотя истинный умысел действий Я. не был до конца установлен. Как известно, при совершении рассматриваемого преступления умысел виновного прямо направлен на совершение хулиганских действий. При этом вывод правоприменителя об умысле на совершение хулиганства должен соответствовать фактическим обстоятельствам дела. Однако при рассмотрении уголовного дела в суде было установлено, что действия Я., избившего двух братьев К., были вызваны возникшим неприязненным отношением к потерпевшим из чувства мести за их неправомерные, как полагал обвиняемый, действия в отношении его жены. Потерпевшие в судебном заседании показали, что «их избивание Я. прекратил сразу после того, как подошедшая жена сказала оправданному о том, что она ошиблась, ее обидели другие лица». Из показаний потерпевшего К. также следует, что у него изначально сложилось впечатление, что Я. обознался и принял его с братом за каких-то других людей. При таких обстоятельствах состав преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 339 УК Республики Беларусь, в действиях Я. отсутствует.

В связи с этим суд был вынужден оправдать Я. за отсутствием в его деянии состава преступления.

Исключению ошибок в квалификации способствует разработанный автором алгоритм, состоящий из четырех последовательных этапов уголовно-правовой оценки совершенного общественно опасного деяния.

Данный алгоритм был апробирован при преподавании курса «Квалификация преступлений» в БрГУ имени А. С. Пушкина и опубликован в научной литературе [5, с. 136–142]. Поэтому в настоящее время

он может применяться в квалификационной практике, а также использоваться в учебном процессе.

Таким образом, квалификация в уголовном праве представляет собой установление соответствия признаков общественно опасного деяния признакам конкретного состава преступления. Признание содеянного непреступным исключает необходимость решения всех других вопросов, связанных с квалификацией. В целом квалификация преступлений представляет собой фундаментальную часть применения уголовного закона в следственной и судебной практике.

Список литературы

1. *Благов Е. В.* Применение уголовного права (теория и практика). — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 505 с.
2. *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2004. — 304 с.
3. *Куринов Б. А.* Научные основы квалификации преступлений. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 184 с.
4. Ответ на вопрос по бухгалтерскому учету // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
5. *Храмов С. М.* Алгоритмизация процесса уголовно-правовой квалификация преступлений // Правовая система и вызовы современности: мат. XIV междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Уфа, 19–21 окт. 2017 г.): в 3 ч. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. — Ч. 3. — С. 136–142.

УДК 343.114

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_95

Шагеева Регина Мансуровна,

кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Россия, г. Уфа,
shageevarm@yandex.ru

Становление и развитие апелляционного производства в российском уголовном процессе

Конституция Российской Федерации, дублируя положение ч. 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах,

© Шагеева Р. М., 2020.

предусматривает, что каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом (ч. 3 ст. 50).

Деятельность вышестоящего суда как наиболее опытного и компетентного направлена на недопущение вступления в законную силу и исполнения незаконного приговора и служит задачам уголовного судопроизводства: с одной стороны, защищает граждан от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, с другой — предотвращает оставление безнаказанными лиц, совершивших преступление.

Апелляционный пересмотр судебных решений следует рассматривать как существенную добавочную гарантию правосудия и справедливости приговора [24, с. 533–534].

Понимание апелляционного производства в современном уголовном процессе Российской Федерации прежде всего связано с изучением истории его возникновения и развития. Поэтому и законодательные новеллы последних лет нуждаются в осмыслении с учетом исторического опыта [15].

Родиной института апелляционного обжалования ученые называют Древний Рим. Одни авторы исходят из того, что термин «апелляция» произошел от латинского слова «*appellatio*» — обращение, жалоба. В этой связи апелляция определяется как обращение за поддержкой к авторитетной инстанции с целью пересмотра решения. Другие уверены, что апелляционное обжалование восходит к понятию «*appellare*» — призывать. Институт апелляции, возникнув в Древнеримском государстве, продолжил свое существование вплоть до наших дней в праве многих стран.

«В российском государстве пересмотр судебных решений берет свое начало со времен издания Судебников конца XV — начала XVI в. в виде чрезвычайных способов обжалования решения. Решенное дело не могло вторично рассматриваться в том же суде. В высшую инстанцию дело переходило по докладу или по жалобе, допускался только апелляционный характер пересмотра (т. е. дело рассматривалось заново). Жалоба, подаваемая на решение низшего суда в суд высшей инстанции, первоначально соединяла в себе как элементы жалобы на злоупотребления, проволочки, лихоимство судей, так и жалобы на само решение по существу. Постепенно происходило разграничение общей жалобы на частную и апелляционную» [7, с. 60].

При Петре Первом институт апелляции продолжил свое развитие, в нем произошли изменения, в частности была реформирована структура судов. В основе организации новых судов лежала идея полного обособления судебной власти от административной, запрет на вмешательство в судебные дела губернаторов и воевод, в полномочиях которых оставалось лишь исполнение судебных решений, прием жалоб на решения судов и направление их с представлениями в центральные учреждения.

Как отмечает П. С. Татовский, «создается система судебных инстанций, направленная на обжалование судебных решений, а также запрет на обращение к царю, минуя установленную процедуру обжалования, сохраняется» [20, с. 230]. Кроме того, были прописаны правила составления жалоб. Таким образом, движение шло по пути осознания необходимости четких формулировок доводов и оснований пересмотра судебного решения.

В начале XVIII в. судами первой инстанции являлись провинциальные и городские суды, для которых вышестоящей инстанцией был надворный суд. Созданная в 1718 г. Юстиц-коллегия пересматривала в апелляционном и ревизионном порядке дела надворных судов. Всю судебную систему в рассматриваемый период фактически возглавлял Сенат: он проводил судебное разбирательство дел в качестве высшей инстанции, а также чрезвычайного суда по отдельным делам, выполнял административно-судебный надзор и управление.

Однако вскоре политический курс в государстве изменился, и законодатель отбросил некогда предпринимавшуюся им попытку установления независимости судебной власти. С 1722 г. окончательно исчезли все признаки самостоятельности судебных учреждений. Губернаторы получили право председательствовать в надворных судах, были упразднены низшие суды, и правосудие стало осуществляться воеводой с двумя ассессорами.

В истории развития института обжалования судебных решений значительную роль сыграла реформа 1864 г. Наряду с формированием таких состязательных институтов уголовного судопроизводства, как суды присяжных и адвокатура, в этот период формируется порядок апелляционного, кассационного и частного обжалования, в том числе по уголовным делам. «Особенности каждого вида пересмотра определялись различием самих пересматриваемых судебных решений. Постановления следственных судей и определения судей и судов (иногда они назывались «частные определения») подлежали частному обжалованию, приговоры неокончательные — апелляции, а приговоры окончательные (в том числе апелляционные) — в порядке кассации» [25, с. 32].

А. Ф. Кони, разграничивая в свое время понятия апелляции и кассации, отмечал, что «апелляционное рассмотрение имеет в виду содержание приговора; кассационное имеет в виду условия, при которых приговор постановлен» [10, с. 261].

Судебное рассмотрение в апелляционной инстанции производилось в пределах поданной жалобы, суд мог постановить новый приговор, но был не вправе отменить решение суда первой инстанции с направлением его на новое рассмотрение. Таким образом, в 1864 г. Россия приняла исходные положения классической французской кассации и апелляции и использовала их вплоть до 1917 г.

Декретами СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» и ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» наряду с упразднением многих институтов было отменено и обжалование в апелляционном порядке. Пересмотр не вступивших в законную силу решений суда стал возможен только в форме кассации, которая рассматривалась «как в большей мере соответствующая задаче установления истины по уголовному делу». Устранение апелляции и допущение кассации, писал М. С. Строгович, произошло вследствие того, что «народный суд (тогда он назывался местным судом), наиболее близкий к населению, — основное звено в советский судебной системе, и именно в нем должны происходить разбирательство и разрешение дел; вышестоящий же суд призван осуществлять надзор за деятельностью народного суда, но не подменять его» [19, с. 363].

Кассационный суд не предрешал дело по существу и не проводил судебного следствия — он лишь проверял законность и обоснованность приговора суда первой инстанции и выносил вердикт об оставлении жалобы без удовлетворения, а приговора — без изменения либо об отмене решения и вынесении нового решения.

Однако существовали иные мнения. Некоторыми учеными была выражена позиция о расширении прав суда кассационной инстанции, в частности о необходимости проведения судебного следствия, если, например, у судей возникало сомнение «в достоверности показаний одного или двух свидетелей или правильности заключения эксперта» [13, с. 81].

В целом в процессуальной литературе того времени отношение к апелляции было резко негативным, поскольку считалось, что она противоречит существу советского процесса и умаляет значение суда первой инстанции. А. Я. Вышинский говорил об «отсутствии в апелляционном производстве всякой логики» и даже писал о его «нелепости» [9, с. 3]. Такую позицию можно объяснить тем, что отсутствие апелляции позволяло вышестоящим судам при кассационном обжаловании «управлять» нижестоящими. В то же время это свидетельствовало о доверии к решениям суда первой инстанции в части установления фактических обстоятельств.

В постсоветский период идея расширения возможностей судебного обжалования, в том числе с целью обеспечения права каждого гражданина на пересмотр состоявшегося по его делу решения, была закреплена в Концепции судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 г. Однако говорить о возрождении апелляции в полном смысле этого слова не приходится, поскольку предполагалось, что как апелляционный, так и кассационный порядок будет применяться при рассмотрении жалоб (протестов) на приговоры и решения, не вступившие в законную силу.

Дальнейшее развитие института апелляции в России связано с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод

1950 г. Сама Конвенция четко не говорит о праве осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом. Это право было предусмотрено лишь в Протоколе № 7 от 22 ноября 1984 г. и в Протоколе № 11 от 11 мая 1994 г. Поскольку из самого международно-правового акта трудно понять, идет ли в нем речь об апелляционном или кассационном порядке пересмотра приговора по уголовному делу, представляется, что это также повлияло на смешение понятий апелляции и кассации в российском уголовном процессе.

Указанная проблема не была решена и сохранилась в УПК РФ вплоть до внесения федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ изменений, вступивших в силу 1 января 2013 г. До этого времени в России существовал некий «гибрид апелляционного и кассационного производства» [14, с. 49]. В апелляционном порядке рассматривались жалобы и представления на не вступившие в законную силу приговоры и постановления, вынесенные мировыми судьями, а в кассационном порядке — жалобы и представления на не вступившие в законную силу решения судов первой и апелляционной инстанций, за исключением судебных решений, вынесенных мировыми судьями и не вступивших в законную силу. «Вследствие чего апелляционное производство в науке рассматривалось не в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса, а лишь как процессуальная форма производства во второй инстанции» [1, с. 58].

Ученые правомерно указывают на «парадоксальную ситуацию, когда по преступлениям небольшой степени общественной опасности был возможен пересмотр решений, не вступивших в законную силу, последовательно в апелляции и кассации, а в отношении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких — только кассационный пересмотр» [1, с. 58].

В настоящее время в апелляционном порядке обжаловать можно все судебные решения, как итоговые, так и промежуточные, не вступившие в законную силу. Проведенное судебное реформирование в большей мере содействует повышению уровня защиты прав и законных интересов, гарантированных Конституцией РФ и нормами международного права, что позволяет называть 1 января 2013 г. моментом возрождения в России апелляционного порядка пересмотра судебных решений.

В юридической литературе прослеживается несколько подходов к определению понятий «апелляционное производство» и «апелляция». Большинство ученых употребляют их как равнозначные [16, с. 34–35]. Некоторые настаивают на обратном. В частности, В. Ю. Брянский считает, что термин «апелляция» служит только для обозначения самого обращения к суду апелляционной инстанции, и предлагает заменить в УПК РФ термины «апелляционная жалоба» и «представление» на общий термин «апелляция» [4, с. 9].

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, апелляционное производство — это установленный законом порядок проверки законности, обоснованности и справедливости решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу.

Проверяя законность решения, суд апелляционной инстанции исследует правильность применения норм материального и процессуального права.

При проверке обоснованности судебного решения апелляционная инстанция устанавливает, соответствуют ли выводы суда, изложенные в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой инстанции.

По мнению П. А. Лупинской, справедливость приговора оценивается с точки зрения не только его законности и обоснованности, но и нравственности [22, с. 728], предполагающей правильность назначенного наказания

Законность, обоснованность и как следствие справедливость приговора предполагают его мотивированность. Мотивировка решения выражается не только в анализе доказательств, на которых оно основано, но и в приведении в решении фактической, логической аргументации, обосновывающей решение. Особые требования к мотивированности приговора предусмотрены применительно к приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей, постановленному в особом порядке судебного разбирательства.

Классическое понимание апелляционного производства по уголовному делу имеет французское происхождение. В отличие от кассации, в рамках которой пересмотру подлежат судебные решения, вступившие в законную силу, только с точки зрения права, апелляция представляет собой пересмотр судом второй инстанции не вступивших в законную силу приговоров с точки зрения и права, и факта.

Характеризуя предмет апелляционного рассмотрения по законодательству Франции, профессор Н. Г. Муратова обращает внимание на то, что обжалованию подлежат лишь «факты обвинения, которые были предметом разбирательства в суде первой инстанции» [12, с. 127]. «Исследование доказательств происходит в основном в письменном виде, то есть по результатам исследования суда первой инстанции. Рассмотрение дела в апелляционном порядке происходит по правилам производства в суде первой инстанции, за некоторыми исключениями, при этом апелляционный суд вправе изменить обжалуемый приговор как полностью, так и в части без направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции» [3, с. 181].

Если обратиться к французскому опыту, то в этой стране «уголовные дела в апелляционном порядке рассматривают уголовно-апелляционные палаты апелляционных судов в составе председателя и двух советников, которые являются судьями» [6, с. 307]. Исключение со-

ставляют обвинительные приговоры судов ассизов, состоящих из трех судей и девяти членов жюри. Апелляционный пересмотр таких решений осуществляет иной суд ассизов в составе трех профессиональных судей и двенадцати непрофессиональных.

Концепция, позволяющая апелляционному суду самостоятельно рассматривать дело по существу, не возвращая его в предыдущую инстанцию, в науке получила название «эвокация» (evoquation) [8, с. 4]. Названный подход не является универсальным для уголовного процесса ряда государств, относящихся к романо-германской правовой семье. Страны германского влияния отказались от концепции эвокации. Так, например, по сведениям В. И. Кононенко, апелляционные суды Германии, как правило, возвращают дело на рассмотрение в суд первой инстанции [11, с. 94].

Как и во французском уголовно-процессуальном законодательстве, в апелляционном производстве Германии ограничено право на пересмотр приговора судом вышестоящей инстанции. В основу ограничения права положена незначительная тяжесть преступления. Так, Н. В. Сидорова пишет, что «в соответствии со ст. 313 УПК ФРГ в случае определения наказания в виде небольшого денежного штрафа приговор в апелляционном порядке обжалованию не подлежит» [18].

В уголовном судопроизводстве Франции установлен свой порядок подачи апелляционной жалобы. Во-первых, она может быть «основной, когда подается лицом, не согласным с решением суда, и встречной, представляющей собой возражение другого участника процесса на первоначальную апелляцию» [23, с. 477]. Во-вторых, «основная апелляционная жалоба может быть подана подсудимым, прокурором республики, а также гражданским истцом, гражданским ответчиком в части гражданского иска в течение 10 дней, а Генеральным прокурором — 2 месяцев с момента вынесения первоначального решения; срок подачи встречной жалобы составляет 15 суток со дня провозглашения приговора» [6, с. 395]. В-третьих, «подача апелляционной жалобы приостанавливает вступление приговора в законную силу, в необжалованной части приговор вступает в силу» [18].

В отличие от рассмотренных выше правовых систем «англо-американское право вовсе не знает понятия кассации, а под апелляцией понимает фактически любой способ пересмотра приговоров» [17]. При этом право на апелляцию зачастую ограничено. Например, в ряде случаев оно зависит от усмотрения суда, от его согласия на подачу жалобы. Круг имеющих право на подачу апелляционной жалобы в США формально определен и узок. В него включены осужденные, их защитники, непосредственно принимавший участие в рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции обвинитель [2, с. 300]. Даже для реализации права этими субъектами необходимо получить разрешение на подачу жалобы [11, с. 91].

Следует сказать, что УПК РФ предъявляет к апелляционным жалобам и представлениям меньшее количество формальных требований, определяет более широкий круг участников уголовного судопроизводства, имеющих право обжалования, предусматривает более простую процедуру их подачи, что обеспечивает больший доступ к правосудию, но при этом создает условия для роста количества необоснованных жалоб и перегруженности судебной системы.

Как следует из вышесказанного, классическая апелляция представляет собой повторное судебное разбирательство. Национальная модель имеет свою специфику. Так, по мнению С. А. Трухина, «суть современной российской апелляции заключается не в полном рассмотрении заново уголовного дела, а в пересмотре решения суда первой инстанции с точки зрения его законности, обоснованности и справедливости» [21, с. 27].

УПК РФ не предусматривает возможности классической эвокации, т. е. рассмотрения в апелляции дела по существу. Ученые справедливо указывают, что «апелляционная инстанция не является судом, рассматривающим дело по существу. По своей природе это вышестоящая и проверяющая инстанция, осуществляющая функцию судебного контроля правосудности решений нижестоящего суда» [5, с. 35]. Даже в тех случаях, когда суд апелляционной инстанции выносит по уголовному делу новый приговор, в этом решении выражается оценка законности и обоснованности решения суда первой инстанции.

Апелляционный порядок пересмотра судебных решений по уголовным делам, несмотря на предусмотренный законом широкий перечень полномочий суда и солидный перечень решений, принимаемых судом по итогам рассмотрения, не отвечает требованию непосредственности, которое как общее условие судебного разбирательства трудно переоценить. Непосредственное восприятие судьей доказательств по уголовному делу позволяет сформировать устойчивое внутреннее убеждение для вывода о виновности или невиновности лица в приговоре.

Стоит более внимательно отнестись к высказанным еще в советский период опасениям, что тотальный апелляционный пересмотр судебных решений может сказаться на авторитете суда первой инстанции, влияет на снижение у последнего чувства ответственности за свои решения, способствует замедлению производства по уголовным делам. Целесообразно добавить: особенно если речь идет об обжаловании решений на досудебных стадиях.

Следует обратить внимание на опыт зарубежных стран, закрепивших в законе возможность обжалования некоторых решений сразу в кассационном порядке, минуя апелляцию, т. е. ограничивших право обжалования отдельных решений в апелляционном порядке.

Реформа пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России продолжается. В частности, федеральный конститу-

ционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» предусмотрел создание апелляционных судов, которые в пределах своей компетенции рассматривают дела в качестве суда апелляционной инстанции и по новым или вновь открывшимся обстоятельствам являются вышестоящими по отношению к действующим на территории соответствующего судебного апелляционного округа верховным судам субъектов. Эти нововведения еще предстоит осмыслить.

Очевидно, судебная реформа 2010 г. ставила перед собой задачу еще больше приблизить российскую судебную систему к европейским стандартам отправления правосудия. Но некоторые существенные характеристики построения судебных инстанций в континентальном уголовном процессе российская апелляционная модель не переняла.

Список литературы

1. *Аверкин А., Кудрявцева А., Смирнов В.* Проверка и исследование доказательств в суде апелляционной инстанции // Уголовное право. — 2012. — № 6. — С. 57–65.
2. *Бернам У.* Правовая система Соединенных Штатов Америки. — М.: Новая юстиция, 2006. — 1216 с.
3. *Боботов С. В.* Правосудие во Франции. — М.: ЕАВ, 1994. — 200 с.
4. *Брянский В. Ю.* Апелляционное производство в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. «...» канд. юр. наук. — М., 2006. — 24 с.
5. *Воскобитова Л. А.* Апелляция — принципиально новый институт в уголовном судопроизводстве // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы: мат. всерос. межвед. и науч.-практ. конф. к 75-летию Нижегородского областного суда (Нижний Новгород, 24–25 окт. 2013 г.). — М.: Акцион-Медиа, 2013. — С. 35–43.
6. *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. — 2-е изд., доп. и испр. — М.: Зерцало-М, 2002. — 528 с.
7. *Исаев И. А.* История государства и права России: учеб. пос. — М.: Проспект, 2009. — 272 с.
8. *Ковтун Н. Н.* Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2012. — № 3. — С. 3–9.
9. *Колоколов Н. А.* Апелляция: «Осужденный, наказание вам удвоено!» // Уголовное судопроизводство. — 2013. — № 4. — С. 2–5.

10. *Кони А. Ф.* Курс уголовного судопроизводства. — М.: Американская ассоциация юристов, 2011. — 280 с.

11. *Кононенко В. И.* Апелляция по уголовным делам в зарубежных странах // Российское правосудие. — 2013. — № 10 (90). — С. 89–95.

12. *Муратова Н. Г.* Апелляция: реальность и перспективы развития в России (пределы судебного контроля по уголовным делам) // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы: мат. всерос. межвед. и науч.-практ. конф. к 75-летию Нижегородск. обл. суда (Нижний Новгород, 24–25 окт. 2013 г.). — М.: Акцион-Медиа, 2013. — С. 126–133.

13. *Перлов И. Д.* Кассационное производство в советском уголовном процессе. — М.: Юрид. лит., 1968. — 395 с.

14. *Победкин А. В.* Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы становления // Государство и право. — 2001. — № 3. — С. 46–50.

15. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

16. *Сидорова Н. В.* Апелляция в системе производства в суде второй инстанции в уголовном процессе. — Томск, 2006. — 207 с.

17. *Сидорова Н. В.* Апелляция в уголовном процессе Великобритании и США // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2008. — № 3. — С. 23–29.

18. *Сидорова Н. В.* Апелляция в уголовном процессе Франции и Германии // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2008. — № 2. — С. 24–28.

19. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. — М.: Наука, 1970. — Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. — 516 с.

20. *Татовский П. С.* К вопросу о развитии пересмотра судебных решений до Устава уголовного судопроизводства // Научный поиск: Экономика. Управление. Право: мат. третьей науч. конф. аспирантов и докторантов. [апр. 2011 г.] / М-во образования и науки Российской Федерации, Южно-Уральский гос. ун-т. — Челябинск: ЮУрГУ, 2011. — С. 228–231.

21. *Трухин С. А.* Суть современной российской апелляции в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2014. — № 5. — С. 26–29.

22. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2009. — 1072 с.

23. Уголовный процесс: учеб. / отв. ред. А. В. Гриненко. — 2-е изд., перераб. — М.: Норма, 2009. — 496 с.

24. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного правосудия. — СПб.: Альфа, 1996. — Т. 2 / под ред. А. В. Смирнова. — 607 с.

25. *Червоткин А. С.* Апелляция и кассация: Пособие для судей. — М.: Проспект, 2013. — 336 с.

УДК 343.2/7

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_105

Шувалова Анастасия Михайловна,

Нижегородский филиал ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации»
старший преподаватель кафедры криминалистики,
Россия, Нижний Новгород,
Shinicheva@mail.ru

Уголовно-правовая охрана лиц, осуществляющих правосудие либо предварительное расследование

Человек, его права и свободы — это высшая ценность, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Исходя из этого, важная роль принадлежит качеству осуществления правосудия, основной задачей, которого является защита прав и свобод человека и гражданина. Правосудие на территории Российской Федерации осуществляется исключительно судом. Никто не вправе вмешиваться в деятельность лиц, осуществляющих правосудие, а также предварительное расследование, а тем более посягать на их жизнь, поскольку это подрывает основы не только правосудия, но и государственной власти в целом. Поэтому наличествует объективная необходимость, уголовно-правовой охраны данной категории лиц, что, в свою очередь, реализует цели, стоящие перед российским уголовным законодательством, посредством удержания лиц от совершения рассматриваемого преступного посягательства под угрозой уголовного наказания.

Уголовная ответственность за рассматриваемое нами преступное посягательство регламентируется ст. 295 УК РФ. Это преступление относится к числу наиболее опасных, поскольку посягает не только на нормальную деятельность конкретного органа правосудия, правоохранительного органа, лиц, содействующих правосудию, но и на жизнь конкретного человека. Исходя из диспозиции ст. 295 УК РФ, уголовно-правовой охране в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением судебного акта подлежит жизнь судьи, присяжного заседателя или иного

лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, а равно их близких.

Наибольшие проблемы в правоприменительной практике при квалификации рассматриваемого преступного посягательства вызывает вопрос относительно определения круга потерпевших. Неоднозначно решается вопрос о том, кого следует относить к иным лицам, участвующим в отправлении правосудия. В уголовно-правовой доктрине отсутствует единый подход к его пониманию. Так, одни ученые к лицам, участвующим в отправлении правосудия, относят только арбитражных заседателей [1, с. 135], другие — третейских судей, арбитров [3, с. 106], третьи — уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях [2, с. 15]. В теории уголовного права наличествует и позиция, согласно которой к иным лицам, участвующим в отправлении правосудия, следует относить потерпевшего, свидетеля, защитника (адвоката), понятого, переводчика, эксперта, специалиста, гражданского истца, гражданского ответчика, истца, ответчика, их представителя, третьих лиц, заявляющих и не заявляющих самостоятельные требования [1, с. 386]. Тем не менее к иным лицам, участвующим в отправлении правосудия, следует относить лишь арбитражных заседателей, ибо отнесение иных лиц к вышеуказанной категории, не только противоречит российскому законодательству, но и искажает суть деятельности по осуществлению правосудия, которая непосредственно выступает частью государственной деятельности.

Неоднозначно решается вопрос и об уголовно-правовой охране руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, которые осуществляют предварительное расследование, поскольку в ст. 295 УК РФ российский законодатель не указывает данных лиц в качестве потерпевших, что является его существенным упущением. Сложившееся положение, в свою очередь, обусловлено тем, что действующим российским уголовно-процессуальным законодательством вышеуказанные категории лиц наделены полномочиями по осуществлению предварительного расследования и непосредственным образом могут влиять на его ход посредством дачи письменных указаний о направлении расследования.

Исходя из этого, частный обвинитель в российском уголовном судопроизводстве наделен правами, которые закреплены ч. 4–6 ст. 246 УПК РФ и присущи прокурору при поддержании им государственного обвинения в суде. В связи с этим следует констатировать, что посягательство на жизнь частного обвинителя может изменить исход уголовного дела, в частности способствовать его прекращению и как следствие освобождению лица, привлекаемого к уголовной ответственности, что также будет влиять на правосудие и решение задач российского уголовного судопроизводства.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует констатировать, что уголовно-правовая охрана лиц, осуществляющих правосудие либо предварительное расследование, имеет важное значение, ибо позволяет правильно и эффективно функционировать как правосудию, так и государственной системе в целом. Необходимо дополнить диспозицию ст. 295 УК РФ, включив в нее руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, частного обвинителя.

Список литературы

1. *Дворянсков И. В.* Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: дис. <...> д-ра юр. наук. — М., 2012. — 392 с.

2. *Карманов О. А.* Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование: уголовно-правовой анализ: дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2007. — 298 с.

3. *Мусаев М. М.* Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. <...> канд. юр. наук. — Махачкала, 2006. — 243 с.

УДК 343.985

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_107

Ярославский Константин Сергеевич,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации»,
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
факультета повышения квалификации,
Россия, Санкт-Петербург,
yaroslavskij.ks@skspba.ru

Влияние объекта преступления при незаконной игровой деятельности на методику его расследования

Не секрет, что предмет доказывания по уголовным делам predetermined диспозицией конкретной статьи Уголовного кодекса РФ (УК РФ), устанавливающей уголовную ответственность за совершение того или иного деяния. Безусловно, одно из центральных мест здесь занимает объект преступления, от правильности определения которого зависит направление расследования и процесса сбора доказательств. Действительно, без четкого понимания того, какие именно общественные от-

ношения пострадали в результате совершения деяния, невозможно не только эффективно расследовать уголовное дело, но и вести речь о наличии признаков преступления как такового.

В большинстве статей Особенной части УК РФ установление объекта преступления не представляет особой сложности, однако это, к сожалению, не относится к преступлениям, предусмотренным ст. 171.2 УК РФ (незаконная игорная деятельность). Вопрос об определении объекта преступления, предусмотренного указанной статьей, в научных кругах является дискуссионным: среди его исследователей не сложилось единого мнения относительно мотивов криминализации игорной деятельности и тех общественных отношений, которым причиняется вред в результате совершения данного преступления.

Обобщение и анализ представленных в литературе мнений позволяет прийти к выводу, что существуют четыре основные точки зрения на рассматриваемый элемент состава преступления.

Так, ряд исследователей [3, с. 20–21; 4, с. 59–63; 9, с. 201–204] полагают, что основным непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с установленным федеральным законом от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее: 244-ФЗ) порядком организации и проведения азартных игр, а уголовно-правовая норма призвана охранять прежде всего экономические интересы государства и легального игорного бизнеса. Данные исследователи выделяют также дополнительный объект в виде общественных отношений, связанных с формированием доходной части бюджета за счет поступления налоговых платежей и сборов от организации и проведения азартных игр.

Точка зрения [5, с. 29–33] других ученых состоит в том, что основным непосредственным объектом этого преступления являются общественные отношения в сфере сбора налогов и иных платежей с объектов игорного бизнеса и криминализация незаконной игорной деятельности необходима для соблюдения интересов фискальной политики.

Третьи [1, с. 87–94; 7, с. 21] считают, что объектом преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, являются общественные отношения в области здоровья населения и общественной нравственности, а названная норма ограждает граждан от негативных проявлений азартных игр.

И наконец, некоторые исследователи [2, с. 14–16; 6, с. 13] указывают на необходимость выделения в данном составе двух по сути самостоятельных преступлений. Во-первых, это незаконная организация и проведение азартных игр вне игорной зоны либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и средств связи, с основным объектом в виде общественных

отношений в области здоровья населения и общественной нравственности. Во-вторых, легальное осуществление такой деятельности в игровой зоне без полученного в установленном порядке разрешения, с основным объектом в виде отношений по поводу порядка осуществления легальной предпринимательской деятельности в сфере оказания услуг по проведению азартных игр.

Таким образом, можно констатировать многообъектность рассматриваемого состава, выделив три основных вида общественных отношений, которым наносится ущерб: здоровье населения и общественная нравственность, установленный 244-ФЗ порядок экономической деятельности в указанной сфере, а также интересы государства в области сбора налогов и иных платежей.

Какой из данных объектов будет являться основным, а какой дополнительным или факультативным?

Теория уголовного права исходит из того, что «основной объект, как принято считать, характеризует общественное отношение, для защиты которого прежде всего и принималась соответствующая уголовно-правовая норма, основной объект нарушается во всех без исключения случаях совершения преступлений того или иного вида» [8, с. 228]. Подходя к оценке объекта с указанных позиций, необходимо проанализировать логику законодателя при установлении уголовной ответственности за организацию и проведение азартных игр, определив, какие общественные отношения предполагалось защитить в первую очередь и происходит ли посягательство на данные общественные отношения в каждом случае совершения преступления. От этого будет зависеть и методика расследования соответствующего преступления.

Статья 171.2 УК РФ была введена федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 20.07.2011 г. № 250-ФЗ. Пояснительная записка к проекту указанного федерального закона говорит лишь об одном основании введения новой статьи Уголовного кодекса: о недостаточной урегулированности вопроса привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере игорного бизнеса имевшимися на тот момент уголовно-правовыми средствами. Стоит напомнить, что после вступления в силу положений 244-ФЗ лица, осуществлявшие незаконную организацию и проведение азартных игр, привлекались к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ за незаконную предпринимательскую деятельность. Таким образом, было отмечено, что положений ст. 171 УК РФ, где непосредственным объектом преступления выступает лишь легитимный порядок осуществления предпринимательства, недостаточно для охвата такого явления, как преступления в сфере игорного бизнеса. Тем не менее данный документ не содержит однозначного ответа на вопрос, в целях защиты каких именно общественных отношений принимается данная норма.

Вместе с тем введение новой нормы Уголовного кодекса безусловно стало следствием принятия базового для нее 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», т. е. ст. 171.2 УК РФ принята для защиты общественных отношений, урегулировать и охранять которые призван данный федеральный закон. В этой связи возникает следующий вопрос: для чего законодателю потребовалось вводить государственное регулирование игровой сферы, что в первую очередь явилось катализатором этой инициативы, несмотря на то что игровой бизнес в России стремительно развивался, достигнув в 2005 г. оборота, по разным оценкам, от 5 до 6 млрд долл. и давая государству ощутимый налоговый доход? Очевидно, что не экономические и фискальные соображения. Ответ на этот вопрос содержится в ч. 1 ст. 1 названного ФЗ: «...настоящим Федеральным законом определяются правовые основы государственного регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр на территории Российской Федерации и устанавливаются ограничения осуществления данной деятельности в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан». В этом и состоит основная цель законодателя: в защите нравственности, прав и законных интересов граждан, т. е. уголовно-правовая норма принята для защиты прежде всего этих общественных отношений.

В чем выражается опасность неурегулированной игровой деятельности для нравственности, а также для прав и законных интересов граждан? В деградации личности, разрушении под воздействием азартных игр ее социальных связей, в том числе родственных и профессиональных, в появлении игрозависимых лиц, страдающих данной формой психического расстройства, в ухудшении материального положения и как следствие снижении на указанном фоне личных моральных ценностей, а в ряде случаев — в готовности к преступному поведению, самоубийству. Массовая утрата моральных ценностей отдельными гражданами ведет к причинению ущерба нравственности всего общества. И если бы данный состав преступления был помещен законодателем в соответствующую главу уголовного закона, то это сказалось бы на методике его расследования, в частности принятия мер, направленных на предупреждение дальнейших действий со стороны зависимых лиц (фактически потерпевших), и на тактике производства отдельных следственных действий (особенно допросов).

Вторым обязательным критерием основного объекта преступления является то, что он нарушается во всех без исключения случаях совершения данного рода преступления. В данном случае очевидно, что общественная нравственность и здоровье граждан страдают в силу самой природы азартных игр, безотносительно к тому, осуществляется ли такая деятельность легально или незаконно. Таким образом, выде-

ляемый нами основной объект данного преступления соответствует и указанному критерию.

Почему же государство в таком случае не запретило игорную деятельность полностью? Думается, что полный запрет игорной деятельности не решит указанную проблему: игорный бизнес целиком перейдет на нелегальное положение, продолжая бесконтрольно оказывать данные услуги. В случае частичного ограничения появляется возможность контролировать легальный игорный бизнес, предпринимая меры по минимизации негативных последствий для общественной нравственности и здоровья населения. Например, 244-ФЗ ввел запрет на посещение игорных заведений несовершеннолетними лицами, чье психическое состояние наиболее подвержено воздействию вредных факторов, обеспечил безопасность играющих лиц, ввел гарантии выплаты выигрыша и т. д. Дополнительным подтверждением этого служит и деятельность государства по дальнейшему совершенствованию 244-ФЗ. Так, правительством РФ подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”», которым предлагается установить механизм самоограничения физических лиц от участия в азартных играх путем направления физическим лицом организатору азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах заявления о запрете на свое участие в азартных играх, а также направления участником азартных игр организатору азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах заявления об установлении для себя максимальной суммы сделанных ставок. Кроме того, концентрация игорного бизнеса в специальных отведенных зонах способствует снижению возможности массового увлечения азартными играми. Конечно, «заядлые игроки» не откажутся от своей привычки, но люди, которые могли при свободном доступе в игорные заведения зайти туда случайно, из любопытства, теперь ограждены от возможных негативных последствий.

Если здоровье населения и общественная нравственность являются основным объектом рассматриваемого преступления, то дополнительным безусловно стоит признать установленный законом порядок экономической деятельности в сфере игорного бизнеса.

Наукой уголовного права под дополнительным объектом понимается «конкретное общественное отношение, причинение вреда которому либо угроза причинения вреда также является обязательным условием уголовной ответственности, однако дополнительный объект (в отличие от основного) лежит в плоскости другого родового объекта» [8, с. 228]. В данном случае причинение вреда основному объекту всегда будет сопровождаться нарушением порядка осуществления игорной деятельности, что, в свою очередь, будет являться обязательным условием уго-

ловной ответственности. Но в отличие от главной опасности — причинения вреда здоровью населения и общественной нравственности установленный 244-ФЗ порядок лишь указывает, при каких условиях такой вред признается государством допустимым, а при каких — нет, т. е. он является производным от основного объекта.

Чьим интересам в рамках данного объекта причиняется вред и в чем он выражается? Участниками указанных отношений являются государство и субъекты игровой деятельности. Таким образом, в случае нарушения установленного законом порядка ее осуществления урон наносится именно интересам данных сторон. В отношении государства он может быть выражен в неподчинении проводимой политике, недополучении дохода в виде обязательных налоговых платежей, застое в развитии территорий, выделенных под игорные зоны. Субъекты игровой деятельности в первую очередь могут пострадать от недобросовестной конкуренции со стороны лиц, не соблюдающих требования закона и освобожденных тем самым от многих материальных затрат, необходимых для соответствия положениям 244-ФЗ.

Что касается общественных отношений в сфере налоговых сборов, то обоснованным видится мнение О. А. Ивановой и О. П. Науменко [2, с. 14–16; 6, с. 13] о необходимости условного разделения состава преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, на два типа: «разрешенный игровой бизнес», становящийся преступным в связи с неполучением разрешения или лицензии, и «принципиально запрещенный», проводимый вне игорных зон или с использованием сети «Интернет» и средств связи. В первом случае указанным выше отношениям как объекту преступления наносится ущерб, во втором — нет. Причина в том, что осуществление «принципиально запрещенной» азартной деятельности не может облагаться налогом. Наличие или отсутствие незаконных игорных заведений никак не влияет на объем налоговых сборов, которые взимаются с легально действующих объектов игровой деятельности.

Исходя из вышесказанного, общественные отношения в области налогообложения следует признать факультативным объектом преступления, т. е. таким, вред которому причиняется не во всех случаях совершения преступления.

Подводя итог, можно обозначить сделанные выводы. Состав преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, является многообъектным. Основной непосредственный объект данного преступления — здоровье населения и общественная нравственность при поведении азартных игр, дополнительный непосредственный объект — установленный 244-ФЗ порядок экономической деятельности в сфере игорного бизнеса, а факультативный — налогообложение объектов игорного бизнеса.

Это необходимо учитывать при формировании криминалистической методики расследования соответствующего преступления, поскольку именно непосредственный объект преступного посягательства

будет центральным при определении закономерностей в расследовании указанного преступления. Основной акцент в разработке методики расследования соответствующего преступления будет сделан:

- на сборе доказательств, подтверждающих именно факт причинения вреда потерпевшим, а также на том, в чем выразился данный вред;
- на тактике проведения отдельных следственных действий (особенно допросов);

- на решении вопроса о лице, представляющем интересы потерпевших (поскольку высока вероятность противодействия со стороны потерпевших расследованию преступления в силу их игровой зависимости);

- на принятии законных мер, направленных на ограждение потерпевших от участия в азартных играх и решении вопроса о применении к ним медицинских мер по лечению соответствующей зависимости;

- на решении вопроса о компенсации вреда, причиненного потерпевшим, в силу их зависимости от азартных игр (в части того, что такие игры организованы в нарушение закона).

Все это наглядно отражает взаимосвязь между формированием методики расследования преступления и точностью определения объекта преступного посягательства при защите публичных интересов государства.

Список литературы

1. *Винокуров В. Н.* Предмет отношений как видовой объект преступления и способы его установления // Современное право. — 2018. — № 3. — С. 87–94.

2. *Иванова О. А.* Уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Саратов, 2016. — 35 с.

3. *Кормильцева С. О.* Незаконные организация и проведение азартных игр: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Казань, 2018. — 27 с.

4. *Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А.* Объект незаконных организации и проведения азартных игр: дискуссионные вопросы // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2017. — № 1 (40). — С. 59–63.

5. *Мосечкин И. Н.* Проблема определения непосредственного объекта незаконных организации и проведения азартных игр // Российский следователь. — 2015. — № 14. — С. 29–33.

6. *Науменко О. П.* Уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2016. — 22 с.

7. *Севостьянов Р. А.* Проблемы уголовной ответственности за организацию и ведение незаконного игорного бизнеса: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Саратов, 2009. — 26 с.

8. Сундуров Ф. Р., Тарханова И. А. Уголовное право России: Общая часть: учеб. — 2-е изд. — М.: Статут, 2016. — 863 с.

9. Харьков А. В. К вопросу определения непосредственного объекта незаконных организации и проведения азартных игр // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 8. — С. 201–204.

УДК 347.985

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_114

Щербакова Лилия Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
доцент кафедры арбитражного процесса,
Россия, г. Саратов,
lilia2107@mail.ru

Фомичева Регина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
доцент кафедры арбитражного процесса,
Россия, г. Саратов,
rv302009@mail.ru

Некоторые вопросы компетенции Суда по интеллектуальным правам

Круг дел, который правомочен рассматривать Суд по интеллектуальным правам как специализированный орган в системе арбитражных судов Российской Федерации, является проблемным вопросом науки и практики. Определение его через специализированную категорию дел, которые вправе рассматривать суд, субъектный состав участников процесса и характер спора весьма распространено в науке и основывается на законе.

В практике существуют дела, вытекающие из интеллектуальных прав, которые правомочны рассматривать суды общей юрисдикции и арбитражные суды, а не специализированный юрисдикционный орган. Именно разграничение компетенции между юрисдикционными органами и поиск правомочного для рассмотрения спора суда являются основными проблемными вопросами науки и практики.

© Щербакова Л. Г., Фомичева Р. В., 2020.

В настоящее время специализация судебной системы является приоритетным направлением судебной реформы, поэтому наука не может не исследовать вопросы компетенции судов.

Само понятие компетенции пришло в теорию процесса из административного права. Слово «компетенция» в переводе с латыни означает «добиваться, соответствовать, походить». Большой юридический словарь определяет компетенцию как совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица, определяющую его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления).

Компетенция как категория структуры правовой системы представляет собой правовое средство, позволяющее определить роль и место конкретного субъекта в управленческом процессе путем законодательного закрепления за ним определенного объема публичных дел. При этом указанный объем закрепляется в формате прав и обязанностей, которые имеют единую структуру. Концепция «права — обязанности» разработана в литературе и применительно к деятельности арбитражных судов [2, с. 131].

Научные дискуссии относительно необходимости принятия единого процессуального закона не привели к унификации процесса. Это обусловлено объективными обстоятельствами: разница предметной компетенции судов существенна и арбитражное правосудие отличается значительной спецификой. В контексте Суда по интеллектуальным правам можно говорить, что он подчиняется всем тем же нормам арбитражного правосудия, что и суды подсистемы арбитражного правосудия, поэтому некая легальная обособленность может служить только следствием отдельной компетенции этого суда.

Узкий легальный подход к компетенции, отрицающий достижения юридической науки прошлых лет, недопустим. Применительно к специализированным судам в юридической литературе вполне целесообразно употребление термина «подведомственность» в его традиционном процессуальном смысле.

В качестве аргумента приводится то, что предметный и субъектный критерии компетенции не работают в условиях единой судебной системы. Однако арбитражные суды все еще рассматривают исключительно споры экономического характера. Тем более неприемлемо изымать понятие подведомственности из теории исследования компетенции Суда по интеллектуальным правам.

Под предметным характером понимался экономический характер спора. В. С. Анохин замечает, что категория «задачи арбитражного правосудия», в том числе и специализированного, коррелирует такому понятию, как экономический характер спора. Ранее в литературе данное понятие именовали также предпринимательским характером

спора. Однако современное арбитражное правосудие вышло за рамки сугубо предпринимательских споров. Деятельность Суда по интеллектуальным правам в этом отношении наиболее показательна: он рассматривает категории дел по предметной компетенции без учета наличия или отсутствия в процессе участников, имеющих статус физического лица.

Задачи Суда по интеллектуальным правам соотносятся с целью правосудия в целом. Данный орган защищает интеллектуальные интересы, которые могут быть нарушены. Эти задачи вполне соответствуют общей цели и задачам арбитражного правосудия [1, с. 32–37].

Анализ предметного критерия компетенции позволяет утверждать, что «в ранее действующем законодательстве разграничение дел осуществлялось по смежному критерию относимости спора к предпринимательской и иной экономической деятельности. Фактически арбитражные суды принимали к своему рассмотрению исключительно дела, возникающие из экономической сферы, субъекты которой нацелены на систематическое извлечение прибыли. “Иные виды экономической деятельности” нуждались в более четком легальном определении, и в ходе судебной реформы законодатель охарактеризовал их, определив споры из акционерных, корпоративных и банкротных отношений в качестве исключительной сферы компетенции арбитражных судов. В результате реформирования к этим категориям споров и дел добавились и дела из интеллектуальных прав, рассматриваемые как в порядке искового, так и в формате административного производства» [8, с. 69].

Теоретическая конструкция компетенции включала в себя помимо прочего и субъектный критерий.

Анализируя АПК РФ 1995 г., В. М. Шерстюк отмечает, что физические лица могут быть привлечены к участию в деле, если это необходимо для полного и всестороннего рассмотрения арбитражного спора [5, с. 101]. Постепенно такие лица становятся полноценными участниками экономического судопроизводства. Их участие или неучастие в деле больше не влияет на место его рассмотрения, если в деле присутствует весь необходимый предметный состав. Прежние критерии подведомственности размываются [3, с. 69]. Применительно к Суду по интеллектуальным правам закон определяет виды категорий дел, которые он рассматривает. Понятие подсудности относительно Суда по интеллектуальным правам имеет смысл только применительно к делам, которые он рассматривает по первой и кассационной инстанциям, а само по себе представляется абстрактным. Создание Суда по интеллектуальным правам явилось ответом на множественные нарушения авторских и изобретательских прав, которые имеют место в современной России. Суд создавался весьма сложно, от его формального утверждения и при-

нятия закона до формирования составов и начала деятельности прошло несколько лет. В настоящее время Суд по интеллектуальным правам функционирует в полном объеме и наработал свою практику. Его компетенция может быть оценена в большей степени по предметному, а не по субъектному критерию, что соответствует деятельности специализированных судов. Предметная компетенция определяется как защита интеллектуальных прав. В ходе реформы гражданского законодательства сфера интеллектуальной собственности была значительно расширена.

Изменения в законодательстве затронули сферу Интернет-правоотношений и привели к тому, что музыкальные файлы и информация, опубликованная на сайтах в сети «Интернет», также стали предметом деятельности Суда по интеллектуальным правам. Законодатель ограничивает компетенцию этого суда исключительно делами по интеллектуальным правам, что соответствует цели его деятельности. Его основной задачей является обеспечение единообразной судебной практики в сфере интеллектуальных прав, что предполагает привлечение к рассмотрению дел не только профессиональных судей, специализирующихся на интеллектуальном праве, но и специалистов, обладающих необходимым объемом научных, технических и прикладных знаний, позволяющих рассматривать данную сложную категорию дел [4].

Главный практический вопрос это разграничение компетенции по рассмотрению споров и дел из интеллектуальных прав между звеньями судебной системы. Статья 43.4 ФКЗ «Об арбитражных судах» [7] содержит перечень дел, которые компетентен рассматривать Суд по интеллектуальным правам. Она также определяет круг субъектов, которые могут участвовать в процессе в специализированном суде: участниками процесса могут быть носители перечисленных в указанной статье прав, а также государственные и муниципальные органы и должностные лица этих органов, имеющие право в рамках своей компетенции выносить акты, затрагивающие данные правоотношения [6, с. 88].

Территориальная подсудность определяет, что обозначенные дела могут рассматриваться только в Суде по интеллектуальным правам и пересматриваться в кассационном порядке там же. Таким образом, компетенция Суда по интеллектуальным правам — это совокупность подведомственности и подсудности дела указанному суду, а критерием разграничения компетенции служат предмет спора и его субъектный состав. Такое определение компетенции позволит разграничить полномочия судов общей юрисдикции, арбитражных судов и Суда по интеллектуальным правам по рассмотрению и разрешению споров, связанных с интеллектуальными правами.

Таким образом, теоретическое понятие компетенции Суда по интеллектуальным правам может быть определено как установленные в законе полномочия суда по рассмотрению и разрешению круга дел, закрепленных в его ведении. Разграничение между компетенцией арбитражных судов, судов общей юрисдикции и Суда по интеллектуальным правам происходит по критериям субъектного состава, предмета спора и сути спора. Это соответствует не только теоретическому понятию подсудности, но и подведомственности, которая в настоящее время легально не определена. Для целей науки использование понятия подведомственности дела Суду по интеллектуальным правам представляется обоснованным. Данная категория могла бы определить предметную и субъектную области компетенции этого органа.

Список литературы

1. *Анохин В. С.* Эффективность правосудия в сфере экономики: состояние и перспективы улучшения // Российская юстиция. — 2010. — № 2. — С. 32–37.

2. *Елисейкин П. Ф., Осипов Ю. К.* Подведомственность юридических дел // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1975. — № 1. — С. 130–133.

3. *Каллистратова Р. Ф.* Государственный арбитраж (проблемы совершенствования организации и деятельности): автореф. дис. <...> д-ра юр. наук. — М., 1972. — 36 с.

4. *Шерстюк В. М.* Комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации по вопросам арбитражного процессуального права / Акад. нар. хоз-ва при правительстве РФ. — 2-е изд. — М.: Дело, 2001. — 206 с.

5. *Лукьянцев А. А.* Проблема участия третьих лиц в арбитражном процессе: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Ростов н/Д., 1973. — 26 с.

6. *Рожкова М. А.* Вправе ли Суд по интеллектуальным правам запрашивать правовые заключения или все же *jura novit curia*? // Закон. — 2016. — № 3. — С. 88–94.

7. Справка «О некоторых вопросах привлечения специалистов и направления запросов Судом по интеллектуальным правам»: утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 14 нояб. 2014 г. № СП-21/90 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.07.2020).

8. *Фомичева Р. В., Щербакова Л. Г., Казакова С. П.* О некоторых вопросах реформирования цивилистического процессуального законодательства // Вестник Российской правовой академии. — 2019. — № 2. — С. 67–74.

Шунк Виктория Эдуардовна,
кандидат юридических наук,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
доцент кафедры криминалистики,
Россия, Санкт-Петербург,
vika-shunk@rambler.ru

Тактика обеспечения публичных интересов России по уголовным делам в отношении иностранных граждан

Статистические данные о состоянии преступности в России позволяют оценить удельный вес преступлений, совершаемых иностранными гражданами, в общем числе всех зарегистрированных преступлений. Защита нарушенных прав и свобод физических и юридических лиц традиционно происходит в рамках производства по уголовным делам. Важным, если не сказать ключевым, моментом является лишение иностранного гражданина возможности покинуть территорию России. В рамках уголовного судопроизводства эта задача может решаться путем избрания в отношении соответствующего лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Трудность в защите публичных интересов страны возникает тогда, когда отсутствует возможность или основание для заключения иностранного гражданина под стражу. Кроме того, помимо практической составляющей общетеоретический интерес представляет сам механизм предотвращения сокрытия лица за границей от уголовного преследования вне привязки к вышеуказанной мере пресечения.

Практический и теоретический интерес обусловлен тем, что в соответствии со ст. 28 закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» выезд из Российской Федерации рассматриваемой категории граждан может быть ограничен лишь в случаях, если соответствующее лицо:

а) задержано по подозрению в совершении преступления, а равно привлечено в качестве обвиняемого (запрет действует до принятия решения по делу или до вступления приговора в силу);

б) уклоняется от исполнения обязательств, которые наложил на лицо суд (запрет действует до исполнения обязательств или до достижения согласия между сторонами);

в) не выполнило обязательства по налогам и сборам (запрет действует до исполнения соответствующих налоговых обязательств);

г) привлечено к административной ответственности за соответствующий вид правонарушения на территории нашей страны (запрет

действует до исполнения наказания или до освобождения от наложенного наказания).

Применительно к сфере уголовно-процессуальных отношений, исходя из вышеуказанных норм, иностранному гражданину запрещено покидать территорию России, если он задержан или привлечен в качестве обвиняемого.

Сам факт задержания лица предопределяет, что не только иностранный гражданин, но и любое лицо не сможет физически покинуть территорию России, в то время как привлечение к уголовной ответственности (в качестве обвиняемого) не гарантирует лишения лица такой возможности. Соответствующим гарантом является только избрание в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Соответственно, возникает вопрос: как организационно и тактически обеспечить публичные интересы в сфере уголовного судопроизводства, когда иностранный гражданин привлечен в качестве обвиняемого, но не заключен под стражу? Кроме того, возникает и другая проблема: как тактически обеспечить защиту государственности, когда иностранный гражданин находится в статусе подозреваемого, но не задержан и не заключен под стражу? И если в первом случае закон позволяет принять меры к тому, чтобы лицо не покинуло территорию России, то во втором лицо, ведущее расследование, исключительно тактически сможет обеспечить интересы страны в рамках уголовного судопроизводства. Изучение научных публикаций по рассматриваемой теме приводит к выводу, что на уровне монографических исследований данный аспект подробно не изучался [1, с. 15–21; 2, с. 11–13].

Если иностранный гражданин не был заключен под стражу, но привлечен в качестве обвиняемого, то лицо, ведущее расследование, должно направить соответствующие сведения в территориальный орган пограничной службы ФСБ. На практике иностранный гражданин может быть и в статусе подозреваемого (например, избрание меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, до предъявления обвинения), что юридически не является основанием для запрета покинуть территорию Российской Федерации. В этой ситуации, если есть достаточные основания (совокупность доказательств) для привлечения лица в качестве обвиняемого, необходимо незамедлительно вынести соответствующее постановление. Помимо этого следует направить в территориальный орган пограничной службы ФСБ сообщение о том, что конкретное лицо привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу и в отношении него действует соответствующий запрет. Если лицо не привлечено в качестве обвиняемого, находится в статусе подозреваемого и в отношении него избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, необходимо:

а) направить в региональное подразделение органа внутренних дел на транспорте сообщение о том, что конкретный иностранный граж-

данин является подозреваемым по уголовному делу; он не заключен под стражу и в связи с этим нужно обязать пассажиров перевозчиков на воздушном, железнодорожном, морском и речном транспорте безотлагательно уведомить как орган внутренних дел на транспорте, так и следователя (дознателя) по конкретному номеру телефона о том, что данный иностранный гражданин приобрел билет; важно понимать при этом, что не все перевозчики могут выполнить это распоряжение, а также, что иностранный гражданин может покинуть территорию РФ, субъекта РФ или федерального округа РФ с территории другого региона;

б) направить в территориальный орган Федеральной службы судебных приставов запрос о том, имеется ли в отношении конкретного иностранного гражданина судебное решение о возложении на него обязательств, которые он не выполнил, и направлено ли соответствующее сообщение в территориальный орган пограничной службы ФСБ;

в) направить в территориальный орган налоговой службы запрос о наличии или отсутствии у конкретного иностранного гражданина невыполненных обязательств по налогам и сборам и направлено ли соответствующее сообщение в территориальный орган пограничной службы ФСБ;

г) направить в информационный центр территориального органа внутренних дел запрос о том, привлечен ли к административной ответственности конкретный иностранный гражданин, и если да, то кем, когда и за что; после этого в районном подразделении соответствующего исполнительного органа следует выяснить, исполнено или нет наказание данным лицом либо освобождено оно или нет от наложенного на него наказания; если нет, то направлено ли соответствующее сообщение в территориальный орган пограничной службы ФСБ.

Целесообразно также направить в территориальный орган пограничной службы ФСБ сообщение о том, что конкретный иностранный гражданин является подозреваемым по уголовному делу, он не заключен под стражу и, если он будет покидать территорию России, необходимо безотлагательно уведомить об этом следователя (дознателя) по конкретному номеру телефона.

Вместе с тем описание тактических способов обеспечения государственности в ходе уголовного судопроизводства, когда иностранный гражданин является подозреваемым, но не заключен под стражу, позволяет выявить проблемы, требующие технико-юридического совершенствования закона о порядке въезда и выезда из нашей страны в связи с явным пробелом в ст. 28 данного акта. Исходя из вышесказанного, необходимо дополнить указанную норму положением о том, что иностранному гражданину запрещается выезд и тогда, когда он находится в статусе подозреваемого.

Список литературы

1. *Ивацук В. К.* Расследование преступлений, совершаемых иностранными гражданами: дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2008. — 247 с.
2. *Сизов А. А.* Особенности досудебного производства по делам о преступлениях, совершаемых иностранными гражданами: дис. <...> канд. юр. наук. — Воронеж, 2004. — 196 с.

УДК 342.4

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_122

Петров Александр Васильевич,

доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»,
профессор кафедры теории государства и права,
конституционного и административного права,
Россия, г. Челябинск,
petrov_av2012@mail.ru

Жичкина Светлана Евгеньевна,

Уральский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Россия, г. Челябинск,
swetun87@mail.ru

Развитие российской государственности через призму формирования концепции прав и свобод человека и гражданина

Права и свободы человека и гражданина определяются в гл. 2 Конституции РФ. Так, в ст. 17 Конституции РФ указано: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. Права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Формирование и оформление идеи о правах и свободах человека и гражданина имеет длительную историю.

Идеи прав человека, личности, свободы зародились в эпоху античности (VI–V вв. до н. э.) в Древней Греции, а затем и в Древнем Риме. В

научной литературе выделяются идея о правах человека (Древняя Греция), а также законы в городах-государствах, которые носили характер «божественной справедливости». Значительный вклад в развитие идей о праве, законе, государстве, личности внесли такие философы, как Салон, Пифагор, Гераклит, Демокрит, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур и др. [1, с. 98].

Так, Салон определил закон и власть как сочетание права и силы и правового равенства, Сократ обосновывал соблюдение всеми жителями государства-полиса разумных и справедливых законов. Платон, в свою очередь, в проекте идеального государства говорил об отсутствии в нем частной собственности, о делении людей на свободных и рабов; им же признается равноправие женщин и мужчин [10, с. 65]. Аристотелем определена связь государства, права и прав индивида. Трактовка Эпикуром государства и права как договора между ними с целью общей пользы и безопасности заслуживает особого внимания и в настоящее время. Известное изречение древнегреческого философа Протагора «Мера всех вещей — человек» актуально и в наши дни. Мыслители, вошедшие в историю Древней Греции как софисты, выдвинули идею равенства всех людей по природе [6, с. 123]. Значительный вклад в создание теории естественного права внес Аристотель, выделивший такие понятия, как разумность и справедливость природы, совершенным элементом которой является человек. Аристотелю принадлежит также идея разделения властей, которая впоследствии получила дальнейшее развитие (Шарль Монтескье) [15, с. 56]. Эти идеи оказали существенное влияние на развитие правовых и философских концепций последующих поколений [7, с. 34].

Можно с абсолютной уверенностью говорить, что идеи о праве, свободе, справедливости, о справедливом государстве послужили фундаментом, основой для развития теории прав человека, гражданина, правового, справедливого государства, гражданского общества [12, с. 23].

Так, при формировании конституционной монархии в Англии был принят Билль о правах 1689 г., сущность которого можно обозначить следующим образом: свобода и неотъемлемые права и ценности являются установленными и узаконенными властью парламента, они будут действовать, сохранять силу, и пребывать законом королевства на вечные времена [17, с. 38].

Другим, не менее важным, документом является Декларация прав человека и гражданина 1789 г., относящаяся к законодательству Французской Революции. В Декларации определяются принципы свободы и равенства (п. 1). В ст. 11 Декларации прав человека и гражданина говорится: «...свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека...» В ст. 29 Конституции России «каждому гарантируется свобода мысли и слова». Таким образом, можно говорить о том, что значение Декларации не утрачено до настоящего

времени, а отдельные положения или их принципиальный смысл используются в современных конституциях, в том числе и в Конституции РФ. В Декларации прав и человека и гражданина 1795 г. продолжено развитие идеи свободы, равенства, безопасности, собственности (п. 1). Так, в п. 2 Декларации говорится: «Свобода состоит в возможности действовать не во вред правам другого». Равенство определяется таким образом, что «закон является равным для всех как в тех случаях, когда он охраняет, так и в тех случаях, когда он наказывает».

Декларация независимости США 1776 г. гласит: «Мы исходим из самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [17, с. 172].

В исторической ретроспективе можно обратиться к законодательству других государств Западной Европы, которое показывает неизбежность процессов определения прав и свобод человека и гражданина. Фундаментальные изменения общественных отношений в политической (ограничение монархии или полное ее отрицание — Республика превыше всего) и экономической (стремительное развитие капиталистических отношений) жизни, совершенствование морально-этических отношений требовали оформления идеи свободы в том философском, правовом виде, в каком эта идея воплотилась в западной философской правовой мысли [13, с. 18].

Философы, ученые XVII в. (Г. Гроций и Д. Локк), XVIII в. (Ж. Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Вольтер, В. фон Гумбольдт, Д. Вико и др.) заложили основу теории свободы и равенства как философско-правовой категории прав человека и гражданина [8, с. 56]. Т. Гоббс так определял естественное право: «... свобода всякого человека использовать свои собственные силы по своему усмотрению для своей собственной природы, собственной жизни и, следовательно, свобода делать все то, что, по его собственному суждению и разумению, является наиболее подходящим для этого средством». При анализе политико-правовых идей Т. Гоббса следует учитывать, что время его рассуждений приходилось на XVII в. — период английской монархии, ограниченной Биллем о правах 1688 г. Но сами идеи Т. Гоббса: свобода одинакова как при монархии, так и при демократии, свобода суверенна, носит подзаконный характер и много других — послужили дальнейшему развитию и совершенствованию идей о свободе, правах человека, соотношении этих понятий с государством и обществом. Так, в учении Д. Локка идеи естественного права и договорного происхождения государства интерпретированы в духе неотчуждаемых прав и свобод личности, разделения властей и правовой организации государственной власти, господства права в общественной и политической жизни [9, с. 280].

В эпоху Просвещения, которая характеризуется переходом от феодализма к капитализму, в общественно-политических идеях Запад-

ной Европы распространяется идея царства разума, справедливости в обществе, интересов свободного индивидуума. С. Пуфендорф популяризировал идеи естественного права в работе «О праве природы и праве народов в восьми книгах» 1672 г., а Г. Лейбниц в то же время объяснял, что корень свободы человека заложен в его разумности. Рассматривая понятие свободы, Лейбниц выделял две его составляющие: юридическую и фактическую. Одним из признанных мыслителей Просвещения по праву считается Вольтер. Свобода у Вольтера это прежде всего свобода личности, свобода индивида, частная свобода. Основой свободы личности служат свобода слова и свобода печати. Среди прочего Вольтер выделял свободу совести. Свобода проявляется в том, что люди перестают быть зависимыми друг от друга и становятся автономными субъектами.

Весьма интересно в этом отношении обратиться к идеям Ш. Монтескье, который в своих философско-правовых исследованиях обращал значительное внимание на проблему соотношения закона и совести. Свобода — это то, что дозволено законом. Ж. Ж. Руссо, в свою очередь, полагал, что целью всякой системы законов являются свобода и равенство, свободы без равенства не существует.

Рассматривая идею свободы как всеобъемлющую категорию, суть которой состоит в непрерывном и непрерывном развитии идеи равенства и прав человека, следует обратиться к философскому учению И. Канта, которым определяются такие категории, как «свобода воли», «бессмертие души», «бытие бога». Право по Канту это совокупность «условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [4, с. 274].

Кант отстаивал свободу индивида, моральную автономность личности, прав и свобод человека, идею республики: «...право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти» [5, с. 185].

Если у Канта свобода личности, ее права, правовое государство — суть должностования, то у Гегеля это действительность, воплощение разума в государственно-правовых формах наличного бытия людей. Человеческая свобода по Гегелю это результат деятельности работы духа. Идея свободы людей достигает своей полной реализации только тогда, когда она конституционно оформлена. Рассматривая внутреннее единство права и свободы, Гегель писал: «...право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли, тем самым право есть вообще свобода как идея» [3, с. 89].

Гегель по праву считается выразителем идеи гражданского общества, одним из основателей теории гражданского общества. Гражданское общество, писал Гегель, это область реализации свободы и права человека как частного лица, частных целей и интересов каждой отдельной личности. Указывая на правовую организацию государства

с целью реализации свободы для людей, Гегель писал о разделении государственных властей как публичной свободе [3, с. 228]. Философ отрицательно относился к деспотизму, т. е. состоянию беззакония, в котором особенная воля как таковая, будь то воля монарха или народа (охлократия), имеет силу закона или заменяет собой закон [3, с. 302].

История российской государственности, развитие таких фундаментальных понятий, как правовое государство, конституционализм, демократия, права человека, разделение властей, гражданское общество, получили свое распространение в Российской империи в XIX — начале XX в. Разработкой этих идей занимались К. Д. Кавелин, Б. Н. Чечерин, Т. Н. Грановский, Е. А. Кистяковский, П. Н. Милюков, П. И. Новгородцев, В. С. Соловьев, И. А. Покровский.

Необходимо заметить, что в России сложились два направления учений о российской действительности: западники и славянофилы. Это относится к решению вопроса о том, какой быть России: европейской (республиканской), с идеями равенства, свободы, гражданского общества, или абсолютной монархией, выражавшейся в известной триаде С. С. Уварова: Православие, Самодержавие, Народность.

Постепенно идеи равенства всех людей, неотчуждаемых прав и свобод человека получили свое распространение в царской России [14, с. 9] благодаря прежде всего известным философами В. С. Соловьеву и Н. А. Бердяеву.

Б. Н. Чечерин, опираясь на теории Канта и Гегеля, писал: «Свободная воля составляет, таким образом, основное определение человека как разумного существа. Именно поэтому он признается лицом и ему присваиваются права. Личность есть корень и определяющее начало всех общественных отношений» [18, с. 53]. Б. Н. Чечерин рассматривал проблемы личности, общества, личных прав, нравственного закона, свободы гражданского общества и государства, считал признание человека свободным лицом, величайшим шагом в построении гражданского общества и таким образом обосновывал идеи реформирования российского самодержавия [18, с. 56].

Идеи свободы и прав личности нашли свое место в трудах П. И. Новгородцева, полагавшего, что нравственный долг каждого — вложить свои усилия «в неопределенную перспективу грядущего», содействовать реализации нравственного принципа «свободного универсализма», осуществлению идеи свободной солидарности всех, в которой свобода и равенство лиц сочетаются с всеобщностью их объединений [11, с. 239].

В основе права у В. С. Соловьева лежит свобода как характеристический признак. Свобода лица, писал он, превращается в право только тогда, когда по общему правилу свобода признается за всеми. Таким образом: «Моя свобода как право, а не сила только прямо зависит от признания равного права всех других». Отсюда формулируется основ-

ное определение права: право есть свобода, обусловленная равенством. В этом основном определении права индивидуалистические начала свободы неразрывно связаны с общественным началом равенства — следовательно, можно сказать, что право есть не что иное, как синтез свободы и равенства [16, с. 243].

Свобода личности, свобода человека, понятие абсолютных и неотчуждаемых прав человека занимали центральное место в философско-правовых взглядах Н. А. Бердяева. Свобода духа, свобода совести, свобода мысли и слова — эти неотчуждаемые права человека Н. А. Бердяев признавал как идеальное право [2, с. 314].

Безусловно, невозможно в полном объеме привести позиции, идеи, философско-правовые обоснования учений, упомянутых в данной работе. Но можно сказать, что в рассматриваемый период сложилась целостная концепция исследуемой темы, которая впоследствии в той или иной мере отразилась в законодательстве царской России (Манифест 17 октября 1905 г.), советской России (Декларация прав народов России 1917 г., Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа 1918 г.). Идеи равенства прав и свобод человека находим в Конституциях России 1918, 1924, 1936, 1977 гг. Права и свободы гражданина современной России зафиксированы прежде всего в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. и в Конституции РФ 1993 г.

В научной литературе считается, что Манифест 17 октября 1905 г. стал кульминацией и законодательным закреплением политических требований Первой русской буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. Основной смысл Манифеста заключался в том, чтобы «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринимать силу без одобрения Государственной Думы.

До 1917 г. был принят указ «Об уравнивании крестьян в правах с другими сословиями». Указ от 11 декабря 1905 г. об изменении положения «О выборах в Государственную Думу» значительно расширил круг избирателей. В тот же период была отменена цензура. Правительство осуществило амнистию политических заключенных. Таким образом, самодержавная монархия декларировалась конституционной. Любопытно заметить, что в Европе политический строй того времени определялся как конституционная монархия при самодержавном монархе. Но в то же время Манифест провозглашал политические права и свободы: свободу совести, свободу слова, свободу собраний, свободу союзов и неприкосновенность личности. Можно сказать, что значение Манифеста заключалось в распределении функций между монархом-самодержцем и законодательным, представительным органом — Государственной Думой. Справедливости ради следует отметить, что мне-

ния по поводу исторической роли Манифеста как современников, так и тех, кто исследовал причины и условия событий 1905–1907 гг. и того, что происходило в последующие годы, если не диаметрально противоположны, то, во всяком случае, во многом не совпадали. В то же время заметны непоследовательность, нерешительность, неадекватность, зачастую двусмысленность принимаемых решений. Самое трагичное, что политический режим не видел, не понимал, не слышал надвигающейся катастрофы.

Непоправимое и по своим последствиям каккатастрофическое решение о вступлении Российской империи в Первую мировую войну в итоге привело к отречению императора Николая II от престола. Страна вступила в период буржуазно-демократической революции, Временного правительства, а впоследствии Октябрьской революции 1917 г., которую многие современные исследователи того периода называют Октябрьским переворотом. Однако эта тема требует отдельного объемного исследования.

В 1918 г. была принята первая Конституция (Основной Закон Российской Социалистической Федеративной Советской Республики). Важно обратить внимание на следующее: впервые в истории России вводится термин Конституция, определяются форма государственного устройства — федеративная (на основе свободного союза, свободных наций) и форма правления — Советская Республика. Суть Конституции 1918 г. заключалась в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства (гл. 5 Конституции 1918 г.). В п. 10 говорится: «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся».

В Конституции признавалась свобода собраний, митингов, шествий. Для этого должны быть предоставлены помещения с обстановкой, освещением и отоплением (п. 15 гл. 5 Конституции). Конституция гарантировала полное, всестороннее, бесплатное образование (п. 17 гл. 5 Конституции).

Следует учитывать, что Конституция была принята в сложный период Гражданской войны, политики военного коммунизма. Эти события не позволяют говорить, что основные положения Конституции могли применяться в полном объеме. Но то, что это был документ совершенно нового порядка, определявший форму правления, государственного и политического устройства, является абсолютным и безусловным фактом.

Следующая Конституция была принята в январе 1924 г. Она закрепила новое государственное объединение республик как федерацию, установила систему высших органов власти СССР и союзных республик. Новая Конституция, принятая в мае 1925 г., объявила РСФСР федеративным государством с автономными образованиями. По своему содержанию Конституция 1924 г. и Конституция 1925 г. в основном

дополняли друг друга, определяли новые органы власти: президиумы исполнительных комитетов, местных советов, а также полномочия советов всех уровней, порядок их выборов; декларировали «взаимное доверие и мир», национальную свободу и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Принятием Конституции 1936 г. законодательно закреплялась победа социалистического строя в СССР, определялось четкое государственное устройство. Союзные республики имели свои конституции, учитывавшие особенности каждой. В Конституции провозглашался принцип равноправия граждан СССР независимо от их национальности и расы: всякое ограничение прав или, напротив, установление прямых либо косвенных преимуществ граждан должно караться законом (ст. 123 Конституции 1936 г.). Статья 125 гарантировала свободу слова, печати, свободу собраний и митингов, свободу уличных шествий и демонстраций, а в ст. 126 предусматривалось развитие организованной и политической активности народных масс, которое должно было обеспечиваться правом объединения в общественные организации.

Неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки охранялись законом. Конституция 1936 г. по праву является одним из документов, в котором в полной мере закреплялись права человека и гражданина. Вопрос заключался в том, как применялись нормы Конституции и, более того, применялись ли они в полном объеме вообще. Политические, экономические, социальные события того периода, связанные с индустриализацией, коллективизацией, репрессиями, подробно описаны в научной литературе. Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства, сложные перипетии внутриполитической борьбы в руководстве государства — все это и многие факторы, связанные с абсолютизированной идеологией коммунистического строительства, в итоге стали результатом принятия «брежневской» Конституции 1977.

В Конституции 1977 г. сохранялась преемственность идей и принципов Конституций 1918, 1924, 1936 гг., устанавливались права, свободы и обязанности граждан. Граждане СССР объявлялись равными перед законом, что обеспечивалось во всех областях жизни: экономической, политической, социальной. Женщины и мужчины имели в СССР равные права (ст. 35 Конституции).

В гл. 7 Конституции определялись основные права и свободы граждан СССР, в том числе политические и личные права и свободы, провозглашенные и гарантируемые Конституцией СССР, закреплялось право на труд, отдых, материальное обеспечение в старости, право на жилище, право на бесплатное образование.

Не ставя целью полный и всесторонний анализ Конституции 1977 г., можно констатировать, что в ней в том или ином виде нашли свое отражение многие идеи мыслителей Европы и России XVIII–

XIX вв. Последующие события были связаны глубочайшими изменениями в общественной, политической, экономической и социальной жизни страны и привели к принятию Конституции 1993 г.

Принятие Конституции 1993 г. принципиально изменило политическую, социальную и экономическую сущность государства. В гл. 2 Конституции определялись права и свободы человека и гражданина, которые являлись непосредственно действующими (ст. 18). В Конституции закреплялся принцип равенства всех перед законом и судом, провозглашались охрана государством достоинства личности, (ст. 21), право каждого на свободу, личную неприкосновенность (ст. 22), неприкосновенность частной жизни (ст. 23), неприкосновенность жилища, свобода передвижения, свобода совести, свобода мыслей и слова, свобода собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования.

Идеи прав и свобод человека и гражданина исследовались, развивались, трансформировались и находили свое отражение в законодательстве и конституциях разных периодов исторического развития Российского государства. Вопрос о механизме исполнения и практического воплощения принципов в развитии общества и государства требует своего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. *Аристотель*. Собр. соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1986. — Т. 4. — 421 с.
2. *Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека. — М.: Республика, 1996. — 394 с.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 216 с.
4. *Кант И.* Соч. — М.: Мысль, 1990. — 356 с.
5. *Кант И.* К вечному миру: Трактаты о вечном мире. — М.: Соцгиз, 1963. — 276 с.
6. *Кассен Б.* Эффект софистики. — М.; СПб.: Университетская книга. Культурная инициатива, 2000. — 313 с.
7. *Малинова И. П.* Философия права (от метафизики до герменевтики). — Екб.: Изд-во Уральск. гос. юр. акад., 2004. — 181 с.
8. *Нерсесянц В. С.* Философия права. — М.: Норма, 1999. — 353 с.
9. *Нерсесянц В. С.* История политических и правовых учений: учеб. для вузов. — М.: Инфра-М-Кодекс, 2015. — 381 с.
10. *Нерсесянц В. С.* Платон: Из истории политической и правовой мысли. — М.: Норма, 2016. — 297 с.
11. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. — М.: Мысль, 1990. — 441 с.
12. *Петров А. В., Жичкина С. Е.* Метафизический дуализм в диалектическом определении собственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2016. — Т. 16, № 1. — С. 22–27.

13. *Петров А. В., Жичкина С. Е.* Формирование теории социального государства в работах классиков немецкой философии // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2015. — № 4 (359). — С. 17–20.

15. *Соловьева А. А.* Справедливость в праве: моногр. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. — 211 с.

16. *Соловьев В. С.* Нравственность и право. — М.: Современник, 1991. — 272 с.

17. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. — М.: Проспект, 2006. — 420 с.

18. *Чичерин Б. Н.* Философия права. — М.: URSS, 2017. — 312 с.

УДК 349.2

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_131

Корнелик Федор Иосифович,

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,

старший преподаватель кафедры предпринимательского права,

Россия, Санкт-Петербург,

fcornelik60@inbox.ru

Особенности правового регулирования и тенденция развития института самозанятых

В 2019 г. вступил в силу федеральный закон №-422 ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”». Он регулирует работу самозанятых граждан, количество которых, по исследованиям ФСИН, на весь период 2019 г. составило более 300 000.

Легализация самозанятости стала необходимой мерой для государства, поскольку в 2018 г. более 25 млн жителей получали прибыль, не имея трудового договора. Для жителей 23 регионов России стали доступны многие виды деятельности. На самом деле ОКВЭД-2 включает более 65 видов деятельности, но ограничения на некоторые из них, прописаны только для самозанятых.

Возникновение института самозанятых связано в первую очередь с тем, что это одна из возможностей не только реализовать свои трудовые навыки, профессиональные способности, умение и опыт с целью получения вознаграждения для удовлетворения своих личных по-

требностей, потребностей семьи, решения хозяйственных и бытовых вопросов, но и воспользоваться конституционным правом на труд, а также заниматься своим любимым делом [2, с. 73].

Результат и соответствующий доход здесь зависит не столько от способности к труду и желания ее применить, сколько от результата такого труда, направленного на выполнение некоторых видов работ и оказание отдельных услуг. Предполагается, что основная деятельность данной категории работающих лиц связана с производством и продажей потребительских товаров (товаров собственного производства), выполнением необходимых для заказчика работ и оказанием отдельных видов услуг (клининговые услуги, транспортные услуги, репетиторство, работы по настройке и ремонту бытовой техники, услуги няни и др.), т. е. в основном заниматься деятельностью, не требующей специальных разрешений и лицензий. В силу своей деятельности самозанятые имеют возможность контактировать с большим количеством заказчиков. Труд у них самостоятельный, саморегулируемый и свободный, а значит, они также могут избегать финансовой и организационной зависимости от вышестоящего начальства или каких-либо инвесторов. Особенность самозанятости характеризуется тем, что работник и работодатель находятся в неразрывной связи — совмещаются в одном лице.

Все вышеизложенное дает возможность определить понятие самозанятого: это физическое лицо или индивидуальный предприниматель, которые получают доход от своей деятельности (лично используя свои профессиональные навыки и производственный опыт), не прибегая к услугам работодателя и без привлечения наемной трудовой силы, а также доход от сдачи в пользование собственного имущества.

Тем, кто желает оформить вышеназванный статус, законом разрешено вести следующую деятельность:

- 1) производство собственной продукции с последующей ее продажей;
- 2) онлайн-услуги (например, работа дизайнера, Интернет-маркетолога и т. д.);
- 3) сдача жилого помещения (квартиры или комнаты) на длительное время;
- 4) услуги фотографа, занятие видеосъемкой;
- 5) сфера перевозок (например, такси, доставка грузов);
- 6) проведение ремонта и услуги разнорабочих мастеров с вызовом на дом;
- 7) оказание услуг по дому и уходу за малолетними детьми (горничные, няни и т. п.);
- 8) деятельность в области программирования;
- 9) консультирование по юридическим и бухгалтерским вопросам;
- 10) деятельность в области косметологических услуг;

11) бытовые услуги (швеи, парикмахеры);

12) другие виды деятельности.

Все эти профессии объединяют две общие черты.

Во-первых, в их основе, как правило, лежат действия, не связанные со сложными технологическими и производственными процессами, а поэтому они не требуют получения соответствующих разрешений и лицензий.

Во-вторых, сам факт работы в силу ее разъездного характера, частой смены рабочего места или работы с применением информационных технологий очень трудно отслеживается.

Считается, что основные факторы распространенности самозанятости на российском рынке труда, в том числе неконтролируемой и не учитываемой трудовой занятости отдельных слоев населения, во многом связаны со слабым правовым регулированием таких отношений, общим уровнем социально-экономического развития страны, отсутствием стимулирующих факторов для занятия такой деятельностью и невозможностью в полной мере реализовать себя в труде (профессии, специальности и роде деятельности), а также с несовершенством системы налогообложения. Все эти факторы волнуют не только лиц, заинтересованных в прозрачности и доступности при формировании института самостоятельной занятости населения. Они также являются предметом исследования российских и зарубежных ученых и практиков.

Специфика отечественной самозанятости связана с ее вынужденным характером. Определяющим аргументом выбора гражданами такого вида занятости независимо от ее юридического статуса (официальная или неофициальная) является изыскание возможности повышения своих доходов в рамках правового поля. Это справедливо по отношению и к тем, для кого данная профессиональная деятельность является основным и единственным источником дохода, и к гражданам, которые осуществляют такую деятельность в свободное от основной работы время.

Применять специальный налоговый режим могут физические лица, занятые такими видами деятельности, в отношении которых законодательство не требует обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. При этом даже прошедшие регистрацию в качестве индивидуальных предпринимателей не теряют права на применение специального режима (ч. 1, 6 ст. 2 федерального закона от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ). У физических лиц не должно быть работников, с которыми заключены трудовые договоры, а доход, который учитывается при определении налоговой базы по специальному налоговому режиму, не должен превышать в текущем году 2,4 млн руб. (п. 4, 8 ч. 2 ст. 4 федерального закона от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ).

Согласно закону, индивидуальным предпринимателям предоставлена возможность перейти на специальный налоговый режим, не меняя

при этом статуса, или войти в категорию лиц, применяющих налог на профессиональный доход как физическое лицо, без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Индивидуальные предприниматели при переходе на уплату налога на профессиональный доход обязаны отказаться от применения других налоговых специальных режимов (ст. 15 федерального закона от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ).

Как только индивидуальный предприниматель стал самозанятым, он должен уведомить ИФНС о прекращении применения УСН, ПСН, ЕНВД или ЕСХН. Уведомление необходимо направить в налоговую инспекцию в течение месяца со дня постановки на учет в качестве самозанятого.

Индивидуальный предприниматель считается прекратившим применение другого налогового специального режима со дня постановки на учет в качестве самозанятого. В случае направления уведомления с нарушением месячного срока или ненаправления такого уведомления постановка указанного лица на учет в качестве самозанятого будет аннулирована.

Если в текущем году доходы самозанятого индивидуального предпринимателя превысили 2,4 млн руб., он утрачивает статус плательщика налога на профдоход. Индивидуальный предприниматель, утративший статус самозанятого, вправе уведомить ИФНС о переходе на иной специальный режим в течение 20 календарных дней с даты снятия с учета в качестве самозанятого. В этом случае он признается перешедшим на другой налоговый специальный режим с даты снятия с учета.

В качестве преимуществ новой системы налогообложения можно указать упрощенную регистрацию самозанятых, упрощенный электронный документооборот с налоговыми органами и уплату налогов посредством мобильного приложения «Мой налог».

Следует отметить, что, по мнению ряда экспертов, данный подход к регулированию деятельности указанных лиц способен повлечь за собой негативные и нежелательные последствия, поскольку может привести к значительным бюджетным потерям. Так, например, предприниматели для «оптимизации налогов» могут воспользоваться данным режимом, т. е. будут вполне легально привлекать к работе самозанятых, вместо того чтобы оформлять работников по трудовому договору. В этой ситуации предпринимателю не нужно платить страховые взносы за работника (30%), а работник не платит НДФЛ (13%), а лишь оплачивает проценты по специальному налоговому режиму, которые составляют значительно меньшую величину необходимых отчислений (6% в случае если услуги оказываются индивидуальным предпринимателям или юридическим лицам) [3, с. 70].

Анализируя вопросы о дальнейших перспективах развития института самозанятых, стоит отметить, что государственному регули-

рованию деятельности группы граждан, которые предпочитают регистрироваться в рассматриваемом статусе, препятствует отсутствие в российском законодательстве единого для всей законодательной системы определения «самозанятость», а также общепринятых критериев отнесения граждан к самозанятым [1, с. 76].

Неясной остается методика контролирования некоторых «санитарных» видов деятельности самозанятых, например работы пекарей и кондитеров. Будут ли их проверять налоговые инспекторы так же, как предпринимателей, а при наличии нарушений — штрафовать? На данный момент вопрос остается риторическим.

Не все налогоплательщики готовы присоединиться к новому налоговому режиму, поскольку в связи с нестабильностью рынка труда доходы самозанятых носят непостоянный характер. Еще одной причиной служит неправильное понимание гражданами системы расчета налога. Они ошибочно думают, что налог рассчитывается с каждого поступления на карту. На самом деле налоговая база определяется доходом, который был подтвержден самим налогоплательщиком, что в полной мере отражает основной принцип налога для самозанятых: добровольность. К плюсам также можно отнести возможность получения кредитов, заключения договоров, начисление трудового стажа, а также участие в программах поддержки малого бизнеса. Но все эти плюсы покрываются явным минусом: слабой программой государственной поддержки в связи с постоянными изменениями законодательства. Поэтому переход будет протекать медленно.

Таким образом, самозанятость — это деятельность, в результате которой физическое лицо получает вознаграждение за свой труд напрямую от заказчика, без посредничества работодателя. К ее характеристикам также можно отнести:

- отсутствие сотрудников в офисе;
- годовой доход не более 2,4 млн руб.;
- льготы по уплате налогов (в отличие от ИП);
- считывание всех налоговых поступлений с приложения.

Указанные особенности коренным образом отличают самозанятость от индивидуального предпринимательства и раскрывают полную картину такого способа ведения собственного дела.

Создание благоприятной предпринимательской среды будет стимулировать самозанятых граждан «выходить из тени» и работать легально, в официальной экономике. В данном случае важна последовательность государственной политики касательно упрощения регистрации бизнеса и налоговых преференций.

Государство должно использовать перевод самозанятых в формальное качество в первую очередь как меру стимулирования малого бизнеса, но не как источник пополнения казны. В сложной экономической ситуации в России, обусловленной санкциями западных стран

и эпидемией коронавируса, именно социальный эффект от создания комфортных условий для самозанятых нужно признать важнейшим последствием реформ и именно на его достижение должны быть устремлены все силы государства.

Список литературы

1. Бакулина Л. В. Перспективы развития системы налогообложения самозанятых граждан // Мир науки и образования. — 2018. — № 2 (14). — С. 74–77.

2. Карсетская Е. В. Самозанятые: налог на профессиональный доход. — М.: АйСи Групп, 2019. — 73 с.

3. Шубаев Е. А. Статус гражданина, зарегистрированного в качестве самозанятого, и проблемы налогообложения доходов самозанятых лиц // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2019. — № 2. — С. 66–72.

УДК 37.013

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_136

Иванова Галина Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент,

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,

доцент кафедры гуманитарных

и социально-экономических дисциплин,

Россия, Санкт-Петербург,

Ga_iv@mail.ru

Принцип поликодовости в образовательном процессе юридического вуза

Ключевое понятие код (*фр.* code) представляет собой совокупность знаков (символов) и систему определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания) [1].

Принципом обосновывается выбор той или иной технологии взаимодействия, направленной на достижение образовательного результа-

та. Принцип поликодовости характерен для современного сложно организованного педагогического процесса (целеполагание, содержание, методы, технологии, формы, средства и результаты педагогического взаимодействия «обучающий — обучаемый»). Следует выделить:

- поликодовость информации — условие отбора и структурирования содержания образования, учебной информации;
- поликодовость технологий — реальность современного учебного взаимодействия;
- поликодовость средств — чувственно воспринимаемые ресурсы, электронные ресурсы, ресурсы на материальном носителе и пр.;
- поликодовость продуктов деятельности обучающихся — социокультурные коммуникации и практики.

В информационном обществе произошли изменения в хранении и трансляции разнородной информации в разных сферах деятельности, что требует от юриста не только профессиональных, но и общекультурных компетенций. Опираясь на то, что восприятие происходит через органы чувств, ученые предполагают, что кодирование информации окружающего мира осуществляется по тем же каналам. Соответственно, можно выделить пять основных (первичных) типов культурных кодов по способу восприятия: а) визуальные; б) телесные (тактильные); в) слуховые (аудиокоды); г) коды обоняния; д) вкусовые коды. Затем следуют коды естественные (словесные языки) и искусственные (языки науки, цифровые коды). Языки культуры принято относить к вторичным кодам — это коммуникационные структуры, которые надстраиваются над уровнем естественных языков (мифы, религия, искусство).

Стоит подчеркнуть, что в культурном пространстве современного общества на первый план стала выходить не только социально ориентированная деятельность человека, но и деятельность, связанная с производством, осмыслением, трансляцией и хранением информации. В более широком смысле это разнообразие воплощается в кодах — языках культуры: вербальных; кодах искусства, науки; естественных (вербальный язык), искусственных (языки программирования).

1. Коды познания/освоения мира: когнитивные коды, выступающие в виде строительных элементов картины мира.

2. Мировоззренческие (ментальные) коды: а) совокупность элементов морально-нравственного сознания, отношения и поведения (идеалы, ценности, нормы, принципы, образцы, традиции, обычаи, стереотипы, ритуалы); б) исторически сложившиеся национально-культурные коды («духовные скрепы», «историческая память» и др.).

3. Коды социального взаимодействия: а) социальные практики; б) социальные коммуникации (реальные и виртуальные — сетевые).

В целом современную эпоху можно назвать эпохой поликодовой коммуникации, в которой для педагогической деятельности значимо следующее:

1) одновременное сосуществование различных видов и сфер коммуникации;

2) разнообразие объектов коммуникации (печатные и цифровые, изобразительные и пр.);

3) свободное сочетание различных видов коммуникации субъектом культуры, обеспечивающее креативность и минимальную зависимость субъекта деятельности.

Особый интерес представляет *культурный код* как глубинный уровень смысла, феномен, позволяющий транслировать культурные модели и типы для сохранения преемственности поколений. Система особых смыслоразличимых признаков — кодов культуры выступает в качестве посредника между реальностью и отражающей ее знаковой системой. К кодам культуры можно отнести культурные универсалии: понятия, выражающие характеристики культурного опыта, значимые для любой культуры (огонь/вода, смех/слезы, детское/взрослое, труд/игра, самобытное/уникальное и т. п.), черты культурных явлений, которые встречаются в любых культурах (древних и новых, малых и больших). Совокупность знаковых систем, выступающих средством и способом выражения содержания, формообразования, смыслообразования (языков — средств, кодов — способов, моделей, правил), создает картину мира личности, социума, этноса, нации, культуры в целом. Без знания кода текст культуры окажется для человека непонятным, чуждым, что может привести к «шумам» и «помехам» коммуникации.

Человек живет в созданной им самим информационной среде: в мире предметов и явлений — знаков, в которых закодирована разнообразная информация. Информационная основа современности выражается в социально-культурных изменениях, приведших к возникновению различных информационных субкультур, поликодовости в коммуникации.

Понятие поликодовости предшествовало появлению цифровой и медиакоммуникации (массовой коммуникации). Изначально оно использовалось в текстовой лингвистике и характеризовало вербальную и невербальную коммуникацию. Атрибутами большинства современных медиатекстов являются различные виды изобразительной информации: схемы, таблицы, фотографии, карикатуры и др. При этом «смыслы, заложенные автором в невербальных знаках, могут приобретать совсем иную по сравнению с вербальным текстом интерпретацию. Изобразительный ряд принимает на себя те функции сообщения, которые не может передать новостной текст в силу своей специфики» [3, с. 176].

Термин был введен Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом в 1974 г. Авторы относили случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо семиотической системы (изображение, музыка и т. п.), т. е. невербальных средств, сопровождающих письменную речь. И поликодовыми выступали тексты, включающие разные знаковые системы.

Информационные технологии в современной культуре привели к социально-культурным изменениям и как следствие к возникновению различных информационных субкультур, к поликультурности и появлению поликодовой коммуникации. В сложно структурированной коммуникации типовые коды, создаваемые на основе образа, понятия и денотата, осложняются коннотативными, этнокультурными компонентами и внутрисистемными языковыми значениями (парадигматическими и синтагматическими), появляются поликодовые тексты — тексты, организованные комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем (их еще называют «креолизованными текстами», «полисемическими текстами», «синкретическими сообщениями», «медиа-текстами», «полиморфными текстами» и т. д.).

Таким образом, специфика культуры педагога как участника образовательного процесса связана с гибкостью в освоении современных подходов и технологий взаимодействия с информацией, в частности цифровой педагогики, медиаобразования, поликодовой коммуникации и пр.

Современное информационное общество сочетает множество компонентов, среди которых особое место занимают новые способы знаково-символического преобразования реальности в культуре, образовании, профессиональной деятельности. Овладение способами знаково-символического преобразования информации заложено в содержании общекультурных компетенций, которыми следует овладеть обучающимся как универсальным результатом образования. Достижению этих результатов может способствовать обращение в педагогическом процессе к активным поликодовым педагогическим технологиям.

- Кейс-стади (технология ситуационного анализа). Кейс (*англ.* случай, ситуация) — это разбор ситуации или конкретного случая, деловая игра. Представленный для анализа случай должен отражать реальную жизненную ситуацию, а в описании должна присутствовать проблема или ряд неких затруднений, противоречий, скрытых задач для решения исследователем. В процессе работы над кейсом часто требуется дополнительная информационная подпитка самих участников работы. В итоге учащиеся находят собственные решения проблемной ситуации, часто неоднозначные. Самое важное здесь то, что такая игра выходит за пределы учебного пространства, в сферу профессиональных решений проблем в данной области знаний, формирует интерес и профильную мотивацию.

- Ментальные карты (интеллект-карты; *англ.* mind maps). Это разработка Тони Бьюзена — известного писателя, лектора и консультанта по вопросам интеллекта, психологии обучения и проблемам мышления. Интеллект-карты являются графическим представлением информации, которое передает отношения между отдельными идеями и концепциями, вносит порядок в хаос и помогает увидеть полную картину. В классических версиях основная мысль или идея рисуется в цен-

тре ментальной карты, а все дополнительные – вокруг. Можно рисовать ментальные карты по-разному, в свободной форме. Главное, чтобы фиксируемый ход мыслей был понятен. Педагоги могут использовать интеллект-карты для развития критического мышления обучающихся и для сотрудничества в аудитории. Всем участникам педагогического процесса «карты ума» нужны для раскрытия творческого потенциала, решения проблем и визуализации целей.

- Событийные (ивент-технологии) — технологии организации и проведения массовых мероприятий (флешмобы, квесты, реконструкции) обеспечивают интерактивность в образовании.

- Перевернутое обучение (*англ.* Flippedlearning) — технология обучения, которая предполагает самостоятельное изучение основной и дополнительной учебной информации (10–15-минутные аудиовидео-лекции в сети). Затем на практических занятиях студенты решают задачи вместе с преподавателем. Технология имеет плюсы и минусы, но увеличивает аудиторное время для занятий семинарского и практического типа. Вопрос в том, как организовать «домашний» этап перевернутого обучения, сетевое взаимодействие с преподавателем, однокурсниками и другими участниками персональной учебной сети.

- Дистантное (дистанционное) обучение — получение образовательных услуг без посещения вуза, с помощью современных информационно-образовательных технологий и систем телекоммуникации, таких как электронная почта, телевидение и Интернет-обучение. С помощью компьютерных систем можно принять экзамен, выявить ошибки, дать необходимые рекомендации, провести онлайн практические занятия, открыть доступ к электронным библиотекам и базам данных, быстро найти нужную цитату, абзац, параграф книги, посмотреть виде-фильм и пр. Учебные курсы сопровождаются кейсами. К недостаткам можно отнести то, что «экстернат, заочное обучение, дистантное обучение лишают студента его полноценного «teaching» (главным компонентом которого является живое общение учителя с учащимися и без которого невозможно формирование любви к будущему ученику)» [2].

Обобщая сказанное, подчеркнем ряд моментов.

1. Принцип поликодовости в образовании — это принцип взаимосвязанного использования возможностей всех знаковых систем (кодов) в образовательном процессе для достижения образовательных целей и обеспечения требуемого качества образования.

2. Методологической основой реализации принципа поликодовости в образовании выступает информационно-семиотический подход, который приводит к осмыслению культуры как системы кодов. Семиотика, или семиология (греч. знак, признак), — наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем.

3. В целом код — это средство и способ организации и структурирования, при помощи которого развиваются современные педагогиче-

ские отрасли (арт-педагогика, цифровая педагогика), разрабатываются и внедряются новые интерактивные средства обучения (электронный учебник и электронная форма учебника — ЭФУ).

4. Способы передачи социального опыта в культурологии называются культурными кодами. Они позволяют транслировать знания о мире, навыки и умения в данной культурной эпохе в виде модели, узлами которой являются мыслеобразы, концепты, тексты, ритуалы, стереотипы, символы и другие выражения-знаки, обобщающие значения и смыслы.

Таким образом, в новейшее время взаимодействие выступает необходимым условием сохранения и развития межкультурного диалога и диалога культур, чтобы избежать вырождения коммуникации в симулякр — видимость, в которой выхолащены ценностно-смысловые мотивы и нравственные ориентации личности.

Таким образом, основная проблема коммуникации в культуре — проблема понимания культурного кода, эффективности культурного диалога как во времени (диалога между культурами разных эпох), так и в пространстве (диалога разных культур, существующих одновременно). Идея культурного кода разрабатывается в семиотике и культурологии (У. Эко, Ю. Лотман, Ф. Сосюр, Н. Луманидр.).

Исходя из того, что подрастающее поколение — это активные создатели информационного пространства, субъекты и объекты диалога в культуре и диалога культур, современный педагог, на наш взгляд, должен быть достаточно подготовлен для коммуникации в различных знаковых системах. Из этого следует, что важно формировать преподавателей высшей школы нового информационного типа, способных к поликодовой коммуникации на основе взаимосвязи словесной (устной и письменной) и цифровой информационной культуры, что позволит формировать общекультурные компетенции студентов, сохранить духовные связи с культурным прошлым и оптимистически смотреть в будущее.

Список литературы

1. КОД. Большой Энциклопедический словарь // Академик: сайт. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/158262> (дата обращения: 02.07.2020).

2. Образовательная специфика дистантного обучения // Studwood: сайт. — URL: https://studwood.ru/1974376/pedagogika/obrazovatel'naya_spetsifika_distantnogo_obucheniya (дата обращения: 02.07.2020).

3. *Сподарец О. О.* Поликодовость как ключ к новостному политическому медиатексту // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 171–176.

Чежидов Максим Сергеевич,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского»,
аспирант кафедры административного и финансового права,
Россия, Нижний Новгород,
maksim-chezhidov@yandex.ru

Классификация и виды правонарушений за нарушение законодательства в сфере финансового рынка

Роль финансового рынка в современной мировой экономической системе весьма значима. Он активно влияет на перераспределение финансовых ресурсов, и от степени его сформированности зависит уровень развития экономики каждого государства.

Финансовый рынок — это институт экономической системы, строго контролируемый органами государственной власти. Нарушение законодательства в данной сфере предполагает юридическую ответственность [4, с. 161].

В широком понятии финансы — это денежные фонды государства, предназначенные для удовлетворения потребностей общества и осуществления производства. С точки зрения экономики под финансами понимаются денежные отношения по созданию, распределению и использованию государственных фондов денежных средств и их территориальных подразделений, а также образований реального сектора экономики, которые необходимы для обеспечения расширенного воспроизводства, государственной безопасности и удовлетворения потребностей общества. В праве под финансами подразумеваются общественные отношения по образованию, распределению и использованию фондов денежных средств, регулируемые нормами права [3, с. 10–11].

Обеспечение законности и правопорядка на финансовом рынке регулируется законом. Административные правонарушения в области финансов законодательно регламентированы в гл.15 Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 31.07.2020).

Под нарушением прав в сфере финансов понимается противоправное действие в отношении общества, характеризующееся опасностью и виной, посягающее на финансовые отношения, состоящие из объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон и норм финансовой ответственности за реализацию данных нарушений прав [1, с. 48].

В отношениях финансового характера, возникающих в процессе реализации, распределения или использования денежных средств из

определенных фондов, может возникнуть обстоятельство нарушения прав и интересов той или иной стороны данных отношений — это и есть объект финансовых правонарушений.

Объективная сторона финансового правонарушения состоит из действий (бездействия) субъектов финансовых отношений, материального или нематериального ущерба, нанесенного обществу, и причинно-следственной связи между вышеперечисленными составляющими.

Субъект финансового правонарушения представляет участник финансовых правоотношений — физическое или юридическое лицо.

Субъективная сторона характеризуется тем, что для привлечения лица к финансовой ответственности его должны признать виновным.

Финансовые правонарушения могут формировать состав дисциплинарных, административных или уголовных правонарушений — в этом и заключается ключевая особенность такого вида правонарушений.

Под составом финансового правонарушения понимается комплексное нормативно регламентированное описание характерных признаков виновного противоправного действия, которое отступает от норм отношений в сфере финансов и за которое предусмотрена установленная законом финансово-правовая ответственность.

Правонарушения в финансовой области обладают определенными признаками.

1. Противоправное деяние выражается в форме действий или бездействия, т. е. юридическое или физическое лицо либо совершает действия, нарушающие нормы финансового права, либо не совершает их.

2. Материальную или нематериальную опасность для общества не всегда можно связать с задачей имущественного ущерба публичным интересам.

3. Под волевым действием подразумевается активное и осознанное деяние субъекта финансово-правовых отношений, характеризующееся вредом, наносимым обществу, неисполнением требований налогового законодательства. Волевое деяние также характеризуется бездействием субъекта финансово-правовых отношений в форме невыполнения им своих обязанностей.

4. За совершение противоправных деяний предусмотрены меры финансовой ответственности.

5. Признание вины за совершенное деяние является необходимым условием, приводящим к финансовой ответственности [1, с. 49].

Правонарушения в финансовой сфере классифицируются по следующим признакам:

- 1) мера финансово-правовой ответственности;
- 2) особенность отрасли, регламентирующей меры ответственности правовых норм;
- 3) правомочный орган, принимающий решения;
- 4) субъект правонарушения;

5) количество нормативных правовых актов юридической ответственности;

6) система правовых норм [2, с. 190].

По первому признаку правонарушения в финансовой сфере подразделяются на административные, в сфере бюджетного регулирования, налогового и валютного контроля. Нормы ответственности за перечисленные правонарушения регламентированы КоАП РФ, Бюджетным и Налоговым кодексами РФ, законодательством РФ, контролирующим валютную сферу, и другими правовыми актами федерального уровня соответственно.

Административные правонарушения посягают на отношения в процессе государственного управления, бюджетные — на отношения в сфере организации бюджета государства, налоговые — в области налогообложения, валютные, соответственно, касаются валютных правовых отношений.

Правонарушения в финансовой сфере по второму признаку делятся на правонарушения в сфере финансовых отношений, установленные нормами КоАП РФ, Бюджетного и Налогового кодексов РФ, законодательства РФ, регламентирующего деятельность кредитных организаций (федеральными законами «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», «О банках и банковской деятельности») и законодательства в сфере валютного регулирования (федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле»).

Правонарушения в финансовой сфере по следующему признаку предполагают правонарушения, находящиеся в юрисдикции судей, федеральных служб финансового, бюджетного и налогового надзора, Федеральной службы по финансовому мониторингу, официальных представителей Банка России и уполномоченных ст. 23.74 КоАП РФ лиц на рассмотрение конкретных дел (ч. 1–4 ст. 15.27 КоАП РФ).

Субъектами правонарушений в финансовой сфере выступают: физические, должностные и юридические лица.

Классификация финансовых правонарушений по пятому признаку предполагает простые и смешанные правонарушения. Нормы одного нормативного правового акта устанавливают меры ответственности за реализацию простых правонарушений, смешанные правонарушения и нормы ответственности за их совершение регламентируются рядом нормативных правовых актов.

Правонарушения в финансовой области в соответствии с конструкцией правовой нормы подразделяются на простые (конструкция их правовой нормы состоит из одной части, в нее не входят квалифицирующие признаки) и сложные (конструкция имеет две и более части, а также квалифицирующие признаки) [2, с. 190].

Термин «финансовое правонарушение» в узком смысле предполагает базирование классификации правонарушений на признаке отрас-

левой принадлежности. Правонарушения в сфере финансового рынка, предусмотренные законодательством, бывают следующих видов: бюджетные, налоговые, валютные, банковские и правонарушения в сфере общеобязательного государственного пенсионного и социального страхования и т. д. [1, с. 50].

В основе классификации в более широком значении — объект правонарушения — финансовые отношения:

а) преступления, посягающие на отношения в финансовой сфере (ст. 192–194, 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ);

б) административные правонарушения, посягающие на отношения в финансовой сфере (ст. 15.1–15.26 КоАП РФ);

в) правонарушения в области налоговых отношений, бюджетного регулирования, в валютной сфере и банковском секторе.

Далее более подробно рассмотрим подвиды правонарушений в финансовой сфере, исходя из особенностей отрасли, регламентирующей меры ответственности, и правовых норм.

В соответствии с нормами НК РФ «налоговое правонарушение» подразумевает виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние субъекта налоговых отношений, за которое в НК РФ зафиксированы конкретные нормы ответственности.

Объектом правонарушения в области налогового регулирования являются общественные отношения, которые возникают в результате совершения налоговых и других обязательных платежей в государственные бюджетные и внебюджетные фонды, регулирующие регламентированную схему формирования долга по налогам лиц, осуществляющих соответствующий платеж, механизм начисления, уплаты и взыскания налогов, а также публикации обязательной налоговой отчетности (в части ее достоверности в том числе) и ее контроля.

Признаками налогового правонарушения являются:

— налоговая противоправность как осуществление деяния, не соответствующего нормам законодательных нормативных правовых документов в налоговой области;

— налоговая наказуемость;

— неразрывная связь между деянием и его противоправностью.

Правонарушения в сфере налогообложения совершаются в виде полного бездействия (непредставление обязательных форм отчетности, установленных налоговым законодательством (ст. 119 НК РФ)) и/или в виде действий/бездействия (грубое нарушение правил учета доходов и расходов и объектов налогообложения (ст. 120 НК РФ));

— признак виновности; законодательно регламентируется вина по умыслу и по неосторожности, а также по опасности для общества.

Налоговым правонарушениям присущи следующие категории родовых объектов: отношения, создающие механизм взимания налогов

и иных обязательных платежей в установленных объемах и сроках, контроль налогообложения и налогово-процессуальные отношения. Данная группа отношений зависит от следующих правонарушений в налоговой сфере:

— критичное нарушение норм учета доходов и расходов (ст. 120 НК РФ);

— полная или частичная неуплата налогов и иных обязательных платежей (ст. 122 НК РФ);

— невыполнение налоговым агентом обязанности по удержанию и (или) перечислению налогов (ст. 123 НК РФ).

К налогоплательщикам, имеющим объект налогообложения, применяется ответственность за своевременную уплату налоговых и иных обязательных платежей и соблюдение требований законодательства.

В соответствии с БК РФ «неисполнение либо ненадлежащее исполнение установленного настоящим Кодексом порядка составления и рассмотрения проектов бюджетов, утверждения бюджетов, исполнения и контроля исполнения бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации признается нарушением бюджетного законодательства, которое влечет применение к нарушителю мер принуждения».

Правонарушения в области бюджетного регулирования опасны для общества тем, что причиняют вред или представляют угрозу отношениям, складывающимся в системе формирования доходной и расходной базы бюджетов всех уровней бюджетной системы государства и государственных внебюджетных фондов (например, отношения в ходе целевого использования средств из бюджета, своевременного и полного перечисления средств в бюджет и формирования обязательной отчетности по исполнению государственного бюджета).

В соответствии со ст. 283 БК РФ правонарушения в бюджетной сфере бывают следующих видов:

— неисполнение закона (решения) о бюджете;

— нецелевое использование бюджетных средств;

— неперечисление бюджетных средств их получателям;

— неполное перечисление бюджетных средств их получателям;

— несвоевременное перечисление бюджетных средств их получателям;

— несвоевременное зачисление бюджетных средств на счета их получателей;

— несвоевременное представление отчетов и других сведений, связанных с исполнением бюджета;

— несвоевременное доведение до получателей бюджетных средств уведомлений о бюджетных ассигнованиях и др.

Для правонарушений в бюджетной сфере, как и для всех вышеперечисленных правонарушений, характерно как действие, так и бездействие субъектов правоотношений (юридических лиц).

Статья 282 БК РФ устанавливает нормы финансовой ответственности за правонарушения в бюджетной сфере:

— предупреждение за ненадлежащее исполнение законодательства в бюджетной сфере;

— изъятие средств, ранее предоставленных из бюджета;

— приостановление расходных статей;

— установление штрафных санкций;

— начисление пени и неустойки.

В БК РФ не предусмотрена характеристика признака вины. Тем не менее нельзя считать, что в бюджетных отношениях могут быть применены юридическая ответственность и наказание без вины.

Нарушение в валютных правоотношениях предполагает незаконное и виновное деяние, наносящее социальный вред и вред валютным правоотношениям в целом. За такие деяния предусмотрены нормы финансовой ответственности. Законодательно термин «правонарушения в валютной сфере» зафиксирован в федеральном законе РФ «О валютном регулировании и валютном контроле».

Нарушение в валютных правоотношениях несет опасность для общества в форме причинения вреда отношениям при владении, пользовании и распоряжении валютными ценностями.

К законодательно зафиксированным ключевым нарушениям прав в валютной области относятся: осуществление операций купли-продажи валютных ценностей, не прибегая к услугам уполномоченной кредитной организации; отступление от правил обязательной продажи части валютной выручки в уполномоченной кредитной организации; отступление от стандартов, установленных для открытия и ведения валютных счетов, и пр.

Нормы ответственности за нарушения в сфере валютного контроля предусмотрены в виде штрафов, временной блокировки действия валютной лицензии кредитной организации, взыскания в пользу государства всех необоснованно приобретенных по сделкам с валютой валютных ценностей, отзыва генеральной лицензии у кредитной организации.

Закон РФ в области валютного регулирования, так же как и БК РФ, не предусматривает определения признака вины. Но, как уже было сказано выше, виновность — это общепризнанная основа юридической ответственности.

Одним из видов нарушений прав в сфере финансов являются банковские правонарушения. Это опасное для общества противоправное и виновное действие/бездействие, посягающее на публичные отношения в банковском секторе, за совершение которого регламентирована финансовая ответственность. Такие правонарушения установлены в федеральном законе РФ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», инструкции Банка России «О применении к кредит-

ным организациям мер воздействия за нарушения пруденциальных норм деятельности».

В ст. 74 федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации» банковская противоправность определяется как несоблюдение кредитной организацией федеральных законов и издаваемых в соответствии с ними нормативных актов и предписаний Банка России, непредставление информации, представление неполной или недостоверной информации.

Данный вид нарушений прав представляет социальную опасность ввиду причинения вреда и/или представления угрозы публичным отношениям в банковском секторе, в частности отношениям между Банком России и кредитными организациями (например, отношениям банковского надзора, обеспечению стабильности денежной системы, отношениям по защите вкладов в коммерческих банках).

Противоправное действие может быть выражено в форме непредставления Банку России полноценной и достоверной отчетности, несоблюдения обязательных нормативов Банка России, самовольной корректировки отчетности, нарушения требований формирования резервного и уставного капитала кредитной организации.

Согласно ст. 74 федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации», финансовые правонарушения в банковском секторе предполагают следующие нормы финансовой ответственности: штраф, отзыв генеральной лицензии, а также лицензии на осуществление отдельных банковских операций, вето на открытие дополнительных офисов и обособленных подразделений банка и пр.

В законодательстве в отношении банковских правонарушений имеется существенная брешь в виде отсутствия указания на наличие вины.

Субъектом правонарушений в банковском секторе выступают исключительно кредитные организации.

Правонарушение в сфере обязательного государственного пенсионного и социального страхования — это противоправное виновное деяние, несущее угрозу общественным ценностям в данной области, результатом которого становится поступление недостаточного объема денежных средств в соответствующий фонд, либо непредставление (несвоевременное представление) обязательных форм отчетности, за что законом также сформирован ряд норм финансово-правовой ответственности.

Правонарушения в финансовом секторе — это самостоятельная и опосредованная часть системы конституционных, уголовных, административных, дисциплинарных и иных социально опасных правонарушений, поскольку они обладают уникальными особенностями объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон, а также присущими исключительно такому виду нарушений прав нормами ответственности за их деяние.

Список литературы

1. Мусаткина А. А. Финансовое правонарушение: понятие и виды // Налоги и налогообложение. — 2006. — № 5. — С. 48–52.
2. Полякова С. А. О классификации правонарушений в области финансов: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2012. — № 1 (53). — С. 189–191.
3. Чуева А. С., Курдюк П. М., Иваненко И. Н. Финансовое право. Общая часть: учеб. пособие для бакалавров. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. — 141 с.
4. Чежидов М. С. Административная ответственность в сфере финансовых рынков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2018. — № 4. — С. 161–165.

УДК 343.141

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_149

Сопраньков Геннадий Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент,

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,

доцент кафедры уголовного права и процесса,

Россия, Санкт-Петербург,

soprankov1938@yandex.ru

Иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве

Предполагается, что источником лексического значения и понятия «документ» является Древний Рим, где под документом понималось то, что служит свидетельством, уроком, примером [1, с. 94–95].

Современнее истолкование гласит, что это деловая бумага, которая подтверждает какой-либо факт или право на что-нибудь (проездной документ, документ об образовании, расходный документ, официальная бумага о личности предъявителя, письменное свидетельство об исторических событиях, фактах, деловая бумага, служащая доказательством чего-нибудь, подтверждающая право на что-нибудь, свидетельство о

личности предъявителя, письменное удостоверение, водительские права и т. д.) [3, с. 13].

Иные документы представляют собой доказательства особого рода, которые не включены в число документов, указанных в ч. II ст. 74 УПК РФ. Как справедливо подчеркивает Л. В. Головкин, с одной стороны, это заключения и протоколы, а с другой — «иные документы, не являющиеся ни протоколами, ни заключениями» [2, с. 83–84]. Таким образом, их роль в структуре доказательственной базы по уголовному делу отличается от роли других письменных источников, содержащих доказательственную информацию и поименованных в законе.

Иные документы делятся на две группы:

1) документы, существующие независимо от уголовного дела и выданные не в связи с расследованием (устав юридического лица, водительское удостоверение, паспорт и т. п.);

2) документы, составленные по просьбе участников уголовного судопроизводства для целей расследования (справка о судимости или об отсутствии таковой, характеристика обвиняемого с места работы или учебы, выписка из реестра и т. п.).

В научной литературе предложен ряд признаков документа. К существенным признакам отнесены реквизиты, позволяющие его идентифицировать, а также способы фиксации документированной информации. Особое значение в данном случае приобретает электронная документация, поскольку существуют технические приемы изменения или модификации ее содержания.

В определенной степени статус иных документов может быть соотнесен со статусом вещественных доказательств. И в теории, и в практике большое значение имеет разграничение понятий «вещественное доказательство» и «иной документ». Более того, на практике один и тот же объект может признаваться и иным документом, и вещественным доказательством (например, на месте совершения убийства обнаружен и изъят документ, предположительно удостоверяющий личность убитого, со следами крови, которая может принадлежать как потерпевшему, так и преступнику).

В соответствии со ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы, обладающие указанными в законе признаками. Доказательственное значение имеют сведения, которые предоставлены внешним видом документа. Его внешняя часть — вещественное доказательство, в то время как иной документ интересен именно своим содержанием, поэтому доказательствами будут содержащиеся в нем сведения.

Все материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, фонограмма, полученная в результате контроля и записи переговоров, могут обладать статусом иных документов, поскольку значение имеет не предмет (кассета, пленка), а содержащаяся в нем информация. При

этом в материалах уголовного дела должны получить закрепление результаты исследования как содержания документа, так и формы, которая его характеризует.

В теории доказывания отрицается отнесение объяснений подозреваемого, полученных до возбуждения уголовного дела, в которых он признает себя виновным в совершении преступления, к показаниям. И это правильно, поскольку показания закрепляются в протоколе допроса подозреваемого, а не в письменных объяснениях, данных в свободной форме. В данном случае может возникнуть коллизия, связанная с тем, что после предъявления обвинения лицо может отказаться от ранее сделанного признания, но при этом суд выносит обвинительный приговор, руководствуясь иными доказательствами, в том числе объяснением или чистосердечным признанием. В апелляционных жалобах в таких случаях статус объяснения как доказательства нередко опровергается.

Представляется, что, коль скоро такой документ находится в деле и имеет значение при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, его следует относить к иным документам. Такой документ, как правило, используется (со ссылкой на него) при постановке обвинительного приговора.

Отдельно следует указать на возрастающую роль компьютерной информации в современном судопроизводстве. Однако использование компьютерной информации предполагает участие специалиста, что вытекает из требований, предусмотренных ст. 182–183 УПК РФ.

В работе «Проблемы осуществления уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых в сфере высоких информационных технологий» [2, с. 83–84] авторы указывают на необходимость привлечения к этой работе специалиста, но не во всех случаях. Решение этого вопроса оставлено на усмотрение следователя.

Перед признанием предмета вещественным доказательством он должен быть осмотрен (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) с целью выявления только его внешних признаков. Фонограмма, полученная в ходе контроля и записи переговоров, не только осматривается, но и прослушивается (ч. 7 ст. 186 УПК РФ). Доказательственное значение будут иметь не внешние признаки носителя фонограммы, а ее содержание. Однако при этом важно установить, что запись не подвергалась монтажу, а это, в свою очередь, возможно только при осмотре носителя.

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время видовой спектр иных документов расширяется. Причиной тому служит обильный документооборот, практикующийся в учреждениях и организациях, а также расширившиеся возможности стороны защиты в процессе доказывания. Органы предварительного расследования должны быть готовы к быстрой обработке документированных данных и анализу полученной информации с точки зрения относимости. Свойство от-

носимости определяет перспективу признания этих данных иными документами и последующего процессуального закрепления в этом качестве. Особое значение данные параметры имеют при расследовании преступлений экономической направленности, поскольку последние совершаются в условиях коммерческой деятельности, которая сопровождается накоплением огромного массива информации, содержащейся в документах о финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Уголовные дела, связанные с совершением экономических преступлений, представляют особую сложность, поэтому роль иных документов в процессе доказывания чрезвычайно велика.

Список литературы

1. *Истрин В. А.* Возникновение и развитие письма. — М.: Наука, 1965. — 395 с.
2. *Кириллова Н. П., Кушниренко С. Н.* Проблемы осуществления уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых в сфере высоких информационных технологий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2013. — № 3 (308). — С. 74–90.
3. *Терзиев Н. В., Эйсман А. А.* Введение в криминалистическое исследование документов / под ред. Л. П. Рассказова. — М.: тип. Изд-ва Акад. архитектуры СССР, 1949. — Ч. 1. — 124 с.

УДК 347

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_152

Дорофеева Светлана Николаевна,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
старший преподаватель кафедры гражданского права,
Россия, Санкт-Петербург,
sveta.dorofeeva994@gmail.com

Злоупотребление правом на примере судебных споров, вытекающих из семейно-брачных отношений

Одним из важных принципов гражданского права, на котором строится система российского законодательства, является принцип добросовестности. И данный принцип означает, что при осуществлении прав гражданином реализация его прав должна быть правомерной, что

в полной мере соответствует конституционной норме, в силу которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Изменения законодательных российских норм и экономики привели к тому, что за последние несколько десятков лет в России появились и новые сферы деятельности, и новые направления экономической деятельности, и новые правовые фикции. Безусловно, динамичность развития современного общества влечет множество заключаемых сделок, и роль договоров, в том числе, и в сфере семейно-брачных отношений, тоже резко возрастает.

Потребности человека растут, а это, в свою очередь, влечет возникновение новых возможностей для реализации, однако, количество недобросовестных лиц, злоупотребляющих закрепленными за ними правами и свободами, и причиняющими при этом вред другим субъектам в целях извлечения для себя выгоды за счет собственного противоправного поведения, не уменьшается. Данные противоправные действия, совершенные в обход закона, подпадают под понятие злоупотребления правом, и охватываются диспозицией ст. 10 Гражданского кодекса РФ, в силу требований которой, осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) не допускается.

По причине сложности оценки такие понятия как «добросовестность» и «недобросовестность», или факт злоупотребление правом, являлись и будут являться объектом для научных дискуссий среди цивилистов.

Если обратиться к содержанию ст. 10 Гражданского кодекса РФ, то из текста приведенной нормы следует, что злоупотребление правом запрещается начиная с самой простейшей формы - шиканы и заканчивая «схемными» действиями, совершенными в обход закона.

О шикане нет смысла много говорить, поскольку это редчайшая форма злоупотребления правом и встречается она в основном в семейных либо соседских отношениях. Римские источники приводят пример со сдираанием гипса со стен проданного дома или «злое» перекапывание водоносной жилы, ведущей к соседу по земельному участку. В современном мире это чаще всего громкая музыка назло соседу, лай собак и т.п. Обход закона, наоборот, сложнейшая и самая труднораспознаваемая форма злоупотребления правом (может, поэтому законодатель в третьем чтении добавил к обходу закона слова «с противоправной целью». Как будто существует обход закона с правомерной целью?) [1, с. 80; 2, с. 35].

Возникает вопрос, каким образом субъекты семейных правоотношений допускают возможность обойти закон в рамках семейно-правовых сделок?

Проиллюстрируем это с помощью таких механизмов, как брачный договор или алиментное соглашение, которые нередко используются как варианты «сделочной» формы для прикрытия злоупотребительных действий.

Так, в семейном законодательстве с 1996 года появились совершенно новые вышеуказанные для России договорные конструкции, и именно данные сделки, как показывает правоприменительная практика, являются нередко схемами ухода от ответственности недобросовестных должников-супругов при появлении претензий кредиторов к кому-либо из супругов.

Если мы обратимся к алиментному соглашению, то увидим, что законодатель соглашения об уплате алиментов оценивает как разновидность гражданско-правовых сделок, поскольку согласно требованиям статьи 101 Семейного кодекса Российской Федерации к заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительным соглашения об уплате алиментов применяются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок.

Заключая алиментное соглашение, необходимо не забывать и императивную норму закона, а именно, требования части 2 статьи 103 Семейного кодекса Российской Федерации, регламентирующие размер алиментов (долей от заработка плательщика алиментов) на содержание несовершеннолетних детей.

Проиллюстрируем примерами нижеприведенных судебных актов недобросовестность субъектов семейных правоотношений при заключении сделок, основанных на нормах семейного законодательства.

В одном из дел, решением Арбитражного суда Нижегородской области от 18.09.2017 г. должник Первухин Ю. В. признан несостоятельным (банкротом). В отношении должника введена процедура реализации имущества (сроком на шесть месяцев). После возбуждения дела о банкротстве, между должником Первухиным Ю. В. и матерью ребенка 26.07.2017 г. заключается алиментное Соглашение на несовершеннолетнего ребенка об уплате алиментов в сумме 9 миллионов рублей одновременно. В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника-гражданина, Арбитражный суд Нижегородской области определением от 22.03.2018 г. отказал финансовому управляющему должника в удовлетворении заявленных требований о признании недействительным вышеуказанного Соглашения об уплате алиментов, сославшись на отсутствие правовых оснований для признания данного Соглашения недействительной сделкой.

Данное определение суда первой инстанции было отменено апелляционным судом, с удовлетворением заявленных требований и с указанием на то, что спорное Соглашение об уплате алиментов в сумме

9 000 000 руб. одновременно на будущее, заключенное после возбуждения дела о банкротстве должника при наличии у него непогашенной задолженности в размере 6 862 288,86 руб. и при отсутствии у Первухина Ю. В. денежных средств, достаточных для выплаты такой суммы алиментов, заключалось не с намерением исполнить обязанности по содержанию ребенка, а с целью причинения вреда кредиторам, поскольку влекло утрату кредиторами возможности получить удовлетворение своих требований за счет имущества должника. Данный вывод суда обоснован тем, что при наличии у должника задолженности перед кредитором в размере, превышающем 6 миллионов рублей, должник одновременно обязался выплатить алименты на содержание ребенка в размере 9 миллионов рублей одновременно, и при этом, у должника отсутствовали денежные средства в достаточном объеме для выплаты алиментов, что в полной мере свидетельствуют о невозможности исполнения сторонами алиментного Соглашения его условий, а следовательно, о злоупотреблении сторонами алиментного Соглашения правом. С учетом изложенного, апелляционный суд сделал вывод, что заключение Первухиным Ю. В. оспариваемого Соглашения не может быть признано добросовестным поведением, что влечет признание сделки недействительной на основании статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 09.10.2018 № 01АП-3375/2018 по делу № А43-20053/2017).

Данный пример наглядно иллюстрирует, что стороны сделки, в данном случае алиментного соглашения, должны были разумно оценивать и осознавать, что финансовое положение Первухина Ю.В. (должника) не позволит ему погасить задолженность по алиментам без нарушения интересов иных кредиторов, и при заключении данного Соглашения баланс интересов вовлеченных в процесс банкротства конкурсных кредиторов должен был быть соблюден.

В другом споре, в рамках рассмотрения иска финансового управляющего о признании соглашения об уплате алиментов недействительным, судами было установлено, 23.06.2017 г. между Царевой Н. М. и Царевым В. В. заключено письменное, нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов, в силу требований которого должником уплачиваются алименты в твердой форме в размере 80 000 руб. ежемесячно, начиная с июля 2017 года.

Суды первой и апелляционной инстанций, удовлетворяя заявление финансового управляющего, приняли во внимание чрезмерный размер алиментов, установленный без учета финансового положения должника и отсутствия у него реальной возможности уплатить такую сумму, сделали вывод о злоупотреблении правом при заключении оспариваемого соглашения в части алиментов, превышающих 1/3 заработной платы Царева В. В. и (или) иного дохода.

Арбитражный суд Волго-Вятского округа не усмотрел оснований для отмены обжалуемых судебных актов, сославшись на то, что существенное превышение размера алиментов относительно доли от дохода, которая подлежала бы уплате по закону (статья 81 СК РФ), безусловно, вызывает обоснованные претензии у кредиторов должника, поскольку от объема первоочередных платежей зависит удовлетворение их требований в процедуре банкротства, а соответственно, при разрешении спора задача суда заключается в необходимости обеспечения баланса интересов сторон, а именно, с стороны несовершеннолетнего явствует интерес в получении содержания, при этом содержание несовершеннолетнему выплачивается независимо от несостоятельности плательщика алиментов. С другой стороны стоят интересы кредиторов, которые заключаются в недопущении недобросовестного увеличения кредиторской задолженности. При этом, следует учитывать, что сохранение ребенку прежнего уровня его материального обеспечения, тем более, существенно превышающего установленные законом нормы, не подлежит реализации за счет кредиторов (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.02.2019 № Ф01-6555/2018 по делу № А43-20053/2017).

Брачный договор также нередко используются недобросовестными должниками как механизм ухода должников от ответственности.

Законодатель обязывает должника известить своих кредиторов о факте заключения брачного договора, иначе должник отвечает перед ними независимо от его содержания (п. 1 ст. 46 СК РФ).

Если обратиться к правоприменительной практике, то явно следует установка, в силу которой при наличии запретов в отношении имущества должника и отсутствии судебных актов против него, последнему дается возможность заключать брачный договор до принятия против него решения суда, а также предоставляется право совершать иные гражданско-правовые сделки. Исключение составляет случаи банкротства индивидуальных предпринимателей, пытающихся вывести активы на супруга.

При этом, возникает вопрос, каким образом будут оценены судом совершенные должником сделки по иску конкурсного управляющего или конкурсных кредиторов?

При наличии неоспоримых доказательств, свидетельствующих о том, что сделки, совершенные должником, направлены на причинение вреда имущественным правам кредиторов и уменьшение конкурсной массы должника, безусловно, имеются основания для суда признавать данные сделки недействительными как по общим основаниям, указанным в параграфе 2 главы 9 ГК РФ, так и по специальным правилам, закрепленным в главе III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

В связи с изложенным, наглядным примером является нижеприведенный судебный акт, в рамках которого было установлено, что

05.10.2004 г. между супругами Бересневыми А. В., О. Б. был заключен письменный, нотариально удостоверенный брачный договор, по условиям пункта № 13 которого должник обязался в случае развода выплачивать супруге пожизненно денежную компенсацию в размере 4 000,00 долларов США каждый месяц. Брак между должником и ответчиком 15.09.2015 г. был расторгнут.

Должник Береснев А. В., по решению Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25.07.2017 г., признан несостоятельным (банкротом) и в отношении его введена процедура реализации имущества гражданина.

Финансовый управляющий, полагая, что пункт 13 брачного договора является кабальным и ничтожным, в судебном порядке потребовал признать недействительным данный пункт договора.

Суд первой инстанции счел заявление необоснованным и определением от 30.10.2018 г. отказал в удовлетворении заявления.

Апелляционный суд, отменяя названное определение суда первой инстанции и удовлетворяя заявленные требования, указал, что сделки граждан, совершенные до 01.10.2015 г. с целью причинить вред кредиторам, могут быть признаны недействительными на основании статьи 10 ГК РФ по требованию финансового управляющего или конкурсного кредитора (уполномоченного органа) в порядке, предусмотренном статьей 213.32 Закона о банкротстве, и поскольку сделка оспаривается в рамках дела о банкротстве, то при установлении того, заключена ли сделка с намерением причинить вред другому лицу, соответственно, необходимо установить имелось ли у сторон сделки намерение причинить вред имущественным правам кредиторов, то есть была ли сделка направлена на уменьшение конкурсной массы должника.

Апелляционным судом установлено, что среднемесячная заработная плата должника в период 2000 г. по 2011 г. составляла в долларовом эквиваленте 665,49 долларов США, а в 2004 году — 693,08 долларов США. Данные доказательства подтверждают тот факт, что на момент заключения брачного договора должник не имел финансовую возможность в случае расторжения брака выплачивать супруге ежемесячно определенную сторонами сумму в размере 4 000 долларов США. Таким образом, в ситуации, когда у супруга отсутствовала материальная возможность, позволяющая ему выполнить условия брачного договора (пункт 13), обязательство по выплате денежных средств ежемесячно в размере 4 000 долларов США, по мнению суда, является мнимой сделкой.

Поскольку спорный брачный договор был заключен в 2004 году, то с учетом пункта 13 статьи 14 Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ, признание его недействительным возможно лишь на основании статьи 10 ГК РФ, то есть в случае злоупотребления правом (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.02.2019 № 13АП-33238/2018 по делу № А56-18865/2017).

Подводя итог вышесказанному, можно отметить то, что недобросовестные должники через определенные «сделочные» формы, существующие, в том числе, и в семейном законодательстве, с целью ухода от ответственности перед кредиторами, подменяют цели совершения сделок. При этом, в правоприменительной практике по делам о признании сделки недействительной по причине злоупотребления правом одной из сторон иски кредиторов, в целях защиты их интересов в недопущении недобросовестного увеличения кредиторской задолженности, удовлетворяются в большей степени, чем иски других субъектов семейных правоотношений (например, других субъектов, имеющих право на получение содержания), в связи с весомостью юридически значимых обстоятельств при разрешении данного видов споров.

Список литературы

1. *Братусь С. Н.* О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. — 1967. — № 3. — С. 79–86.
2. *Пашин В. М.* Институт злоупотребления субъективными правами de lege ferenda // Актуальные проблемы гражданского права : сб. ст. / под ред. О. Ю. Шиловцова. — М.: Норма, 2003. — Вып. 7. — 304 с.

УДК 34.07

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_158

Кутузова Светлана Владиславовна,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права,
Россия, Санкт-Петербург,
svetlana-kutuzov@mail.ru

Систематизация права как ресурс совершенствования законодательства правового государства

Общим термином «законодательство» в теории права обычно обозначается совокупность всех нормативных правовых актов, действующих в конкретной национально-правовой системе в рассматриваемый

период. Характерным явлением для законодательства практически любой национальной правовой системы в XX в. стало значительное увеличение его объема, и в веке XXI такая тенденция сохраняется. С одной стороны, это объясняется объективными причинами. Первая среди них — усложнение общественных отношений, изменение их содержания. Но период «эйфории» после принятия закона сменяется на период, когда население уже не устраивают многообещающие формулировки, отражающие требования справедливости, равенства и т. д. И это не та ситуация, когда количество порождает новое, более высокое качество. Общество ждет результатов, а это, как известно, реализация закона.

С другой стороны, меняется и характер деятельности парламента как органа представительной законодательной власти по сравнению с тем, каким он был в период становления национальных государств в конце XVIII–XIX в. в Европе и Северной Америке. Как отмечал Б. Леоны, «законодательство претерпело весьма специфическую эволюцию, оно все больше и больше напоминает диктат победившего большинства законодательных собраний по отношению к меньшинству» [8, с. 27]. Законы все чаще принимаются из «особых» политических соображений, «на злобу дня», когда игнорируются требования о том, что регулировать они должны наиболее важные повторяющиеся общественные отношения и иметь длительный характер. Намечается «явная тенденция потери авторитета закона как ключевого звена всей правовой системы из-за “банализации” законов и снижения качества внешних форм их выражения» [4, с. 103].

Тем не менее, когда речь заходит о правовом государстве, т. е. о государстве с так называемой «длительной правовой традицией, где право эффективно функционирует в течение долгого времени и воспринимается гражданами как важная социальная ценность» [7, с. 104], высокое качество законодательства всегда рассматривается как необходимый признак. По мнению Г. Бермана, «в западной традиции права закон воспринимается как связанное целое, единая система, “организм”, который развивается во времени, через века и поколения» [3, с. 26]. К такому законодательству предъявляются соответствующие требования, среди которых важнейшим, пожалуй, является верховенство закона по отношению к другим нормативным правовым актам. На первый взгляд, все очевидно: если принять необходимый закон, то достаточно обеспечить непротиворечивость подзаконного правотворчества и в итоге — качественное правовое регламентирование.

В реальных условиях возникают сложности. Новый закон или изменения в законе нужно «включить» в систему уже существующих актов, не нарушая сложившейся логики регулирования какого-то конкретного вида или сферы общественных отношений. Иногда происходит наоборот: разрушается первоначальная идея, само «строение» регулирова-

ния, а новые «пристройки» грозят возможными коллизиями и вовсе не улучшают результат правового регламентирования. В очередной раз дополнить либо даже переписать Налоговый кодекс или какой-нибудь другой закон совсем не значит гарантировать, например, высокую налоговую дисциплину. Не случайно «стабильность и предсказуемость законов» также относят к обязательным требованиям западной правовой традиции: «...закон, который часто меняется, недостоин даже той бумаги, на которой написан» [10, с. 33].

Учитывая обозначенные выше сложности, а также целый ряд других, можно предположить, что совершенствование законодательства российского государства, позиционирующего себя как правовое, должно осуществляться одновременно по нескольким направлениям. В этой деятельности очень полезным будет сочетание опыта государств с давней правовой традицией (Франция, Великобритания, США и др.) и некоторых современных доктринальных положений, а также практических наработок, которые уже есть в российской правовой жизни.

В первую очередь необходимо рассмотреть те возможности и результаты, которые дает процесс систематизации правового материала, учитывая существующие принципиальные различия между понятиями «систематизация законодательства» и «систематизация права». Первое касается упорядочивания исключительно содержания законодательных и подзаконных актов, второе предполагает упорядочивание норм, содержащихся в различных источниках (формах) права.

Следует упомянуть, что, признавая систематизацию необходимой формой юридической деятельности для дальнейшего развития законодательства и отмечая изменение потребности в ней в разное время, основной причиной проведения этой работы отечественные авторы считают «потерю контроля над политико-правовой ситуацией и управлением правотворческими процессами» [2, с. 61]. Похожая оценка встречается и у французского профессора Р Каброяка, по мнению которого «потребность в правовой определенности, кризис источников права из-за беспорядочного их разрастания, стремительная законодательная инфляция» [5, с. 114] также объясняют стремление систематизировать накопившуюся и трудно воспринимаемую даже юристами информацию. Видимо, именно поэтому, если обратиться к истории систематизации права, можно увидеть, что первыми появлялись «частные кодексы», составленные судьями или адвокатами.

Что касается самых распространенных форм или видов систематизации, то здесь есть разные точки зрения. Традиционно в учебной литературе просто перечисляются инкорпорация, консолидация, кодификация, учет и описываются их особенности. Однако такой подход не все считают достаточным. Так, М. Ю. Осипов полагает, что «система-

тизация законодательства осуществляется на двух уровнях: а) на уровне норм права; б) на уровне источников права» [11, с. 199]. И первый и второй уровни включают по две формы: первый — кодификацию и консолидацию, второй — учет источников права и инкорпорацию источников права. Эти уровни различаются по целям систематизации: упорядочивание норм права при кодификации и консолидации предполагает принятие нового акта, а упорядочивание источников при учете и инкорпорации облегчает поиск нужных нормативных документов. Таким образом, систематизация норм права — это только консолидация и кодификация, где объект — нормы права, а их субъектами являются исключительно правотворческие органы [11, с. 213]. Для этого, по мнению С. С. Алексеева, предполагается также специальная кодификационная юридическая техника [1, с. 267]. Современное понимание кодификации начало складываться во Франции еще в XVIII в., когда в рамках новой концепции «кодекс уже рассматривается как обладающий внутренней логикой свод правил, реформирующих действующее право» [5, с. 103]. Помимо упорядочивания она предполагает «переработку действующего законодательного материала с выстраиванием его в новый акт» [6, с. 23].

Л. Ф. Апт и В. М. Баранов включают в понятие систематизации в качестве самостоятельных форм только кодификацию и инкорпорацию, а учет нормативных актов считают основой всех форм систематизации [2, с. 61]. П. В. Крашенинников, обозначая принципиальные различия между инкорпорацией и кодификацией, первую сравнивает с «приведением в порядок жилого дома», а вторую — «со сносом старого и постройкой нового дома, но с частичным использованием полученных от сноса материалов» [6, с. 23]. Получается, что по всем своим признакам кодификация — исключительно правотворческая деятельность. Поскольку депутаты, занимающиеся правотворчеством, прежде всего политики, здесь очень важно избежать политической «ловушки», когда в процессе выработки и принятия кодифицированного акта могут возобладать не юридические, а иные цели, «прямое выражение воли большинства людей, которые их вводят» [8, с. 27].

Рассматривая возможности совершенствования законодательства и улучшения качества правовой жизни, которые дает отдельный вид систематизации права или систематизации законодательства, следует обратиться к опыту национальных правовых систем с длительной правовой традицией, где этот конкретный вид используется максимально активно.

Как отмечал Бруно Леони, «новая эпоха законодательства в начале XIX в. началась с очень скромной мысли о том, что надо бы пересмотреть и переформулировать право юристов, переписав его заново в форме кодексов, но ни в коем случае не извратив его с их помощью»

[8, с. 26]. И «золотой век кодификации открылся французской кодификацией, чтобы завершиться кодификацией немецкой» [5, с. 63]. Если обратиться к опыту кодификации Нового времени, когда наиболее актуальными становятся идеи естественного права, то, конечно, первым будет пример знаменитого Французского гражданского кодекса 1804 г., известного как Кодекс Наполеона. Его историческая судьба, влияние на развитие континентального (и не только) гражданского законодательства и многое другое делают этот нормативный акт чрезвычайно интересным как с технической, так и с содержательной точки зрения. И здесь не следует забывать, что, пожалуй, самая сильная и важная характеристика этого документа — его своевременность, «столкновение потребности и политической воли» [5, с. 139] — необходимые условия для любой успешной кодификации.

Все последующее время французские юристы проводили и проводят огромную работу по выработке общих требований кодификации, представляющей собой «любую форму приведения в единое целое рассеянных по разным источникам правовых норм» [5, с. 18]. И здесь важна не столько будущая правовая форма, сколько цель: преодоление правовой неопределенности и раздробленности источников. На первый план выходит именно социальная потребность в кодексе, и при проведении систематизации осуществляется дифференциация правовых средств. Такой подход к кодификации позволяет смягчать проблемы развития права, с которыми сталкивается практически любая национальная государственно-правовая система. Стоит заметить, что в современном российском правотворчестве, ориентирующемся на создание кодифицированных актов, многие полезные наработки современной французской школы кодификации пока, к сожалению, игнорируются.

Практически не используется в отечественном праве в качестве самостоятельной такая форма систематизации, как консолидация. Как утверждают авторитетные специалисты, «никогда не приводятся формы итоговой деятельности по консолидации» и «подобных форм в действующем правотворчестве не наблюдается» [2, с. 63]. Тем не менее значительный опыт систематизации в форме консолидированных актов накоплен в правовых системах общего права, особенно в Великобритании и США.

Весьма часто встречается утверждение, что для английского права системность не характерна. Это уже не соответствует действительности, поскольку на протяжении почти полутора столетий наблюдается активизация правотворческой деятельности парламента и ведется большая работа по созданию укрупненных (консолидированных) нормативных актов, упорядочиванию правовых норм, выработанных судебной практикой, которые в эти законы включены. Роль такого законодатель-

ства возрастает, но это не уменьшает значимости судебного толкования закона, характерного для английского права. Поэтому можно утверждать, что помимо норм права, выработанных в свое время высшими судами и включенных непосредственно в текст закона, общую систему такого нормативного акта дополняют соответствующие толкования высших судов.

Что касается американского опыта, то большой интерес представляют разработанные крупными профессиональными юридическими организациями подобию кодексов — Комментарии (Restatement of the law), объединяющие общие правила в отношении главных правовых категорий (договора, деликта, траста). Комментарии, не являясь официальным документом, значительно облегчают применение права. Эти правила «могут быть выведены из судебных постановлений, как если бы в Соединенных Штатах существовало единое общее право. Комментарии отмечают особенности, на которые следует обращать внимание в штатах и которые отклоняются от общих правил» [7, с. 147]. Важно указать, что такие своеобразные «кодексы» носят частный, неофициальный характер, что сближает их по идее и целям создания с европейскими частными кодексами и компиляциями, некогда очень популярными и действовавшими в континентальных правовых системах до принятия кодексов нового типа.

Отдельно стоит остановиться на такой форме систематизации, как инкорпорация источников права, в которой выделяют официальную и неофициальную инкорпорацию. Что касается первого вида — официальной инкорпорации, то ее обычно понимают как составление официальными органами сборников документов по хронологическому или тематическому критерию. На сегодняшний день, как представляется, наибольший интерес вызывает работа по составлению именно неофициальных инкорпораций, активно осуществляемая производителями электронных баз данных по законодательству и значительно упрощающая работу с правовыми материалами не только юристам, но и любому желающему. Помимо широкого использования возможностей этих систем в работе с документами появилась возможность «правового регулирования понятия учета» [2, с. 63].

Любопытно, что история первой российской справочной правовой системы «ГАРАНТ» началась 30 лет назад с проекта по созданию очень востребованного электронного справочника КЗоТ (Кодекс законов о труде РСФСР) [9, с. 4]. Совершенно очевидно, что составители таких систем (не только «ГАРАНТ», но и «Консультант Плюс» и «Кодекс»), постоянно расширяя спектр информационно-правовой поддержки, ориентируются прежде всего на потребителя, а не на чью-либо политическую волю. Эти базы к тому же предоставляют доступ не только к нормативным актам, но и к судебным решениям, интерпретационным

актам, комментариям к законам, профессиональной, научной, учебной литературе по праву и т. п.

В этой области нам явно есть чем гордиться. Во вступительной статье к знаменитой монографии Рене Кабрияка «Кодификации», отмечая вклад России в создание «виртуальных» форм обработки правового материала, профессор Л. В. Головкич замечает: «Мы далеко ушли вперед в части неофициальных электронных кодификаций, о которых Р. Кабриак только мечтает для Франции» [5, с. 22]. Возможно, именно в этом направлении в дальнейшем будут развиваться современные концепции систематизации права, которые потребуют теоретического осмысления и будут способствовать достижению цели создания правового государства в России.

Список литературы

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права: в 2 т. — М.: Юрид. лит., 1982. — Т. 2. — 360 с.
2. *Апт Л. Ф., Баранов В. М.* Техничко-юридические проблемы систематизации в современном правотворчестве // Юридическая техника. — 2012. — № 6. — С. 61–66.
3. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / пер с англ. — 2-е изд. — М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М: НОРМА, 1998. — 624 с.
4. *Захарова М. В.* Французская правовая система: теоретический анализ: моногр. — М.: Проспект, 2015. — 288 с.
5. *Кабрияк Р.* Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головкич. — М.: Статут, 2007. — 476 с.
6. *Крашенинников П. В.* Кодификация российского частного права. — М.: Статут, 2017. — 480 с.
7. *Леже Раймон.* Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход: науч. изд. / пер. с фр. — 3-е изд., перераб. — М.: Wolters Kluwer, 2011. — 530 с.
8. *Леони Бруно.* Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 308 с.
9. *Опимах И., Волков А.* Законы, изменившие нашу жизнь. — М.: Наука, 2019. — 190 с.
10. *Осакве К.* Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: учеб.-практ. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Дело, 2002. — 464 с.
11. *Осипов М. Ю.* Системы в праве и правовые процессы: моногр. — 2-е изд. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. — 276 с.

Солянкина Надежда Алексеевна,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правового обеспечения
экономической деятельности,
Республика Беларусь, г. Минск,
na_solyankina@mail.ru

Представительство интересов нанимателя в трудовых правоотношениях

Мнения ученых относительно существования института представительства в науке трудового права разнятся. В связи с тем, что юридическое лицо является абстрактной категорией, реализация его прав и обязанностей без помощи третьих лиц невозможна. В диссертационном исследовании «Теоретические аспекты представительства в системе социального партнерства» В. В. Чеха подвергает сомнению возможность существования отношений по представительству в трудовом праве [20]. Однако термин «представитель» широко используется в различных отраслях права, в том числе в трудовом. Б. К. Бегичев отмечает, что «едва ли не любая отрасль, входящая в состав не только частного, но и публичного права, может использовать конструкцию представительства» [1, с. 143]. Исходя из этого, можно сделать вывод о межотраслевой природе института представительства с некоторыми различиями в рассматриваемой правовой категории.

Применительно к нанимателю понятие «представитель» стало употребляться в научной доктрине именно благодаря Б. К. Бегичеву. Он обосновал возможность использования этого понятия в рамках трудовых правоотношений. Одним из оснований для возникновения отношений по представительству является трудовой договор [14, с. 105].

Работы, затрагивающие правовой статус нанимателя и представляющих его органов (О. В. Смирнов [12], А. М. Лушников [8], Т. А. Избиеннова [6] и др.), не вносят определенности в вопрос, касающийся представительства интересов нанимателя во взаимоотношениях с другими субъектами.

В то же время отдельные авторы утверждают, что в сфере трудовых отношений сложилась и продолжает развиваться система представительства [3, с. 5], а другие делают акцент на невозможность замены субъектов в трудовом праве, а следовательно, невозможность использования института представительства. Помимо этого в пределах трудового правоотношения не может быть правового отношения представляемого и представителя, по которому для работника не возникало бы

правовых последствий за выполнение порученного ему круга обязанностей. Сама возможность, содержание и пределы порученной работнику трудовой функции также не могут определяться только его субъективным правом. Не согласуется с понятием представительства и то, что, например, юрисконсульт может участвовать как в трудовых, так и в гражданских процессуальных отношениях. Представитель же является субъектом той отрасли права, в которой имеет место представительство. В. М. Лебедев [7, с. 256] и В. В. Тимохин [15, с. 102] полагают, что в такой ситуации более уместно говорить о делегировании полномочий. Под делегированием полномочий следует понимать официальную передачу права представлять где-либо чьи-либо интересы.

Среди исследователей этого вопроса существует единая позиция, состоящая в том, что организация не может действовать иначе чем посредством действий физических лиц. Следовательно, существенное значение приобретает вопрос о том, чьи действия можно рассматривать в качестве действий самого юридического лица, обладающего трудовой правоспособностью. Ведь юридическое лицо может приобретать (осуществлять) гражданские и иные субъективные права и принимать на себя (исполнять) гражданские и иные юридические обязанности только через свои органы.

Общее определение органа юридического лица в гражданском законодательстве отсутствует. «Орган юридического лица» — это правовой термин, который «обозначает уполномоченное должностное лицо (единоличный исполнительный орган) или определенную совокупность уполномоченных должностных лиц (коллегиальный исполнительный орган), осуществляющих руководство деятельностью данной организации, представляющих ее интересы в отношениях с другими субъектами права» [21, с. 25]. При этом, как отмечает Я. Функ, орган действует не в своих интересах (таковых просто не имеется), а от имени и в интересах организации [18].

Необходимо иметь в виду, что в теории советского трудового права сложились различные подходы к характеристике органа юридического лица как субъекта трудового права. Одни ученые полагали, что органом предприятия, осуществляющим его трудовую правосубъектность, является директор, а администрацию в лице ее должностных лиц таковым органом не рассматривали, поскольку она осуществляла трудовую правосубъектность предприятия или учреждения только в определенной части, в соответствии с теми полномочиями, которые были делегированы ее должностным лицам [5, с. 277].

По мнению других исследователей, органом юридического лица как субъекта трудового права следует признать администрацию. При этом нередко подчеркивалось, что администрация выступает в двух качествах: а) как орган организации (в трудовых отношениях с конкретными работниками, поскольку представляет организацию); б) как

самостоятельный субъект права (в организационно-управленческих отношениях по установлению условий труда, заключению коллективного договора, введению систем оплаты труда). Эти функции администрация в соответствии с действующим законодательством выполняет наряду с отдельными должностными лицами и коллегиальными органами (советами, комитетами, правлениями) [16, с. 70].

В научной литературе понятие «представитель нанимателя» зачастую подменяется известным еще советскому трудовому праву термином «администрация» [2, с. 109]. Однако понятие органа юридического лица не тождественно понятию его администрации, которое охватывает совокупность всех должностных лиц, руководящих юридическим лицом в целом и отдельными его частями. В трудовом законодательстве отсутствует законодательное закрепление понятия «администрация», четко не определен круг входящих в нее лиц

Е. Б. Хохлов рассматривает администрацию в качестве «органа коллективного субъекта права» и говорит об отсутствии у последнего собственной правосубъектности: «...его права, его действия и его ответственность — это права, действия и ответственность того субъекта, органом которого он является» [16, с. 261].

По мнению М. В. Лушниковой, органом нанимателя называется лишь тот орган, которому принадлежат все полномочия по осуществлению трудовой правосубъектности нанимателя. Именно орган нанимателя имеет аппарат для осуществления управления трудом. «Данный аппарат и есть администрация, включающая в себя работников, осуществляющих управленческие функции каждый на своем участке под управлением органа работодателя» [9, с. 136].

В действующем трудовом законодательстве Российской Федерации термин «администрация» применяется широко, однако его содержание не раскрывается. В учебной юридической литературе России даются определения администрации как совокупности должностных лиц и органов, осуществляющих функцию организации и управления трудом и трудовым коллективом предприятия, организации. Как отметила Л. А. Сыроватская, в состав администрации входят: руководитель организации, его заместители и помощники, главные специалисты, руководители структурных подразделений, старшие мастера и другие лица, в подчинении которых находятся те или иные работники и которые выполняют функцию управления по отношению к ним [13, с. 76].

В настоящее время термин «администрация» — это нечто расплывчатое, не вписывающееся в структуру органов юридических лиц. Представляется, что это собирательное название исполнительных органов организаций различных организационно-правовых форм, которые должны быть наделены всеми правами и компетенцией. В данном случае речь идет о наделении определенной компетенцией, полномо-

чиями конкретного органа в лице конкретных должностных лиц, входящих в этот орган. Однако эти полномочия не обязательно передаются какому-либо исполнительному органу: высший орган управления организации (например, руководитель) может оставить все эти полномочия за собой.

В юридической литературе и действующем законодательстве по порядку разрешения подведомственных вопросов принято выделять два вида органов: единоличные и коллегиальные; возможно также сочетание обоих видов. Соответственно, руководство текущей деятельностью юридического лица осуществляется единоличным или коллегиальным органом [17].

В соответствии со ст. 33 закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» исполнительным органом хозяйственного общества является коллегиальный исполнительный орган (правление или дирекция) или (и) единоличный исполнительный орган (директор или генеральный директор), в соответствии с законом и уставом наделенный решающей властью по всем основным вопросам компетенции данного органа.

Вместе с тем Б. Б. Черепахиным предложено среди органов юридического лица выделять представительные и непредставительные органы [19, с. 301]. Представительные органы юридического лица при совершении правомочных юридических действий способны образовывать «волю» юридического лица и изъяслять ее, представляя юридическое лицо во внешних отношениях с другими субъектами.

Раскрытие понятия «представители нанимателя» и указание конкретного круга лиц, способных выступать в качестве представителей, в трудовом законодательстве (отношении) возможны лишь путем указания на их конкретно-определенные признаки и на основе выполнения исполнительно-распорядительных функций, которые закрепляются учредительными документами или локальными актами организации. К таким актам можно отнести правила внутреннего трудового распорядка, положение о персонале, должностные инструкции работников, а также приказ руководителя по закреплению конкретных полномочий за определенными работниками.

Функции представителя нанимателя осуществляются работниками, в трудовую функцию которых представительство включено либо оно непосредственно вытекает из содержания их трудовой функции.

Трудовое законодательство определяет правовой статус лишь некоторых представителей нанимателей, в частности руководителя организации. Статус органов управления в сфере труда не везде конкретизирован. Данный вопрос решается, как правило, учредительными документами. Полномочиями по найму и увольнению работников в организациях обычно наделяется единоличный орган юридического лица — руководитель.

В соответствии со ст. 252 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК РБ) руководитель организации — это физическое лицо, которое в соответствии с законом или учредительными документами организации осуществляет руководство этой организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа. Это положение основывается на том, что юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законодательством и учредительными документами (ст. 49 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Руководитель организации и является тем лицом, которое исполняет функции органа юридического лица, реализует от его имени гражданские права и обязанности. Таким образом, руководитель, действуя на основании заключенного трудового договора, формирует волю, реализует права и обязанности юридического лица — нанимателя.

Специфика трудовых правоотношений с руководителем состоит в том, что он предоставляет свой труд в распоряжение собственника имущества. Руководитель действует в сфере организации и управления трудом от имени организации, представляет нанимателя в возникающих правоотношениях с работником, организует и обеспечивает контроль над процессом труда. Некоторые ученые, говоря о руководителе как органе юридического лица, отмечают, что в трудовых договорах с наемными работниками он «выступает в качестве нанимателя, реализуя при этом правосубъектность нанимателя» [10, с. 11]. Однако, несмотря на некоторые особенности правового статуса руководителя, «он не обладает имущественной самостоятельностью и предпринимательскую деятельность осуществляет не на свой риск» [11, с. 14].

По мнению В. В. Ершова, особенности правового статуса руководителя определяются его ролью и местом в организации труда. В трудовых отношениях с другими работниками он выступает в качестве представителя нанимателя, заключая трудовые договоры, осуществляя дисциплинарные и иные полномочия в кадровой сфере [4, с. 86].

Анализируя нормы законодательства о труде, можно заключить, что передача полномочий должна быть оформлена в порядке, прямо указанном в норме законодательства. В качестве документов, служащих основанием для делегирования полномочий в трудовых отношениях, О. В. Шамкин выделяет следующие:

- приказ (распоряжение) нанимателя;
- доверенность;
- локальный нормативный акт [22].

Приказ (распоряжение) нанимателя — правовой акт, издаваемый руководителем организации, действующим на основе единоначалия, для решения основных задач, стоящих перед организацией;

Локальный правовой акт — это организационно-распорядительный документ, который целесообразно использовать при передаче

полномочий не конкретному лицу, а, например, коллегиальному органу (комиссии, совету директоров и т. д.) либо структурному подразделению (отделу кадров и т. п.) или должностному лицу.

Относительно трудовых отношений доверенность можно рассматривать как уполномочие определенного лица, находящегося в трудовых отношениях с нанимателем, на представительство интересов нанимателя, выполнение иных функций представляемого в отношениях с третьими лицами в сфере трудовых и связанных с ними правоотношений. В соответствии с ч. 3 п. 3 ст. 51 Гражданского кодекса Республики Беларусь руководители представительств и филиалов назначаются юридическим лицом и действуют на основании его доверенности. Применение доверенности в качестве правового основания делегирования полномочий предусмотрено при рассмотрении индивидуальных трудовых споров (ст. 235 ТК РБ).

Можно согласиться с предложенными документами, однако целесообразно закрепить возможность передачи руководителем полномочий по разрешению кадровых вопросов одному из своих заместителей или другому уполномоченному лицу. Локальные правовые акты (например, должностная инструкция, положение о структурном подразделении и др.) утверждают перечень полномочий конкретных лиц или структурных подразделений. Расширить права и обязанности уполномоченного должностного лица можно только приказом (распоряжением) нанимателя.

Доверенность весьма неудобная форма возложения прав и обязанностей в рамках локального регулирования правоотношений, поскольку ограничена по времени и, соответственно, необходимо постоянно контролировать срок действия данного документа. Оформление доверенности необходимо в случае представления интересов нанимателя перед третьими лицами в рамках отношений, связанных с трудовыми (например, рассмотрение спора в суде). В этом и будет проявляться сущность делегирования полномочий с помощью доверенности как института гражданского права.

Для решения вопросов приема и увольнения работников, а также применения мер поощрения и дисциплинарного воздействия в рамках организации достаточно будет издания приказа (распоряжения) с последующим внесением соответствующих дополнений и изменений в должностную инструкцию уполномочиваемого лица. В то же время наличие полномочий у физического лица должно быть связано с осуществлением данным лицом определенной трудовой функции, а если трудовые правоотношения отсутствуют, передачи полномочий быть не может. В связи с этим для целей трудового права достаточно издания приказа (распоряжения) нанимателя.

Как показывает практика, проверяющие внимательно относятся к документам, изданным не руководителем проверяемого субъекта,

а иными лицами. В таких случаях, как правило, процесс издания документов проверяется досконально — начиная от правомерности делегирования такого рода полномочий и заканчивая оценкой самого документа. Например, привлечение работника к дисциплинарной ответственности неуполномоченным лицом (органом) может служить основанием для отмены приказа (распоряжения) о привлечении работника к дисциплинарной ответственности.

В связи с этим целесообразно расширить норму, содержащуюся в ст. 201 ТК РФ, где прописана возможность передачи полномочий применения дисциплинарного взыскания через приказ (распоряжение); в ст. 254 ТК РФ следует закрепить за руководителем возможность делегировать полномочия по приему, увольнению и применению дисциплинарной и материальной ответственности, а также по другим вопросам трудовых отношений.

Рассмотрение данного вопроса имеет большое значение, поскольку законодательство о труде устанавливает, что ряд вопросов решает наниматель или уполномоченное должностное лицо нанимателя. Так, ст. 18 ТК РФ предусматривает, что трудовой договор подписывает наниматель либо уполномоченное им лицо; ч. 2 ст. 25 ТК РФ признает началом действия трудового договора фактическое допущение сотрудника к работе уполномоченным должностным лицом нанимателя.

Для представительства характерна связь трех субъектов: представляемого (представляемых), представителя (представителей) и третьего лица (третьих лиц). Элементами, которые объединяют этих субъектов, являются полномочия, переданные представляемым представителю, и как следствие действия представителя, которые он осуществляет в отношении третьего лица.

В качестве представителя нанимателя может выступать любое лицо, уполномоченное нанимателем в лице его органа (для коллегиального исполнительного органа) на выполнение исполнительно-распорядительных функций. Всей полнотой представительских полномочий в трудовом правоотношении обладают лишь лица, непосредственно наделенные правом на заключение и расторжение трудовых договоров с работниками.

Таким образом, специальным основанием возникновения отношений по поводу представительства нанимателя — юридического лица является решение исполнительного органа юридического лица. Данное решение должно быть принято в соответствии с учредительными документами и локальными правовыми актами, т. е. в этом случае наделение представительскими полномочиями происходит фактически по воле нанимателя или его органа путем издания исполнительно-распорядительных актов, носящих индивидуально-определенный, персонализированный характер.

Особенность нормативного регулирования представительства состоит не только в отсутствии специальных норм и наличии ряда норм в различных нормативных актах, но и в косвенном регулировании порядка делегирования полномочий в сфере трудовых правоотношений нормами гражданского законодательства.

На основании проведенного анализа можно заключить, что трудовое законодательство не дает определения понятия представительства и не раскрывает его содержания. В области трудовых правоотношений нет специальных норм, посвященных порядку предоставления субъектами трудовых правоотношений своих полномочий другому лицу. Тем не менее многие отношения в сфере труда могут возникнуть и существовать лишь на основе представительства. Такой пробел в законодательстве потенциально способен вызывать определенные затруднения в организациях с большим штатом работников, где необходимость применения такой процедуры очевидна. Основанием возникновения отношений по представительству служит решение нанимателя либо его полномочного органа (для коллегиального исполнительного органа), принятое в соответствии с учредительными документами или локальными правовыми актами и наделяющее лицо (субъект) правами на выполнение исполнительно-распорядительных функций. Таким образом, всей полнотой представительских полномочий в трудовых правоотношениях обладают лишь лица, непосредственно наделенные правом на заключение и расторжение трудовых договоров (контрактов) с работниками через приказ (распоряжение) нанимателя, т. е. уполномоченные должностные лица. Именно через представителей организация вступает в трудовые отношения с работниками; без представителей сторон невозможно взаимодействие социальных партнеров, а также рассмотрение и разрешение трудовых споров.

Список литературы

1. *Бегичев Б. К.* О законодательном закреплении института представительства в трудовом праве // Материалы конф. по итогам научно-исследовательской работы за 1967 год. — Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1968. — С. 138–150.
2. *Бухаловский О. Н.* Правовое положение предприятия по трудовому законодательству. — Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1974. — 176 с.
3. *Васильев В. А.* Представительство в трудовых отношениях // Трудовое право. — 2006. — № 3. — С. 4–9.
4. *Ершов В. В., Ершова Е. А.* Трудовой договор: учеб.-практ. пособие. — М.: Дело, 2000. — 352 с.
5. *Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П.* Советское трудовое право: вопросы теории — М.: Наука, 1978. — 368 с.
6. *Избиенова Т. А.* Представительство в трудовом праве: вопросы теории, законодательства и практики: автореф. дис. <...> канд. юрид. наук. — М., 2013. — 28 с.

7. *Лебедев В. М.* Есть ли институт представительства в трудовом праве? // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. В. М. Лебедева — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. — Ч. 12. — С. 256–259.

8. *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Курс трудового права: учеб. — М.: Проспект, 2003. — Т. 1. — С. 387–423.

9. *Лушникова М. В.* Правовой механизм социального партнерства в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений (сравнительно-правовое исследование): дис. <...> д-ра юр. наук. — М., 1997. — 362 с.

10. *Мартиросян Э., Бойченко Т.* Правовое положение руководителя организации // Государство и право. — 2000. — № 1. — С. 9–12.

11. *Орловский Ю. П., Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А.* Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) с посл. изм. от 30 июня 2006 г. — М.: Инфра-М, 2007. — 574 с.

12. *Смирнов О. В.* Трудовое право: учеб. — М.: Проспект, 1996. — 384 с.

13. *Сыроватская Л. А.* Трудовое право: учеб. для вузов по спец. «Юриспруденция». — М.: Высш. шк., 1995. — 255 с.

14. *Александров Н. Г., Калинычев Ф. И., Мицкевич А. В. [и др.]* Теория государства и права: учеб. / под ред. Н. Г. Александрова. — М.: Юрид. лит., 1974. — 664 с.

15. *Тимохин В. В.* Правосубъектность работодателя: дис. <...> канд. юр. наук. — Томск, 2003. — 251 с.

16. *Орловский Ю. Н., Глазырин В. В., Нуртдинова А. Ф. [и др.]* Трудовое право России: учеб. для студентов вузов. — 2-е изд. — М.: Инфра-М, 2008. — 608 с.

17. *Филлиповский В. В.* Акционерные общества: отдельные проблемы правового регулирования их деятельности. — Минск, 2020 // СПС «Консультант Плюс».

18. *Функ Я. И.* Общие положения об органах управления акционерного общества [по состоянию на 17.04.2008]. — Минск, 2020 // СПС «Консультант Плюс».

19. *Черепяхин Б. Б.* Труды по гражданскому праву. — М.: Статут, 2001. — 479 с.

20. *Чеха В. В.* Теоретические аспекты представительства в системе социального партнерства: дис. <...> канд. юр. наук. — Томск, 2005. — 198 с.

21. *Чичина А. П.* Еще раз об уполномоченном лице нанимателя // Отдел кадров. — 2003. — № 6. — С. 25–29.

22. *Шамкин О. В.* Делегирование полномочий в трудовых отношениях. — Минск, 2020 // СПС «Консультант Плюс».

Соколова Елена Валерьевна,
кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Россия, Санкт-Петербург,
89052617672@mail.ru

Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности

Основная проблематика исследования сосредоточена в плоскости уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности личности. В современный период социально-правовая обусловленность уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности личности сомнений не вызывает. При этом итоговый ее приоритет именно в сторону личности стал важным гуманитарным достижением, присущим цивилизации и правовому государству. Половая неприкосновенность и половая свобода личности в правовом государстве являются объектами правовой и нравственной заботы, и их защита становится важной социальной задачей.

Все основные составы преступлений, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ, являются формальными, что подчеркивает априорный характер уголовно-правового запрета. В большинстве случаев формальный по конструкции состав характеризуют и квалифицирующие признаки этих деяний, и лишь в некоторых ситуациях требуется установление конкретных общественно опасных последствий и их причинной связи с содеянным.

При характеристике объективной стороны этих преступлений можно видеть совпадение форм физического (психического) насилия, угроз, эксплуатации беспомощного состояния жертвы. Более того, сравнивая перечень квалифицирующих признаков ст. 131 УК РФ (изнасилование) и ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера), можно констатировать их полную идентичность. Наказание за совершение данных преступлений также установлено одинаковое.

По возрастному признаку статус жертв таких преступлений отражен в ст. 131–132 весьма нестандартно: лица, не достигшие 12 лет, далее 14 или 18. Такой подход сформировался в законодательстве в 2012 г., когда были внесены соответствующие изменения в УК РФ.

Отдельное внимание необходимо уделить признакам беспомощного состояния жертвы, которое может иметь возрастную природу (в

соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ лица моложе 12 лет находятся в нем имманентно, поскольку не достигли половой зрелости и не обладают правильным представлением о сущности, месте и роли половых отношений), либо иную (может возникать вследствие соматического заболевания, ограничивающего подвижность, душевной болезни, исключающей восприятие происходящего как преступления) [1, с. 13].

Дискуссионным вопросом является внутреннее разграничение некоторых преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Так, возникает коллизия между развратными действиями и совершением иных насильственных действий сексуального характера в тех случаях, когда потерпевший(ая) не достиг(ла) 12 лет. В современной редакции ст. 132, 135 УК РФ спорные вопросы сняты законодательно, поскольку признано наличие беспомощного состояния по признаку недостижения 12-летнего возраста [3, с. 201–205]. Иными словами, даже если сексуальное посягательство заключалось в прикосновении к телу жертвы и не было связано с проникновением в него (или было, но в этих целях виновный использовал собственные пальцы, а не половые органы), буква закона предписывает квалифицировать содеянное как насильственное преступление против половой неприкосновенности малолетнего. Тем не менее следует отметить, что в действующем законодательстве имеется ряд недостатков, не позволяющих осуществлять эффективную защиту.

Так, в составах насильственных посягательств не освещены особенности приведения жертвы в беспомощное состояние; в составах нена насильственных посягательств противоестественным образом отражена роль вступления в брак как условия, исключающего уголовную ответственность (ст. 134 УК РФ), и, напротив, не установлены особенности совершения преступлений с использованием современных коммуникативных ресурсов (виртуальной реальности).

Из поля зрения законодателя упущено то обстоятельство, что в настоящее время для совершения развратных действий широко используются социальные сети и другие Интернет-ресурсы. Уже выявлены «виртуальные педофилы», знакомившиеся с жертвами в социальных сетях и склонявших их к «виртуальному сексу» [2, с. 231–237]. Это высоколатентные действия, однако необходим правовой инструментарий для их предупреждения или недопущения.

Хотя случаи, описанные в ч. 1 ст. 134, относятся к преступлениям средней тяжести и для освобождения от уголовной ответственности могут быть использованы все инструменты, установленные в Общей части УК РФ (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, судебный штраф), в примечании к этой норме установлено специальное основание, охватывающее ситуации, когда половые партнеры имеют разницу в возрасте в пределах четырех лет и старший из них выразил готовность вступить в брак. Между тем в соответствии с Семейным ко-

дексом РФ брак — это добровольный союз женщины и мужчины. При этом, если исходить из, как правило, более младшего возраста девушек в таких случаях, возникает ситуация, в которой признаки добровольности брака утрачиваются: для мужчины повод вступить в брак — это освобождение от уголовной ответственности, а для девушки — необходимость следовать велению законодателя в этой части.

Преступления, предусмотренные ст. 131–135 УК РФ, характеризуются высокой латентностью, и среди них чаще выявляются только те, которые сопряжены с насилием в отношении малолетних. Однако число осужденных за такие преступления относительно невелико.

Небывалый рост педофилии повлек усиление уголовной ответственности за преступления сексуального характера, совершаемые в отношении детей. В связи с осуществленным зимой 2012 г. преобразованием законодательной конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ, наказание за них существенно ужесточено, вплоть до пожизненного лишения свободы.

Однако следует отметить, что в современный период недостаточно эффективна практика назначения уголовного наказания за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также принудительного лечения лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией). В этой связи требуются оптимизация методик лечения и установление широкого арсенала профилактических средств, позволяющих полностью контролировать поведение осужденных после их освобождения из мест лишения свободы. В соответствии со ст. 97, 99 УК РФ одной из мер профилактики является принудительное амбулаторное лечение у психиатра. Кроме того, педофилы, освобожденные из мест лишения свободы, находятся под административным надзором, что позволяет в эффективнее контролировать их образ жизни. Однако перечисленные уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и административно-правовые средства не в полном объеме позволяют предупредить совершение новых преступлений. Поэтому они должны быть дополнены механизмом раннего выявления лиц, склонных к педофилии, и установлением их психического состояния.

Список литературы

1. *Авдалян А. Я.* Предупреждение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический анализ (компаративистское исследование): дис. <...> канд. юр. наук. — Томск, 2015. — 211 с.

2. *Гусарова М. В.* Развратные действия как уголовно-правовая категория // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2018. — № 2 (32). — С. 231–237.

3. *Теймурахов Т. Н.* Особенности разграничения квалифицированных видов изнасилования // Проблемы экономики и юридической практики. — 2016. — № 2. — С. 201–205.

УДК 340.692

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_177

Кодинцев Александр Яковлевич,

доктор юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Россия, Санкт-Петербург,
balsak1@yandex.ru

Рыбин Данил Вячеславович,

кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
доцент кафедры конституционного и международного права,
Россия, Санкт-Петербург,
danilarybin@rambler.ru

Проблемы судебной экспертизы в трудах А. Ф. Кони

Вопросы судебной экспертизы интересовали и интересуют многих юристов. В числе прочих исследованиями в этой сфере занимался Анатолий Федорович Кони. Его интерес вполне объясним. Десятки лет находясь на прокурорских должностях, он непосредственно участвовал в рассмотрении экспертных вопросов — как сам, так и с участием подчиненных ему следователей. Свои мысли, идеи юрист излагал в виде записок, вел их много лет и в конце концов, как он часто делал, опубликовал часть из них. Экспертиза привлекала внимание Кони также в силу его энциклопедического интереса к знаниям вообще. Интересуясь сценой, медициной, психиатрией он вновь выходил на проблемы судебной экспертизы.

Бывший судья и прокурор занимался всеми сферами судебной экспертизы, в том числе, художественной, археологической, каллиграфической, фотографической, литературно-художественной, сценической,

психиатрической и медицинской. В нашей статье мы кратко раскроем участие А. Ф. Кони в каждой из них.

Тема участия в экспертизе А. Ф. Кони не стала предметом серьезного научного изучения. В 1920-х гг. вышло небольшое количество статей, где медики упоминали о его роли в судебно-экспертной политике империи [7, с. 142–143]. Сам Анатолий Федорович опубликовал несколько работ об экспертизе. Часть из них вошла в 1-й том трудов, вышедших в 1966 г. [3, с. 192–237]. Отдельные работы никогда не были опубликованы. В настоящее время публикации о судебно-экспертной деятельности Кони носят единичный характер [1, с. 64–65].

Увлекаясь экспертизой, Анатолий Федорович погружался в отдельные научные отрасли, например занимался популяризацией психиатрии и психологии, стремился понять основы наук. Медицина такому описанию не подвергалась. Научных работ по сугубо медицинским проблемам Кони не выполнял, т. е. рассматривал только судебно-медицинские вопросы. И при их рассмотрении выступал исключительно в качестве юриста. Часть работ была опубликована, а часть осталась неизвестной и хранится в архивах.

Образ «правильной» экспертизы складывался у Анатолия Федоровича в 1870-е гг. Наш герой систематически изучал основную литературу по проблемам экспертизы, был в курсе всех новых открытий в этой области. В своих воспоминаниях Кони не раз описывал баталии, которые он выдерживал в «битвах» с экспертами. Со временем он стал настолько хорошо разбираться в экспертизе, что мог профессионально спорить со специалистами, заслужил уважение многих из них, особенно медиков, и они как бы «присвоили» его себе. Он стал «их» юристом, настоящим специалистом высокой квалификации. Как член Медицинского совета при МВД, Кони десятилетиями сотрудничал с врачами и имел обширное представление о развитии экспертизы в России. При составлении своих заметок сенатор переписывался с десятками врачей, в том числе зарубежных. Долго размышлял, сопоставлял факты.

В 1890 г. Анатолий Федорович подготовил обширный реферат «О задачах судебно-медицинского законодательства» [2, л. 1–12]. Документ не был опубликован.

В реферате Кони показан резкий конфликт между судебным следователем и медицинским экспертом. И, что интересно, юрист часто вставал на сторону следователя. Большая часть реферата посвящена урегулированию взаимоотношений следователя и эксперта. Подвергая современное ему законодательство пристрастному разбору, Кони отмечал, что экспертиза ограничена, есть лишние статьи или неясная их редакция, противоречивость, мелочная зарегулированность. Кони приходил к выводу, что устаревшее законодательство нуждается в срочном изменении.

Прежде всего он ставил вопрос о соотношении Устава уголовного судопроизводства (УУС) и Устава судебной медицины (УСМ).

Кони указывал, что в УУС (ст. 325–355, 521, 691–695) отражены не все виды судебно-медицинской экспертизы, есть лишние статьи, повторы, неверные термины («следователь принимает меры к оживлению умершего» (ст. 340 УУС)), неполная редакция, противоречивые статьи (521 и 691 УУС). Кони протестовал против вмешательства Губернского правления в деятельность судебного следствия (ст. 346 УУС).

Оценивая нормы, касающиеся судебной экспертизы, в УУС как «кабинетные», он критично оценивал и устаревший к тому времени Устав судебной медицины, мелочно регулировавший деятельность врачей. Например, примечание к ст. 1782 УСМ определяло, что «пилу для распиления черепа надо смазывать деревянным маслом и молоточком ударять по долоту раза два, выбрав место ни слишком высоко, ни слишком низко». Часто употреблялись ненаучные термины (простуда или простудился), а яды разделялись (ст. 1843, 1846, 1847) на «стягивающие, разъедающие и усыпляющие». УСМ наполняло огромное количество «мутных» норм. Многие болезни в нормальной форме не объяснялись, отсутствовали определения видов экспертиз, их целей и т. д.

В итоге УСМ «доходил» до совершенно безграмотных утверждений. Например, ст. 1794 рекомендовала определять, «в каком сношении» находится «болезненное состояние шеи с имеющимися повреждениями», в ст. 1842 говорится о «головокружении веселым бредом» и о припадках, сопровождавших смерть, причем к ним отнесены «глумление» и «сверкающие» глаза. В ст. 1864 говорится о раненом, приведенном «в несостояние искать себе помощи». Женщины, по определению ст. 1863, отличаются «раздражительным расположением», а ст. 1790, говоря об открытии полости хребта, прибавляет: «...у взрослых делать сие гораздо труднее, нежели у детей».

Кони отмечал, что правовые акты позволяют судебному врачу при проведении предварительного следствия становиться на все время исследования руководящим деятелем. «Судья научных фактов» — так именовал он эксперта.

Кони предлагал укрепить единство между следователем и экспертом, определить волю эксперта, ввести письменную форму ответа (отчета), расширить права следователя по оценке достаточности экспертизы и точно указать пределы экспертизы и способы ее производства. В итоге Анатолий Федорович предлагал усилить роль следователя при проведении экспертизы и передать ему процесс управления.

К теме медицинской экспертизы Кони вернулся через 14 лет в статье «О праве вскрытия трупов умерших в больницах», вышедшей накануне Первой русской революции. Сенатор и член медицинского Совета МВД различал вскрытие в университетских научных клиниках, где оно, по его мнению, могло производиться без ограничений, от обычных больниц, где это допускалось только с согласия родственников.

Размышляя о судебно-медицинской экспертизе, Анатолий Федорович продолжал вести записки и в начале XX в. (последняя запись датирована 1926 г.). Часть материалов была подготовлена в 1909 г. как статья «Об ошибках судебно-медицинской экспертизы». Была ли статья опубликована, пока не установлено. В ней основном описаны необычные случаи из практики А. Ф. Кони. Важнейшие элементы из записок вошли в состав книги Кони «Суд — наука — искусство», вышедшей в 1923 г. и впоследствии не раз переиздававшейся [3, с. 192–205].

Собственно, сама работа состоит из анализа нескольких видов экспертиз, в том числе медицинской, художественной, археологической, каллиграфической, фотографической, литературно-художественной, сценической. Анатолий Федорович, как обычно, делал заметки о классификации экспертиз (первичные записи хранятся в рукописном отделе ИРЛИ и в концентрированном виде содержатся в упомянутом труде «Суд — наука — искусство».

Юрист четко разделял экспертов-врачей на две категории: добросовестные, но зачастую неграмотные провинциальные врачи и профессора и специалисты-медики. Имена этих профессоров сохранились в истории благодаря Кони: Д. Ф. Лямбль (Харьков), В. Ф. Грубе (Харьков), И. М. Гвоздев (Казань), И. М. Балинский (Санкт-Петербург), И. П. Мержеевский (Санкт-Петербург). Делясь воспоминаниями, Кони рассказывал о схватках экспертов в судебных заседаниях, о неоднозначности их выводов. Сам Анатолий Федорович постепенно погружался в медицинские знания, позволявшие определить степень виновности обвиняемых на суде, и стремился разобраться в них. Анатолий Федорович указывал, что в первые пореформенные годы судебные медики сопротивлялись деятельности молодых юристов, имевших судебно-медицинскую подготовку. Медики в отличие от юристов, рассматривая возможные причины смерти, не учитывали общие обстоятельства совершения преступления и чересчур активно настаивали на правильности своих заключений.

Отдельную группу экспертиз составляли научные исследования, связанные с культурой и искусством. В рукописном отделе ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург) хранятся заметки по таким экспертизам. Почти в полном объеме они вошли в работу «Суд — наука — искусство». В первую очередь речь идет о художественной экспертизе. Рассуждая о такой экспертизе, Кони рассматривал дело художника Грефа (Берлин), когда обвинители пытались увязать творчество художника с его якобы «связью» с проституткой (натурщицей) Бертой Ротер.

Подробно Анатолий Федорович разбирал знаменитые экспертизы, связанные с подделкой писем и документов (дело Петра Долгорукова, дело писем Марии-Антуанетты, дело Маргариты Жюжан). Фотографическая экспертиза в конце XIX в. постепенно вытесняла каллиграфическую, ибо позволяла произвести более точное сличение элементов

текста сравниваемых документов. Кони отмечал появление экспертизы, при которой сличались слог, стиль и правила правописания (дело об убийстве Петина, дело врача Ипполита М.), а также упоминал, что изредка применялась историко-литературная экспертиза [3, с. 213–237].

Более сложной экспертизой Кони признавал литературно-художественную. Она была для него чрезвычайно важна, поскольку была связана с его неровными отношениями с прессой. Юрист указывал на крайнюю сложность такой экспертизы в связи с необходимостью оценивать творения талантливых людей. В качестве критериев, свидетельствующих о наличии преступного умысла, он выделял способ распространения и цель. По данным Кони, изредка встречалась сценическая экспертиза.

Отдельный важный блок работ Кони составили материалы и публикации по судебной психиатрии. С 1870-х гг. наш герой систематически изучал основную литературу по проблемам экспертизы, был в курсе всех новых открытий в этой области. Его интерес тесно связан с социально-психологическими проблемами, которые его волновали. Первой работой стала подготовленная, но неопубликованная статья «К учению о так называемой клептомании». В конце 1880-х гг. он составил обширные записки с детальным анализом уголовной антропологии. Исследования Кони увенчались выходом в 1890 г. статьи «Антропологическая школа в уголовном праве». После длительного перерыва Анатолий Федорович вернулся к теме судебной психиатрии в 1909 г. В декабре 1909 г. состоялся съезд отечественных психиатров, на котором юрист сделал доклад. Психиатрическая тема глубоко захватила нашего героя. Он продолжал писать и исследовать. В 1913 г. вышла его работа «Душевнобольные». После революции была опубликована расширенная версия: «Сущие-глупые и умом прискорбные».

В данной статье ограничимся анализом исключительно работ об экспертизе. Примером ранней работы может служить статья «О свидетельствовании сумасшедших в особом присутствии Губернского правления» (1891), в которой автор подробно разбирал правовые основания для проведения такой экспертизы и указывал на основные проблемы. В первую очередь Анатолий Федорович говорил о разделении лиц, подлежащих освидетельствованию, на подлежащих и не подлежащих опеке. Губернатор назначал освидетельствование либо в случае совершения умалишенным преступления, либо по просьбе родственников. Еще одним условием было наличие у больного имущества (но только нуждающегося в управлении). За остальными больными, помещенными в частные лечебницы, устанавливался только негласный контроль со стороны руководителей сословного самоуправления. Кстати, помещение в частные лечебницы больных по инициативе родственников без освидетельствования неизбежно должно было породить многочисленные злоупотребления. Могло возникнуть предположение о злоупо-

треблении властью (лечебных учреждений) — тогда градоначальник ставил в известность об этом губернатора.

Сама процедура проводилась в особом присутствии Губернского правления или в распорядительных заседаниях окружного суда. Каждый из этих органов рассматривал вопрос о вменяемости подданного. Губернское правление решало вопрос о вменяемости в связи с установлением опеки, а окружной суд — в связи с совершением преступления. Но процедуры были сходными. Разница заключалась в том, что в первом случае присутствовали гражданские служащие, а во втором — судьи и прокуроры. Кони не устраивал факт назначения врачей Врачебным управлением губернии автоматически — «по должности». Это ограничивало их свободу. «Неврачебный» состав присутствий отличался переменчивостью и полным отсутствием квалификации при принятии решений [4, с. 572–583].

Сравнивая процедуры в Губернском правлении и окружных судах, Анатолий Федорович предлагал унифицировать и упростить процедуру освидетельствования. Причем каждое действие членов комиссии подлежало протоколированию, а любые возражения — направлению на рассмотрение в Медицинский совет МВД. Исходя из практики того времени, Кони выделил следующие категории лиц, представших перед государственными органами: здоровые, безумные, слабоумные, сумасшедшие. Сейчас такая классификация выглядит устаревшей.

Через 18 лет Анатолий Федорович возвратился к вопросу психиатрической экспертизы в упомянутой выше речи на открытии съезда психиатров (1909 г.) [5, с. 145–166]. Вложив в эту речь всю силу своего литературного дарования, сенатор подчеркнул отставание законодательства от требований жизни и сравнил законодателя со старцем, который «ходит осторожно и подозрительно глядит». Причем законодательство безнадежно отставало от научных знаний на много лет. Из положительных моментов, по мнению докладчика, можно было отметить появление понятий «вменяемость» и «невменяемость» в Уголовном уложении 1903 г. А в гражданском праве сохранялась крайне устаревшая правовая система. Анатолий Федорович включил в речь старую статью 1891 г. и констатировал, что законодательство не изменилось. Проект Устава об опеке больше 10 лет путешествовал из ведомства в ведомство без положительных последствий. Злоупотребления родственников, помещающих мнимых «больных» в частные лечебницы без всякого контроля со стороны государства, с корыстными целями, по-прежнему, имели место. В подавляющем большинстве случаев врачи никакого отношения к психиатрии не имели и выносили безграмотные решения. Перефразируя Тургенева, в их заключениях «наука и не ночевала». Еще хуже обстояло дело с неврачебным составом особых присутствий Губернских правлений.

А. Ф. Кони указывал, на отсутствие четких опросников для душевнобольных, банальность задаваемых вопросов, обстановку стресса, в

которой находится умалишенный (или предполагаемый больной). Все эти особенности процедуры юрист подтверждал множеством примеров из своей практики. Его речь была наполнена воспоминаниями о судебной экспертизе выдающихся российских психиатров-гуманистов.

Докладчик предлагал перейти к модели, применявшейся в прибалтийских губерниях, т. е. и по гражданским, и по уголовным делам рассматривать вопрос о невменяемости в окружных судах. У губернских правлений оставалась бы только функция контроля над исполнением судебного заключения.

В работе «Суд — наука — искусство» Анатолий Федорович поднимал проблему переключения внимания присяжных заседателей с морально-нравственного падения преступников на психиатрические причины совершения преступлений. Преступники старались прикрыться мнимой болезнью, «психопатией» в широком смысле слова. Кони беспокоило отсутствие четкой грани между психическим состоянием преступника и его возможным психопатологическим состоянием. В число прочих проблем Анатолий Федорович включал вопрос о возможности экспертной оценки при определении гипнотического состояния [3, с. 205–213].

В 1922 г. вышел итоговый (по психиатрической экспертизе) труд Анатолия Федоровича «Сущеглупые и умом прискорбные» [6]. В существенной степени он повторял предыдущие научно-популярные работы Анатолия Федоровича. Последняя работа наполнена множеством примеров из его судебно-прокурорской практики. Перед нами предстанет большая группа псевдобольных, псевдоздоровых, невинно обвиненных и прочих лиц. Автор выделял новые проблемы, возникающие в ходе экспертизы, в том числе в ряде случаев формализм и поспешность в определении диагноза со стороны отдельных врачей, зачастую неосновательные причины для возбуждения дела о рассмотрении вменяемости. По данным Кони, большинство встречавшихся ему заболеваний относились к мании величия или к религиозному бреду.

В этих воспоминаниях А. Ф. Кони неизменно предстает как чуткий, внимательный юрист, помогающий несчастным, попавшим в затруднительное положение, или с помощью врачей разоблачающий преступников.

Практические замечания Анатолия Федоровича Кони о статусе и положении судебного эксперта и следователя не утратили своего значения и актуальны до сих пор. Ряд проблем судебной экспертизы (основания для возбуждения производства, соотношение полномочий следователя и эксперта, допустимая степень вмешательства государства в судебную экспертизу, условия проведения экспертизы, точность поставленного диагноза и пр.) чрезвычайно важны и в наше время, особенно в связи с превращением экспертизы в государственную.

Список литературы

1. Вишнякова Ж. С., Курдюшин А. С., Пичугина А. А. А. Ф. Кони о судебной медицине // Медицинская экспертиза и право. — 2014. — № 3. — С. 64–65
2. ИРЛИ РАН, ф. 134, оп. 1, д. 180, л. 1–12.
3. Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. / под ред. В. Г. Базанова. — М., 1966–1969. — Т. 1: Из записок судебного деятеля / ред. Г. К. Большакова. — М., 1966. — С. 192–237.
4. Кони А. Ф. Освидетельствование сумасшедших в особом присутствии Губернского правления: практическая заметка // За последние годы. — СПб.: Типография А. С. Суворина, 1896. — С. 572–583.
5. Кони А. Ф. Психиатрическая экспертиза и действующие законы (речь при открытии съезда отечественных психиатров 27 декабря 1909 г.) // Вестник Европы. — 1910. — № 2. — С. 145–166.
6. Кони А. Ф. Сущеглупые и умом прискорбные: Из воспоминаний судебного деятеля. — Пг.: Маяк, 1922. — 56 с.
7. Малис Ю. Д. Автореферат доклада на XVII научном заседании Общества медицинской экспертизы г. Ленинграда от 29 сентября 1927 г., посвященном памяти академика А. Ф. Кони // Судебно-медицинская экспертиза. — 1928. — Кн. 10. — С. 142–143.

УДК 343.1

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_184

Ежова Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,

Институт права

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,

доцент кафедры уголовного права и процесса,

Россия, г. Уфа,

yezhovae.rb@mail.ru

Некоторые особенности изменения или отмены решения по уголовному делу в суде апелляционной инстанции

Производство в суде апелляционной инстанции, несмотря на прямую отсылку законодателя к процедуре, аналогичной судебному заседанию суда первой инстанции, имеет свои особенности, связанные с тем, что предметом проверки этого суда является не обвинение, предъ-

являемое лицу на стадии предварительного расследования, а уже состоявшееся судебное решение по делу, хотя пока и не вступившее в законную силу. В связи с этим существуют и определенные особенности изменения положения обвиняемого в суде апелляционной инстанции как в сторону ухудшения, так и в сторону облегчения.

По общему правилу (ст. 389.24 УПК РФ) «обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей». Это же правило распространяется на случаи отмены оправдательного приговора.

Согласно буквальному толкованию уголовно-процессуального закона, получается, что инициаторами ухудшения положения осужденного, оправданного могут быть только указанные выше лица (что вполне логично, учитывая их непосредственную заинтересованность в вынесении законного, обоснованного и справедливого решения по делу).

Однако возникает вопрос о самостоятельности суда апелляционной инстанции при вынесении решения по апелляционной жалобе (представлению) и его зависимости от позиции сторон. Ведь основной посыл, который был дан в п. 3 постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П, заключается в том, что суд, выносящий решение по делу и берущий на себя ответственность за его правосудность, не должен быть зависим от требований сторон в уголовном процессе: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны».

Поэтому совершенно справедливо Курганским областным судом перед Конституционным Судом РФ был поставлен вопрос (определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О): как поступить суду, в случае если он установит признаки более тяжкого преступления, но при этом ни в апелляционном представлении прокурора, ни в заявлении потерпевшего об изменении обвинения на более тяжкое речь не шла? И можно ли в данном случае суду апелляционной инстанции по собственной инициативе возвратить уголовное дело прокурору для устранения допущенных нарушений и препятствий рассмотрения его судом, если в ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ)?

Рассмотрев данный запрос, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которых поставлен вопрос о необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства и (или) об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения, «суд апелляционной инстанции вправе вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору».

Таким образом, суд апелляционной инстанции вправе по собственной инициативе вернуть уголовное дело прокурору по указанному выше основанию, но только при сочетании следующих двух условий: наличия апелляционной жалобы потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей или представления прокурора, а также содержащейся в них просьбы об ухудшении положения обвиняемого, не обязательно связанной с оценкой фактических обстоятельств дела. Однако остается открытым вопрос: как поступить суду в случае подачи жалобы иным помимо указанных лицом и обнаружения признаков более тяжкого преступления?

Проблема самостоятельности суда апелляционной возникает и при отказе прокурора от обвинения. В суде первой инстанции заявление такого ходатайства влечет безусловное прекращение судом уголовного преследования (при соблюдении всех необходимых условий). В апелляции такой порядок недопустим опять же из-за ее сути, которая заключается в пересмотре уже состоявшегося судебного решения. Этот факт делает невозможным полное господство государственного обвинителя над судьбой обвинения: у него нет полномочий отменить или изменить состоявшееся решение суда (поскольку теперь он не поддерживает обвинение, а просит пересмотреть акт правосудия). На это указывает и А. С. Черкоткин [1, с. 273–274].

Между тем Конституционный Суд РФ отмечает некоторую двойственность данной ситуации. С одной стороны, решение суда еще не вступило в законную силу, лицо еще не считается виновным, а следовательно, у государственного обвинителя еще сохраняются полномочия по распоряжению судьбой уголовного иска. С другой стороны, решение суда первой инстанции уже состоялось, представленным стороной обвинения доказательствам была дана правовая оценка (определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 2800-О). Видимо, поэтому в своем определении 2016 г. суд распространил действие ст. 254 УПК РФ, закрепляющей основания для прекращения уголовного дела в судебном заседании, в том числе в случае отказа обвинителя от обвинения, на производство в суде апелляционной инстанции (определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1260-

О). Однако в более позднем решении этого суда (2017 г.) уточнено, что данная правовая позиция была выражена применительно к вопросу об обязанности вышестоящего суда удовлетворить внесенное прокурором представление, когда оно содержит информацию о незаконности и необоснованности обвинения, поддержанного ранее нижестоящим прокурором (определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 2800-О). Поэтому абсолютно обоснованной представляется позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в упомянутом определении, согласно которой прокурор вправе указывать в апелляционном представлении на любые недостатки приговора, свидетельствующие о его неправосудности и подлежащие исследованию в суде апелляционной инстанции, однако такое указание не может быть признано полным или частичным отказом от обвинения (в смысле ч. 7 ст. 246 УПК РФ) и, следовательно, не может влечь связанные с этим процессуальные последствия.

Таким образом, позиция прокурора о необходимости отмены приговора и оправдании лица за отсутствием состава преступления не является обязательной для суда апелляционной инстанции и не понуждает его прекратить уголовное преследование.

Список литературы

1. *Червоткин А. С.* Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве: моногр. — М.: Проспект, 2019. — 376 с.

УДК 342.9

DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_187

Маджид Мохаммед Али,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»,
аспирант кафедры уголовного права и процесса,
Россия, Нижний Новгород,
e-mail: mamh35@yahoo.com

Позиции иракского законодательства в отношении финансирования терроризма

Финансовая и моральная поддержка террористических организаций является основой для продолжения их деятельности и проведения новых террористических актов, а также одной из самых серьезных про-

блем безопасности, с которыми сталкиваются все страны мира, включая Ирак.

Чтобы привлечь во внимание концепцию финансирования преступлений терроризма, необходимо определить преступление финансирования терроризма. Оно было определено в 1999 г. Организацией Объединенных Наций (ООН) в ст. 2 Конвенции о борьбе с финансированием терроризма: «Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения: а) какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению; б) любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения».

В связи с этим в 2012 г. в Ираке был издан закон, в соответствии с которым ратифицирована данная Конвенция, а также принято Арабское соглашение по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма.

В 2015 г. в Ираке был принят закон по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма № 39, который определил финансирование терроризма как «любое действие, обязывающее любое лицо, которое любыми средствами, прямо или косвенно, намеревается предоставить средства и собрать их или получить их из законного или незаконного источника с намерением использовать их полностью или частично для совершения террористического акта террористом или террористической организацией независимо от того, имело ли место данное преступление, независимо от страны, в которой произошло деяние, или террористической организации».

Из этого определения ясно, что иракским законодательством представлено точное, подробное определение преступления финансирования терроризма, поскольку оно не привязано к конкретному методу сбора средств, подпадающих под финансирование преступления, упоминает прямой и косвенный способы поддержки терроризма, не связано с законностью или незаконностью источника средств, не проводит различий между предоставлением части или всей суммы, использованной для совершения террористического акта, не зависит от того,

было или не было совершено террористическое преступление. В данном определении также упоминается государство, поскольку трудно оценить истинный объем незаконно отмываемых денег и их источник [1, с. 36].

Сегодня существует конкуренция между борцами с терроризмом с одной стороны и террористическими организациями — с другой за источники финансирования. Деньги — это топливо для любой деятельности независимо от ее целей. Основная трудность в борьбе с терроризмом заключается в том, что террористические группы пытаются получить финансирование из разных источников, таких как личное общение, сбор «от двери до двери», электронные письма, телефонные звонки, призывы к пожертвованиям с помощью различных СМИ, незаконный оборот наркотиков, отмывание денег и др. [5, с. 78].

Следовательно, финансирование является жизненной основой террористических групп, без которой им будет трудно продолжать свою деятельность. Поэтому иракские законодатели должны были обратить внимание на эту важную проблему и принять закон о борьбе с финансированием терроризма, дополняющий закон № 13 (2005 г.) о борьбе с терроризмом. Заметим, что в иракском законодательстве есть некоторое пересечение определений преступления финансирования терроризма и преступления отмывания денег: хотя имеется отдельный закон об отмывании денег, но во многих местах между этими двумя преступлениями разница не совсем очевидна.

В чем же состоят сходства и различия между финансированием терроризма и отмыванием денег? Совпадение между этими двумя преступлениями заключается в способах финансирования терроризма и отмывания денег, например когда банковские счета используются не по назначению для достижения конкретных целей финансирования терроризма и оказывают негативное влияние на национальную и международную экономику, а также в том, кто финансирует терроризм — отдельные лица или группа террористов для реализации их террористических планов.

Наиболее важные различия между этими двумя преступлениями касаются источника средств финансирования (законного или незаконного) терроризма и отмывания денег, всегда являющегося незаконным (например, преступления, связанные с наркотиками, автоугоном и контрабандой). С точки зрения цели финансирование терроризма направлено на сбор, предоставление денег и помощь отдельным лицам и террористическим группам и расширение преступных действий, в то время как отмывание денег направлено на сокрытие незаконного создания преступных доходов без раскрытия их источников [3, с. 333].

Кроме того, преступление финансирования терроризма характеризуется тем, что является умышленным преступлением, т. е. совершено не по ошибке; а также гибкостью и легкостью, с какими террористи-

ческие группы меняют свою организацию, структуру и интеграцию в бизнес и рынок [4, с. 79].

В связи с тесной взаимозависимостью между отмыванием денег, коррупционными преступлениями и террористическими преступлениями в последнее время в международных соглашениях предусматривается, что коррупционные преступления и преступления терроризма могут включать преступление отмывания денег с целью сокрытия источников коррупции и терроризма. Так появилась Конвенция ООН против организованной преступности 2000 г. [2, с. 32].

Кроме того, иракские законодатели криминализировали вклад отдельных соучастников в преступление финансирования терроризма, и этот вклад зависит от количества соучастников (когда два (или более) соучастника совершают одно и то же преступление). Вклад в преступление требует наличия множества преступников в рамках одного преступления. Первый раз участие в преступлении не преследуется по закону, если преступление не было совершено, но соучастник сделал взнос, поскольку в основе преступного вклада выделяются три юридические компоненты: во-первых, незаконное деяние; во-вторых, например, участие каким-либо образом в незаконной деятельности, подстрекательство, согласие, материальная помощь; в-третьих, аспект преступного умысла [6, с. 774].

Соответственно, когда все компоненты преступления имеют место, преступник должен понести уголовную ответственность и заслуживает наказания, предусмотренного законом. В случае если преступником является юридическое лицо, иракское законодательство в соответствии со ст. 80 Уголовного кодекса Ирака 1969 г. предусматривает штраф за организацию гражданского общества, которое совершило преступление путем финансирования терроризма: «Юридические лица, за исключением государственных ведомств и их официальных и полуофициальных подразделений, несут уголовную ответственность. Они не могут быть осуждены без штрафа, конфискации и превентивных мер».

Если закон устанавливает первоначальное наказание за преступление, иное чем штраф, или заменяет штраф для юридических лиц, это не позволяет лицу, совершившему преступление, избежать наказания, предусмотренного за преступление законом по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма № 39 2015 г.

Таким образом, наказание, назначаемое за финансирование терроризма (от штрафа для юридических лиц и вплоть до пожизненного заключения), подразумевает, что финансирование терроризма считается уголовным преступлением. Сумма штрафа рассчитывается в соответствии с постановлением № 6 2008 г. Процедура вынесения штрафа определяется поправками к Уголовному кодексу Ирака № 111 1969 г.: в ст. 2 указано, что штраф за уголовное преступление варьирует от 1 до 10 млн иракских динаров.

Из вышеизложенного следует, что иракское законодательство позволяет приговорить к пожизненному заключению любого, кто участвовал в финансировании терроризма, причем отсутствует различие между финансированием отдельного террориста и террористической организации: наказание в обоих случаях идентично.

Аналогичным образом иракское законодательство не проводит различий между финансированием террористической деятельности внутри и за пределами Ирака. Целесообразно было бы провести различие между финансированием отдельных лиц или террористических организаций как на территории Ирака, так и за пределами страны. В тексте законодательных актов отмечается, что приговор (вплоть до пожизненного заключения) может быть применен ко всем формам преступления финансирования терроризма.

Таким образом, важность данного исследования определяется тем, что преступление, связанное с финансированием терроризма, является серьезным преступлением. В силу этого оно соответствует закону с точки зрения преступного поведения, состоящего из материальной компоненты и компоненты преступления.

Таким образом, преступление финансирования терроризма является основой жизнедеятельности террористических групп, поэтому истощение источников финансирования представляется наиболее успешным способом уничтожения таких группировок. Террористические группировки в значительной степени зависят от отмывания денег, помогающего скрыть преступные доходы.

Финансирование терроризма находится в центре внимания международных и региональных организаций, которые осознают риски операций по отмыванию денег при финансировании террористических операций.

Список литературы

1. *Абд аль-Рахим Д. А.* Борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма: Дом аль-Махаджа аль-Байда. — Бейрут, 2004. — 290 с.

2. *Аль-Хесами Х.* Терроризм и его связь с операциями по отмыванию денег и международное сотрудничество в борьбе с ним // Журнал 26 сентября. — 2008. — № 3. — С. 27–38.

3. *Бассуни М. Ш.* Отмывание денег, международные ответные меры и противодействие на региональном и национальном уровнях // Журнал Dag Al-Shuruk. — 2014. — № 1. — С. 323–333.

4. *Джубури Х. М.* Уголовная политика в антитеррористическом праве: сравн. иссл. // Журнал Аль-Нахрейн. — 2015. — № 4. — С. 76–90.

5. *Исса Т. Х.* Финансирование усилий по борьбе с электронным терроризмом // Журнал Иракского университета. — 2018. — № 34. — С. 76–80.

6. *Овайн З. А.* Противоречие в решениях кассационной инстанции о преступном содействии в преступлении терроризма // Журнал юридического факультета. — 2012. — № 14. — С. 765–787.

References

1. جاحملا تيب: باهرإلا ليومتو لاومألا لسغ ءحفاكلم . لامج مديحرلا دب ع - 290 - 2004 ص. توريب. ديبلانواعتلاو لاومألا ليسغ تايلمعب متقالعو باهرإلا . نيسح يماسخلا - 27-38 ص - 3 مقرر - 2008. - ربم تبس 26 ءلجم // متحفاكلم يف يلودلا
2. ىلع يديصتلاو ءيلودلا تباجتسالاو لاومألا لسغ خيش دمحم ينوي سب - 333 - 323 ص - 1 ددعلا - 2014. - قورشلا راد ءلجم // ينطول او يملقإلا نيويوتس ملسا
3. ءسارد : باهرإلا ءحفاكلم نوناق يف ءيئانجالا ءسايسلا . ديجم دلأخ يروبو ج - 90 - 76 ص - 4 ددع - 2015. - نيرهنلا ءلجم // ءنراقم
4. ءلجم // ينورتكلإلا باهرإلا ءحفاكلم دوهج ليومت . فلأخ يكرت يسيع - 80 - 76 ص - (34) ددعلا - 2018. - قارءالا ءعماج
5. ءيئانجالا ءدعاس ملسا نأشب ضقنلا ءمكحم تارارق يف ضقان تلاءا . دايز نيوا - 787-765 ص - 14 مقرر - 2012. - قوقحلا ءيلك ءلجم // باهرإلا ءميرج يف

Научное издание

**Актуальные вопросы развития
государственности и публичного права**

Материалы

VI международной научно-практической конференции

Санкт-Петербург, 25 сентября 2020 г.

Том 2

Подписано в печать 21.12.2020. Формат 60×84/16. Печ. л. 12,2. Тираж 60 экз.
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В. О., д. 19, лит. А.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе (РИО)
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России).